

<http://dx.doi.org/10.18778/8142-609-1>

Зооморфная метафора в китайском и русском языках

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

Ivan Smirnov

Зооморфная метафора в китайском и русском языках

Ivan Smirnov – Лодзинский университет, Филологический факультет
Институт русистики, 90-236 Лодзь, ул. Поморска 171/173

РЕЦЕНЗЕНТ

Масимханулы Дукен

РЕДАКТОР

Witold Szczęsny

НАБОР И ВЁРСТКА ТЕКСТА

Munda – Maciej Torz

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Leonora Gralka

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ

Katarzyna Turkowska

В оформлении обложки использован рисунок
© Depositphotos.com/inferion69@gmail.com, vera.holera, stevanovicigor

Публикация без редакционной обработки в Издательстве Лодзинского университета

© Copyright by Иван Смирнов, Łódź 2019
© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2019

Издательство Лодзинского университета
I издание. W.09217.19.0.M

Изд. лист 6,2; печ. лист 8,0

ISBN 978-83-8142-609-1
e-ISBN 978-83-8142-610-7

Издательство Лодзинского университета
90-131 Лодзь, ул. Линдлея 8
www.wydawnictwo.uni.lodz.pl
e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl
тел. (42) 665 58 63

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Метафоризация как объект лингвистических исследований	11
1.1. Из истории изучения лингвистической природы метафоры .	11
1.2. Теоретические основы изучения метафоры	13
2. Русский и китайский языки в свете типологической и сопостави- тельной лингвистики	23
2.1. История типологических исследований	23
2.2. Русский и китайский языки в сопоставительном аспекте	33
2.3. Дифференциация синтаксической конструкции при чтении иероглифического текста	49
3. Сопоставительный анализ метафорических названий человека в области антропонимии	59
3.1. Анализ вторичных лексических значений	61
3.1.1. Анализ вторичных значений в русском языке	62
3.1.2. Анализ вторичных значений в китайском языке	72
3.2. Анализ исходных значений	77
3.2.1. Анализ исходных значений в русском языке	77
3.3. Сопоставление русских и китайских метафорических назва- ний человека	79
Заключение	105
Библиография	109
Приложение	113

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной монографии представлены результаты научно-исследовательской работы по изучению и сопоставлению метафорических номинаций человека в русском и китайском языках, а точнее – зооморфизмы.

Знакомство с языками – занятие не менее увлекательное, чем путешествие по странам и континентам. В представлении сразу возникает некий путешествующий лингвист, с восхищением взирающий на природные и архитектурные памятники и с не меньшим интересом погружающийся в языковую среду того народа, который создал эти шедевры. И все потому, что живой язык – это мост через века к современности, связь между цивилизациями. В путевом дневнике лингвист описывает невероятные приключения в восточнославянском языковом пространстве и далее, пересекая границы, на воздушном шаре возносится к сино-тибетской семье языков. Неизвестность будоражит воображение, а свежий ветер служит указателем. Многие лингвисты-путешественники, сверяясь с картой, пытались найти место-рождение метафор, но до сих пор никому еще не удалось наступить на хвост ускользающей метафоре. Вот и автор монографии тоже решил внести свой вклад в исследование природы метафор, сопоставить зооморфизмы в русском и китайском языках. Исследователь находится еще только в начале пути, но более опытные путешественники подсказывают ему нужное построение «розы ветров», советуют и поддерживают. А почему предметом исследования послужили метафоры в русском и китайском языках? Потому что Россия и Китай – государства с многовековой историей шлифования языков и различающимися менталитетами. Русский язык является искусством народа, в котором отражается вся неповторимость и самобытность древней культуры России, а китайский язык с его иероглифической пластикой представляет собой неисчерпаемую сокровищницу открытий для лингвиста. У каждого народа свои метафоры, но географическое соседство, соприкосновение и местами смешивание языковых пространств влияют на метафоризацию речи носителей русского и китайского языков. Несмотря на полярность языковых картин, «червяком» как в русском, так и в китайском языке называют ничтожного, мелкого человека. И это не единственный пример. Верьте исследователям: сопоставление метафорических номинаций – это, право, так увлекательно!

Согласно творческому замыслу автора, книгу можно начинать читать с любой главы. И если с научной точки зрения монография содержит

результаты исследования метафорических номинаций в русском и китайском языках, то лингвокультурологические аспекты, представленные в теоретической части книги, могут быть интересны людям, только начинающим знакомиться с самобытными культурами России и Китая. Автор полагает, что монография может быть использована и в качестве вспомогательного учебного пособия.

Структурно книга состоит из трех глав, подразделяющихся на параграфы и разделы: «Метафоризация как объект лингвистических исследований», «Русский и китайский языки в свете типологической и сопоставительной лингвистики», «Сопоставительный анализ метафорических названий человека в области антропонимии». В «Приложении» представлены таблицы и словарные статьи.

Автор монографии надеется вооружить читателей действенной методикой познания метафорических моделей в русском и китайском языках, дать ключ к пониманию национальных менталитетов через лингвокультурологические процессы, чтобы увидеть читателей заинтересованных, а еще важнее – более толерантных по отношению к другим народам и цивилизациям.

Автор монографии работал над лексическим материалом в русле семантико-сопоставительных, лингвокультурологических и когнитивных исследований. Основные задачи исследования: 1) выявление общего и специфического в метафорах антропонимов в современном русском и китайском языках; 2) определение состава метафор антропонимов по данным толкового словаря современного русского и китайского языков; 3) сопоставительный анализ метафорических номинаций с точки зрения соответствия по ЛСТ, гендерной и оценочной семантике для выявления лексико-семантических, культурологических, когнитивных особенностей и их национального своеобразия в сопоставляемых языках.

Исследуя с этих позиций лексический материал, автор произвел сравнение языковых метафор на материале антропонимов в русском и китайском языках. В книге представлен результат сопоставительного анализа 93 лексических единиц, произведенного с точки зрения соответствия значений по лексико-семантическим группам, гендерной и оценочной семантике. Объектом исследования послужила лексика современного русского и литературного китайского (普通话 pǔtōnghuà) языков, собранная методом сплошной выборки из толковых словарей китайских и русских авторов.

В первой главе «Метафоризация как объект лингвистических исследований» автором представлены теоретические основы изучения метафоры, показан исторический путь изучения ее когнитивной природы с древних времен до наших дней. В монографии автор намеренно останавливается на основных направлениях исследования метафоры, в связи с чем и делает обзор работ ученых, работающих в этой области. Исторический экскурс по лабиринтам постижения концептуальной метафоры автор предпринимает

с целью знакомства читателей с современным научным кластером изучения данного феномена. Метафоре посвящено много научных трудов. Ее изучают лингвисты, используют писатели, поэты, художники, журналисты. Изучение метафоры становится более интенсивным, охватывая различные сферы лингвистики, литературы, философии, психологии, кибернетики. Современные исследователи рассматривают метафорические выражения как одно из важнейших средств конструирования текста, его расширения, как способ связи естественного языка и языка науки, а также выявляют и другие стороны употребления метафор.

Во второй главе – «Русский и китайский языки в свете типологической и сопоставительной лингвистики» автор книги знакомит читателей с типологической классификацией языков, историей зарождения типологии языков как отдельного направления в языкознании. Лингвистическая типология занимается классификацией языков независимо от того, как они устроены, описывает внутреннее устройство языка в целом. Книга содержит информацию о наиболее важных трудах ученых-лингвистов в области типологии языков. Поскольку автор исследует лексические единицы в русском и китайском языках, то в разделе лингвистической типологии выделяет генетическую, структурную, ареальную и сравнительную типологии. По результатам анализа структур русского и китайского языков автор приходит к заключению о полном различии грамматических средств и словообразования. Анализ по типологическим особенностям показал, что в китайском языке сохраняются аналитические тенденции, а в русском – черты синтетического строя. Язык – это опыт цивилизации, накопленный с древнейших времен. Автор монографии пытается найти ответ на вопрос: каким образом происходит дифференциация синтаксической конструкции в процессе чтения иероглифического текста, как придается смысл визуально слитым частям в предложении? Невозможно изучать язык в отрыве от представлений о носителях языка. Языковая картина мира носителей языка существенно отличается от тех представлений о языке, которые сложились у специалистов в области синологии. Автор считает, что возвращение к методам, выработанным аналитической философией, позволит более ясно взглянуть на структуру языка и дистанцироваться от влияния когнитивного направления, главенствующего на сегодняшний день в лингвистике. Изложение теоретического материала оживляется историческими вставками о развитии языкознания в России и Поднебесной. Показательно, что именно метафорические конструкции в столь различных по типологическим признакам языках – русском и китайском, позволяют обнаружить различия и общность в мироощущении двух народов.

В третьей главе монографии «Сопоставительный анализ метафорических названий человека в области антропонимии» автор представляет результаты проведенного сопоставительного анализа вторичных значений

русского и китайского языков, знакомит читателей с применением методики сопоставления оригинальных метафор в русском языке и их переводов на китайский язык. Эта методика является традиционной: при ее использовании сопоставляются метафоры оригинального текста и их перевод на другой язык. Такое сопоставление позволило выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафорические значения не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о существующих различиях в метафорических моделях данных языков. В ходе исследования автором книги был выявлен набор наиболее существенных характеристик исходных и вторичных значений: оценочная характеристика вторичных значений по гендерной принадлежности, по особенностям характера, по поведению и повадкам, по физическим свойствам. Выделенные характеристики позволили автору наиболее адекватно описать то или иное значение с точки зрения его положения в системе языка и сопоставить его с единицами данного порядка другого языка. Сопоставительный анализ метафорических номинаций показал, как в китайском и русском языках отражаются различия в эмоционально-оценочной номинации, позволил увидеть, как в них реализуется национально-культурная коннотация.

Автор монографии считает своим приятным долгом искренне поблагодарить директора Института русистики профессора Ярослава Вежбиньского (Лодзинский университет, Польша), директора Центра исследований Восточной Европы профессора Александра Киклевича (Варминьско-Мазурский университет, Польша), доцента Лян Дэмина (Шанхайский финансовый университет, КНР), заведующего кафедрой китайского языка профессора Дуке-на Масимханулы (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан), заведующую кафедрой ориенталистики профессора Нелли Пак (Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Казахстан) – за научную и человеческую поддержку.

Человек временен
– кто может перенести эту мысль?

Василий Розанов

1

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Из истории изучения лингвистической природы метафоры

Впервые определение метафоры как сжатого сравнения дал Аристотель: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Скляревская 1993, 2). Метафора, по Аристотелю, дает право «говоря о действительном, соединять с ним невозможное». Аристотель подводил под понятие метафоры и метонимию, и катахрезу, что было отмечено Цицероном, который также упоминал, что метафора обращается непосредственно к внешним чувствам, особенно к зрению, чувству наиболее обостренному (Скляревская 1993, 28). Определения метафоре давали и другие античные философы: Квинтилиан, Деметрий, Платон и Теофраст. Они рассматривали метафору как перенос понятий по сходству и дополнение для точности выражений. Деметрий полагал, что

обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях, такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения (см. Скляревская, 3).

Квинтилиан является автором одной из первых метафорических типологий. Сохранились сведения о древнеиндийском ученом Анандавардхане, жившем в VIII в.н.э. В своих трудах «Дхаваньялока» он сравнивает метафору с эхом, вторичным и первичным обозначениям слова.

Строго говоря, следовало бы заменить и сам термин «метафора», чей привычный смысл может увести в сторону. Ведь метафора – это перенесение имени.

Но тысячи случаев переноса не имеют ничего общего с метафорой (Ортега-и-Гассет 1990, 77).

С. Меликова-Толстая (1936, 340) отмечает, что античная риторика рассматривает метафору поверхностно, «вне связи с образностью, хотя уже намечается понимание метафоры как семантического образования, которое, вычленив сходство между разными предметами, передает целостный образ предмета и тем самым непосредственно воздействует на органы чувств». В то же время американский философ Джон Роджерс Серль отмечает, что «проблема функционирования метафоры является частным случаем более общей проблемы, а именно – объяснения того, как расходятся значение говорящего и значение предложения» (1990, 307).

Научный всплеск изучения теории метафоры пришелся на время античности. В дальнейшем интерес к развитию теории метафоры иссяк, что совпадает с периодом упадка риторики.

На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме (Ричардс 1990, 46).

Выдающийся англо-американский философ и лингвист Айвор Армстронг Ричардс указывал на ошибку, которую допускали все научные концепции XVIII в., касаясь теории метафоры. Он предупреждал, что нельзя смешивать «наши теории с владением метафорой или аппарат описания с тем, что он описывает» (Ричардс 1990, 58). Главной задачей теории метафоры Ричардс считал обучение человека искусству владения метафорой и мышлению. В конце XIX века происходит застой в изучении метафоры, который Ричардс объясняет отсутствием новых подходов и непродуктивными методами исследования.

В XX веке интерес к метафоре снова возвращается, и она начинает переосмысливаться как неотъемлемый элемент речи, а различные теории метафоры рассматриваются в новом формате. Способность метафор создавать целостность, объединяя разнородный материал, постоянно привлекает к ним интерес лингвистов (Гусев 1984, 104). Заслуживают внимания труды о смысле метафоры И. Канта, Ф. Ницше, Н. Н. Волкова, М. Джонсона и Дж. Лакоффа. Е. С. Кубряковой.

Долгое время специальный анализ сущности природы метафоры и ее функций отсутствовал. Научные исследования в данном направлении велись медленно, и только в 60-е годы XX века лингвисты вновь заинтересовались

метафорой. Российский ученый Галина Складневская отмечает, что, как только метафора была осознана, вычленена из ряда других языковых явлений и описана, она перестала быть украшением речи и теперь занимает особое место в когнитивной теории языка.

Феноменом языка называет метафору Складневская. Она придерживается той точки зрения, что метафоры применяются в языке не из-за недостатка слов, а для создания экспрессии. Складневская отмечает, что только в XX веке метафора была изучена в традиционной лингвистике как феномен языка, выведена из области поэтики и стала применяться в науке (Складневская 1993, 30). Любая метафора обладает двумя значениями одновременно — буквальным и образным.

Метафора часто встречается не только в литературных произведениях, но и в науке, философии и юриспруденции, она эффективна в похвале и оскорблении, мольбе и обещании, описании и предписании (Дэвидсон 1990, 174).

Метафора является универсальным понятием, с помощью которого можно охарактеризовать язык и мышление человека. Существование языка без метафор невозможно, поэтому она до сих пор привлекает ученых разных областей науки.

1.2. Теоретические основы изучения метафоры

Действительно революционным для своего времени был вклад в теорию метафоры лингвиста А. Ричардса. В 1936 году он издает свой знаменитый труд «Философия риторики». Ричардс не только разработал собственный метод изучения метафоры, а его взгляды в этой области заложили основу теории интеракции, но и ввел в теорию метафоры такие понятия, как «*Tenor*» и «*vichile*».

Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке. Об этом важно помнить, если мы хотим совершенствовать теорию метафоры. Нашим методом должно стать пристальное наблюдение над умением мыслить, что нам уже известно. Мы должны описать это умение так, чтобы оно могло стать предметом научного обсуждения (Ричардс 1990, 46).

По мнению Ричардса, в основе метафоры лежит взаимодействие идей и смена контекста. Долгое время употребление метафор считалось недопустимым для языка науки из-за появления неточностей, связанных с двусмысленностью метафор. Испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет отмечает вспомогательную роль метафор в науке. «Метафора — необхо-

димое орудие мышления, форма научной мысли, наука лишь прибегает к метафоре, не более того» (Ортега-и-Гассет 1990, 68). Метафора, по мнению ученого, имеет в науке два разных употребления. Создавая новые понятия, исследователь пытается передать его суть через уже существующую терминологию. В результате на базе старых понятий появляются новые термины, и они закрепляются в науке. Метафора является не только средством выражения, сама метафора является орудием мышления. Роль метафоры как орудия мысли в логике он сравнивал с винтовкой или удочкой (Ортега-и-Гассет 1990, 71).

Наука инвертирует пользование метафорой. Она начинает с полного отождествления двух объектов, заведомо различных, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества, которое и будет признано истинным (Ортега-и-Гассет 1990, 74).

Известный американский ученый Эрл Маккормак выделил причины возникновения метафоры. Он считал, что невозможно объяснить возникновение метафор без существования конструкции глубинных структур человеческого разума.

Путем определенных иерархически организованных операций человеческий разум сопоставляет семантические концепты, в значительной степени несопоставимые, что и является причиной возникновения метафоры (Маккормак 1990, 359).

Изучая когнитивную теорию метафоры, Маккормак «расположил иерархию идеальных конструкций на двух уровнях глубинных структур: на семантическом и на когнитивном» (Маккормак 1990, 359). Посредством определения этих уровней ученый доказывает, что в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный, а реальные метафоры составляют поверхностный язык.

Поверхностный язык играет важную роль, обеспечивая контекст для интерпретации, особенно в том, что касается определения значения семантических компонентов метафоры (Маккормак 1990, 359).

Для того чтобы понять когнитивные процессы, порождающие метафору, Маккормак использует эвристические механизмы — поверхностный язык, семантику и синтаксис, познание (Маккормак 1990, 359). Ученый даже считает, что метафоры могут оказать влияние на биологическую эволюцию и в какой-то мере ее изменить, ведь метафоры влияют на поведение человека, меняют его язык. Он считал метафору посредником между разумом и культурой (Маккормак 1990, 361). Природа порождения метафор связана с се-

мантическим сдвигом, который не объясняет «соположение референтов, нормально никак не связанных» (Маккормак 1990, 358). Природа возникновения метафор до сих пор остается невыясненной.

...невозможность полного объяснения метафоры только посредством формальных абстракций не ставит под сомнение применимость абстрактных структур к тем аспектам создания метафор, которые поддаются соответствующему объяснению (Маккормак 1990, 362).

Маккормак приходит к выводу, что «вероятность найти в настоящее время алгоритмическое описание творческого когнитивного процесса, при помощи которого порождаются метафоры, относительно мала» (Маккормак 1990, 358). Свое объяснение природы метафоры Маккормак считал квазиформальным, основанным на использовании математической модели для описания ощущений. Метод описания метафоры как процесса в двух смыслах также принадлежит ученому. Первый процесс когнитивный, при котором формируются новые понятия, второй — культурный, при котором меняется сам язык (Маккормак 1990, 363). Устный и письменный язык меняются посредством применения метафор в динамическом культурном процессе. Также ученый считает, что метафора существует в виде динамического когнитивного процесса, хотя при этом она не является статической грамматической категорией (Маккормак 1990, 364).

Для создания метафор не существует инструкций, нет справочников для определения того, что она «означает» или «о чем сообщает». Метафора опознается только благодаря присутствию в ней художественного начала (Дэвидсон 1990, 173).

Другой американский философ Дональд Герберт Дэвидсон считал, что для создания метафоры не нужно творческих усилий. Он не поддерживает мнение о том, что метафора имеет особое значение, не является она и средством передачи идей. Метафора, помимо своего буквального значения, имеет еще и особое когнитивное содержание. Метафорические и образные значения возникают посредством функционирования слов (Дэвидсон 1990, 175). Если брать за основу утверждение ученого о том, что «любая коммуникация — это взаимодействие мысли изреченной и мысли, извлеченной из речи», то получится, что метафора определяется только благодаря присутствию в ней художественного начала (Дэвидсон 1990, 173). Метафору нельзя перефразировать. Эту мысль о парафразе Дэвидсон объясняет тем, что метафора не изменяет буквальное значение, в ней «просто нечего перефразировать», ее даже интерпретировать трудно. Интерес для него как ученого представляет процесс «схватывания» метафорического значения (Дэвидсон 1990, 176).

Если считать, что слова в метафоре обладают прямой референцией к объекту, тогда стирается разница между метафорой и введением в лексикон нового слова: объяснить, таким образом, метафору — значит уничтожить ее (Дэвидсон 1990, 176).

Дональду Дэвидсону принадлежит теория эллиптического сравнения метафоры. Согласно его заключениям, если метафоры «являются эллиптическими сравнениями, тогда они эксплицитно говорят то, что говорят сравнения, ибо эллипсис есть форма сокращения, а не парафразы или намек» (Дэвидсон 1990, 183). Интересна мысль ученого о ложности метафор. Все метафоры по своей сути ложны. «Ложь требует не того, чтобы содержание предложения было ложным, а того, чтобы все думали, что оно ложно» (Дэвидсон 1990, 186). Он приходит к выводу, что до сих пор ни одно учение, ни одна теория метафорического значения не в состоянии объяснить, как функционирует метафора. Метафору в предложении можно найти только по употреблению и речевым действиям, она не несет никакого содержания и имеет только скрытое значение (Дэвидсон 1990, 189).

В современной когнитологии изучение метафоры имеет определенные традиции. Именно когнитивная лингвистика нашла связь между языком и сознанием человека. В настоящее время разработаны исследования, посвященные когнитивной метафоре. Мышление человека и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Известный польский ученый-лингвист Александр Киклевич дает определение понятию «метафора» с позиции когнитивизма. Метафора с когнитивной точки зрения представляет собой проецирование знаний о сущностях одного рода на восприятие и понимание сущностей другого рода. Он подчеркивает, что в процессе проецирования участвуют два объекта: 1) исходная концептуальная область — донор, источник, эффе́ктор и 2) определяемая концептуальная область — рецептор, цель (Киклевич 2007, 30). Основываясь на идее когнитивного подхода, ученый определяет функциональную значимость метафоры, которая проявляется в том, что «с помощью ассоциируемых импликаций одной познавательной модели конструируется познавательная модель нового объекта, вводимого в опытную область человека». Такова функциональная значимость метафоры с когнитивной точки зрения (Киклевич 2007, 30). Ученый объясняет формирование понятия в сознании человека, тогда как само сознание формируется путем интеллектуального расчленения наблюдаемого явления, выделения существенных признаков, приписывания им символов и построения пропозициональной модели (Киклевич 2007, 30).

Американские ученые: лингвист-теоретик из университета Беркли Джордж Лакофф и философ Марк Джонсон из Стэнфордского университета — разработали теорию концептуальной метафоры. В основе теории лежат когнитивные подходы к метафоре. Метафора представлена как когнитивный,

языковой и культурный феномен. Метафору изучают со времен античности, и роль ее не ослабевает ни в философии и лингвистике, ни в повседневном общении между людьми. Ученые открыли способы использования метафоры как средства познания действительности и как инструмента организации опыта человека, обобщения его знаний о действительности. Лакофф и Джонсон считали, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, однако понятийная система не всегда осознается самим человеком. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Лакофф, Джонсон 1990, 387). Выводы Лакоффа и Джонсона о метафоричности понятийной системы опираются на лингвистические данные. Ученые пришли к выводу, что, благодаря языку, мы получили доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия (Лакофф, Джонсон 1990, 388). Согласно их исследованиям, метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны (Лакофф, Джонсон 1990, 388). Лингвисты отмечают, что метафорические понятия могут выйти за пределы обычного способа мышления в область, называемую мышлением и языком (Лакофф, Джонсон 1990, 395). Метафорична и природа понятий, упорядочивающих повседневные действия, как метафоричны выражения повседневного языка (Лакофф, Джонсон 1990, 389). Метафорические понятия дают лишь частичное осмысление того, какова суть коммуникации. «Коммуникация — это лишь частный случай диалогичности, которая может быть реализована не только во внешней, но и во внутренней речи» (Киклевич 2000, 30). Ученый объясняет формирование понятия в сознании человека. Оно формируется путем интеллектуального расчленения наблюдаемого явления, выделения существенных признаков, приписывания им символов и построения пропозициональной модели (Киклевич 2007, 30). Лакофф и Джонсон как типы метафорических понятий определяют структурную, ориентационную, онтологическую метафоры. Наибольший интерес представляет теория об эмпирических основаниях метафор. Ученые полагают, что «ни одна метафора не может восприниматься и даже не может быть адекватно представлена независимо от ее эмпирических оснований» (Лакофф, Джонсон 1990, 402).

Неотделимость метафор от их эмпирических оснований можно было бы акцентировать посредством включения эмпирических оснований в сами представления метафор (Лакофф, Джонсон 1990, 402).

С точки зрения познавательной функции метафора оказалась интересной не только для лингвистов, но и для философов. В ряде философских исследований функционирование метафоры в языке непосредственно связывается с некоторыми моментами научного познания. Метафора рассматривается

как одно из важнейших средств конструирования языка, его расширения, а также как способ непосредственной связи естественного языка с языком науки (Гусев 1984, 104).

Одним из первых исследователей, непосредственно связавших метафору с научным познанием, был американский аналитический философ Макс Блэк. Именно он является автором терминов «фокус» (*focus*) и «рамка» (*frame*). Блэк отмечает, что создание предложений, целиком состоящих из метафор, приводит к появлению пословиц, аллегорий, загадок (Блэк 1990, 155). Он рассматривает три точки зрения на метафору: интеракционистскую, субституциональную и сравнительную (Блэк 1990, 156). Согласно субституциональному взгляду на метафору, метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквальному выражению, а также подход, согласно которому любое предложение, содержащее метафору, рассматривается как замещающее некоторый набор предложений с прямым значением (Блэк 1990, 156). Блэк говорит о том, что субституциональная точка зрения в той или иной форме принимается большинством авторов. Приводя определение из Оксфордского словаря:

Метафора: фигура речи, заключающаяся в том, что имя или дескриптивное выражение переносится на некоторый объект, отличный от того объекта, к которому, собственно, применимо это выражение, но в чем-то аналогичный ему; результат этого — метафорическое выражение (Блэк 1990, 159).

Блэк отмечает эту точку зрения как наиболее укоренившуюся и считает, что автор, утверждающий другой взгляд, приближается к старому определению: «говорить одно, а иметь в виду другое». Согласно субституциональной концепции, фокус метафоры служит для передачи смысла, который в принципе мог бы быть выражен буквально, понимание метафоры уподобляется разгадыванию загадки (Блэк 1990, 160). Точка зрения, утверждающая, что в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии является в терминологии Блэка сравнительной точкой зрения на метафору.

Согласно «сравнительной точке зрения», метафорическое утверждение может быть заменено эквивалентным ему сравнением, оно является разновидностью субституциональной концепции метафоры (Блэк 1990, 161).

Главным отличием субституциональной концепции Блэка и являющейся ее разновидностью сравнительной точкой зрения является то, что при сравнительной точке зрения требуется более детальная перефразировка (Блэк 1990, 162). Третьей точкой зрения, рассматриваемой Блэком, является интеракционистская точка зрения на метафору. Ученый говорит о том, что она лишена главных недостатков субституциональной и сравнительной точек

зрения и проникает в суть употребления метафор и границ самого этого понятия. Интеракционистская точка зрения по Блэку сводится к следующим семи понятиям:

1) Метафорическое суждение имеет два различных субъекта — главный и вспомогательный. 2) Эти субъекты зачастую выгоднее рассматривать как «системы» (*systems of things*), чем как глобальные объекты. 3) Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом. 4) Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом, но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации. 5) Метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. 6) Это влечет за собой сдвиги в значении слов, принадлежащих к той же самой семье или системе, что и метафорическое выражение. 7) Не существует, вообще говоря, никаких «предписаний» относительно обязательности сдвигов значения — никакого общего правила, которое позволило бы объяснить, почему некоторые метафоры проходят, а другие нет (Блэк 1990, 167).

Блэк заставляет всех признать, что правила языка оставляют широкий простор для варьирования, индивидуальной инициативы и творчества. Постепенно метафора начала рассматриваться как важный компонент научных теорий и обрела свое место в научной картине мира.

Российский ученый-философ, профессор Станислав Гусев, занимаясь исследованием метафор, считал, что современные исследователи должны рассматривать метафорические выражения как одно из важнейших средств конструирования языка. Таким способом можно решить проблему, оказавшуюся непосильной для прошлого, – проблему становления нового знания (Гусев 1984, 104).

Известный российский ученый-лексикограф Галина Складаревская считает, что неоднозначность теорий метафоры, которая сама по себе является лингвокультурологическим феноменом, приводит к различному толкованию понятия метафоры. Метафора рассчитана на создаваемый ею образно-эмоциональный эффект. В предложении метафора является не только средством лексической выразительности, она способна на построение образов (Складаревская 1993, 4).

Будучи «повсеместной» и «все пронизывающей», метафора встречается в различных сферах жизнедеятельности человека. Язык различных научных теорий строится на основе метафор. Изучение метафоры может оказаться ключом к пониманию многих проблем современной науки. На современном этапе развития лингвистической науки метафору исследуют в языкознании, философии, психологии, медицине, экономике, военном

искусстве. Существует большое количество работ, посвященных метафоре научного (Н. Д. Арутюнова, Г. С. Баранов, Г. Г. Кулиев, С. С. Гусев) и научно-популярного текстов (Л. С. Билоус, В. Ф. Крюкова, Н. В. Позднякова), а также метафоре в средствах массовой информации (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, М. Р. Желтухина, Е. И. Чепанова, Т. А. Ширяева и др.).

Если воспользоваться определением Складерской и рассматривать метафору как «феномен языка», то современные ученые-лингвисты не оспаривают существование двух типов метафор — художественной и языковой. В XX веке лингвисты выделяли четыре основных аспекта исследования языковой метафоры: номинативно-предметный, формально-логический, психологический и лингвистический. В настоящее время произошло значительное увеличение направлений исследования метафоры. Складерская отмечает следующие самостоятельные направления:

- 1) семасиологическое,
- 2) ономасиологическое,
- 3) гносеологическое,
- 4) логическое,
- 5) лингвистическое,
- 6) лингво-стилистическое,
- 7) психологическое,
- 8) экспрессивное,
- 9) лингвистико-литературоведческое,
- 10) лексикографическое.

Семасиологическое направление изучает семную структуру языковой метафоры, семантические процессы, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, механизмы образования метафоры, специфику денотата языковой метафоры, характер коннотативных элементов.

Ономасиологическое направление изучает метафору с точки зрения ее предметной отнесенности, соотношения языковых единиц с внеязыковыми объектами.

Гносеологическое направление изучает языковую метафору вместе с другими лексическими средствами, формирует недостающие языку значения.

Логическое направление изучает логические связи метафорических значений, является обширной областью исследования.

Лингвистическое направление изучает языковые свойства метафоры (морфологические, словообразовательные, синтаксические).

Лингво-стилистическое направление изучает стилистически маркированные элементы языковой системы: узкоспециальные термины науки, техники, ремесла, искусства.

Психолингвистическое направление изучает языковую метафору в аспекте теории речеобразования и восприятия речи. Складерская от-

мечает влияние, которое оказали на это направление науки психологические и лингвистические воззрения российского психолога Л. Выготского.

Экспрессивное направление занимается изучением экспрессивных свойств языковой метафоры.

Лингвистико-литературоведческое направление занимается изучением лингвистических свойств художественной метафоры.

Лексикографическое (или лексикологическое) направление изучает языковую метафору в пределах разных лексических групп. Складская считает, что изучение языковой метафоры в аспекте лексикографии пока рано считать сложившимся лингвистическим направлением (Складская 1993, 26). Языковая метафора представляет собой готовый элемент лексики.

Современные исследователи рассматривают генетическую метафору не как тип языковой метафоры, а как смежное с языковой метафорой семантическое явление. Общность происхождения не обеспечивает единства в синхронном плане. Генетическая метафора в отличие от языковой не обладает образным элементом, не обнаруживает семантической двойственности. Можно сказать, что семантически она нейтральна. Символы метафоры обнаруживают большое разнообразие как по своему семантическому устройству, так и по характеру связи исходного значения с метафорическим. В соответствии с этими различиями Складская условно выделяет следующие виды языковой метафоры:

- 1) мотивированная,
- 2) синкретическая.

Четко отграничить один вид языковой метафоры от другого вида невозможно, так как этому препятствует неустойчивый и подвижный характер символа метафоры (Складская 1993, 41). Мотивированной называется такая языковая метафора, в которой присутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным. Обычно такие языковые метафоры описаны в толковых словарях (Складская 1993, 52). Складская подчеркивает, что актуализированный в языковой метафоре признак не фигурирует в толковании исходного значения.

Известный российский филолог, представитель московской лингвистической школы Нина Давидовна Арутюнова показывает пути исследования метафоры (1990, 4). Рассматриваемый в перспективе механизм действия метафоры ведет к конвенционализации смысла. Этим определяется роль метафоры в развитии техники смыслообразования, которая включает ее в круг интересов лингвистики.

Метафора — это один из способов выражения значения, существующий наряду с употреблением слов в их прямом и точном смысле, но гораздо менее удобный и эффективный (Арутюнова 1990, 11).

Метафоры используют и в быту, и в науке, но, как отмечает Арутюнова, не повсеместно. Арутюнова определяет области, где не используется метафора. В тех областях, где нужна точность и определенность смысла, метафора не употребляется. Нельзя использовать метафору в

законах и военных приказах, в уставах, запретах и резолюциях, постановлениях, указах и наказах, всевозможных требованиях, правилах поведения и безопасности, в циркулярах, в инструкциях и медицинских рекомендациях, программах и планах, в судопроизводстве (приговорах и частных определениях), экспертных заключениях, аннотациях, патентах и анкетах, завещаниях, присягах и обещаниях, в предостережениях и предупреждениях, в ультиматумах (Арутюнова 1990, 7).

Приведенный пример показывает, что метафора несовместима с прескриптивной и комиссивной функциями речи.

Как видно из вышеизложенного, несмотря на наличие большого количества литературы, посвященной лингвистическому аспекту метафоры, многие вопросы остаются не до конца изученными. На каждом этапе развития лингвистики раскрываются новые аспекты изучения данной темы. С позиции антропологической научной парадигмы представляет большой интерес исследование метафоры в когнитивной проекции.

Возьмите с собой мои слова и начинайте идти.

Исаак Бабель

2

РУССКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2.1. История типологических исследований

На земном шаре существует множество языков. Их общее число в современном мире от 2,5 до 6 тысяч.

Каждый язык сам по себе есть некое коллективное искусство выражения. В нем таится совокупность специальных эстетических факторов — фонетических, ритмических, символических, морфологических, которые не полностью совпадают с тем, что наличествует в любом другом языке (Сепир 1993, 197).

В начале XVII века французский филолог-гуманист Йозеф Юстус Скалигер впервые попробовал определить группы родственных языков. Александр Реформатский — ученый-лингвист, видный представитель Московской фонологической школы пишет, что Скалигер в пределах известных ему европейских языков установил „11 языков-матерей: четыре «больших» — греческая, латинская (с романскими), тевтонская (германская) и славянская, и семь «малых» — эфиротская (албанская), ирландская, кимрская (бриттская) с бретонским, татарская, финская с лопарским, венгерская и баскская” (Реформатский 1998, 206).

Исследования по классификации языков продолжаютс, и ученые уже пытаются создать морфологическую классификацию языков. Реформатский счел необходимым отметить попытки классификации языков математика и философа Готфрида-Вильгельма Лейбница. Впоследствии его классификация была признана неточной, но в ней все же прослеживалось понятие семьи языков. Лейбниц распределил известные ему языки в два больших семейства с подгруппами. К первому семейству относятся языки арамейские (семитские), ко второму семейству — яфетические языки. По классификации Лейбница к яфетическим языкам относятся скифские (финские, тюркские,

монгольские, славянские) и кельтские языки. По определению Лейбница все остальные европейские языки относятся к кельтским.

В первой половине XVIII века русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов сделал попытку общей типологической классификации языков. В своей работе он использовал сравнительно-исторический метод в классификации славянских языков. Реформатский отмечает большую значимость его трудов для дальнейшего развития лингвистической типологии.

[...] Разъяснен вопрос о степени близости русских диалектов и разобщенности немецких, о месте старославянского языка и намечены родственные отношения между языками европейской части индоевропейских языков (Реформатский 1998, 207).

В 1787 году в России вышел первый словарь «Сравнительные словари всех языков и наречий», в котором русские слова были переведены на 200 известных к тому времени языков Азии и Европы. Материалы для переводов в этих словарях собирались «всем миром». Редакторами первого словаря были ученый-энциклопедист, академик Петр Симон Паллас и статский советник, педагог Федор Янкович де Мириево. Большое участие в составлении словаря принимала сама императрица Екатерина II. Таким образом, этому словарю придавалось государственное значение (Реформатский 1998, 207).

В первой половине XIX века еще один известный русский славист, поэт и исследователь Александр Востоков занимался сравнением славянских языков. Ему принадлежат труды по сравнительной грамматике славянских языков, лексикографии церковнославянского и русского языков, палеографии. Используя сравнительный метод, Востоков определил место старославянского языка в группе славянских языков.

В конце XIX века типологической классификацией языков занимался один из наиболее известных российских лингвистов, основатель московской лингвистической школы профессор Филипп Фортунатов. Он создал собственную морфологическую классификацию языков. Фортунатов считал, что все языки мира можно разделить на 5 групп: агглютинативные языки, флективно-агглютинативные языки, флективные языки, полисинтетические и корневые языки.

Во второй половине XVIII века в Европе появляются труды британского лингвиста, востоковеда и переводчика Уильяма Джонсона. Получив назначение в Калькутту, он изучает современные индийские языки и древнеиндийский язык санскрит. Джонс считает своим долгом рассказать Европе о богатстве индийского культурного наследия. Выводы, к которым он приходит, оказались первыми трудами по сравнительной типологии языков. В начале XIX века ученые разных стран начинают заниматься сравнительным анализом языков. Это были немецкий лингвист, основатель сравнительного

языкознания Франц Бопп; датский языковед, ориенталист, один из основоположников индоевропеистики Расмус-Кристиан Раск; другой основоположник сравнительно-исторического языкознания — немецкий языковед, философ Август Фридрих Потт; создатели мифологической школы, немецкие филологи Якоб и Вильгельм Гримм, теоретики немецкого романтизма, языковеды Фридрих и Август Вильгельм фон Шлегель, немецкий философ, языковед Вильгельм фон Гумбольдт.

Большой научный вклад по типологическому исследованию языков внесли немецкие ученые Ф. и А.-В. фон Шлегель. Ф. Шлегель — виднейший теоретик йенской романтической школы разделял языки на флективные и аффиксирующие. Он производил деление языков, исходя из наличия или отсутствия изменения корня. А. Шлегель был не только теоретиком литературы, но и переводчиком. Он считал, что при переводе нужно сохранять форму оригинального текста. Дополняя классификацию брата, А. Шлегель понял, что не могут все языки мира быть только аффиксирующими и флективными. Именно А. Шлегель углубил языковую классификацию своего брата, добавив еще один класс языков без грамматической структуры. Он определил три типа языков: флективные, аффиксирующие и аморфные. Он первым выделил в особую группу изолирующих языков китайский язык и описал отсутствие флексии в данном языке. Шлегелю также принадлежит деление флективных языков по грамматическому строю на синтетические и аналитические. Другой выдающийся немецкий лингвист, представитель сравнительно-исторического языкознания А. Шлейхер продолжил работу над трехчленной типологией языков братьев Шлегелей. Согласно его натуралистической теории языка (теория языкового дерева), все родственные языки, как ветви от дерева, ответвлялись от общего праязыка. Классической генеалогической классификацией языков признается классификация Я. Гримма. В этой классификации все языки мира делятся на большие языковые семьи: индоевропейскую, тюркскую, семито-хамитскую, уральскую, китайско-тибетскую, монгольскую, эскимосо-алеутскую и другие (Анохина, Кострова, 2012, 14). Классификацию Шлейхера положили в основу своих исследований археолог и историк Н. Марр и немецкий языковед, философ Х. Штейнталь.

Лингвистическая типология как наука зародилась в начале XIX века в Европе. Признанным основоположником типологии языков как раздела языкознания считается выдающийся немецкий мыслитель и государственный деятель В. фон Гумбольдт. Будучи дипломатом, Гумбольдт занимался языкознанием, переводами, философией, литературоведением и государственным правом. Он считал, что сравнительное изучение языков должно стать самостоятельным предметом, только тогда можно будет сделать научные выводы о развитии языков и народов, «и вообще о становлении человека». Гумбольдту казалось, что даже изучение одного языка весьма затруднительно:

Если общее впечатление о каждом языке и легко уловимо, то при стремлении установить, из чего же оно складывается, теряешься среди бесконечного множества подробностей, которые кажутся совершенно незначительными, и скоро обнаруживаешь, что действие языков зависит не столько от неких больших и решающих своеобразий, сколько от отдельных, едва различимых следов соразмерности строения элементов этих языков (Гумбольдт 2000, 3).

Гумбольдт ошибочно считал, что языки имеют «некий предел своей завершенности», после достижения которого уже не меняется их строение и структура. Он считал, что если язык уже обрел свою структуру, то основные грамматические формы больше не меняются. Если в языке не было различий в роде, падеже, залоге, то он больше не пополнится основными видами производных.

Как земной шар, который прошел через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки имеют некий предел своей завершенности (Гумбольдт 2000, 3).

Гумбольдт первым выдвинул гипотезу о первоначальной общности происхождения языков, он подчеркивал, что едва ли можно найти племенной язык, сохранивший свою чистоту в процессе развития, но «именно в них, как живых созданиях духа, могут в пределах установленных границ происходить более тонкие образования языка» (Гумбольдт 2000, 3).

К существующим трем группам языков Гумбольдт добавил четвертую, в которой слова объединяются в комплексы как слова-предложения, в эту группу он отнес языки американских индейцев. Этот четвертый тип языков он назвал инкорпорирующим. По мнению Гумбольдта, развитию языков способствует духовная сила народов, и в разные эпохи она различна. Язык связан с формированием духовной силы нации. Он считал, что идея, вытекающая из всемирно-исторического процесса, — это выявление человеческой духовной силы. Язык сливается с силой национального духа и «чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего». Язык стимулирует человеческую духовную силу к постоянной деятельности.

Возникновение языков обуславливается теми же причинами, что и возникновение духовной силы, и в то же время язык остается постоянным стимулятором последней. Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей (Гумбольдт 2000, 93).

Гумбольдт считал необъяснимой загадкой тот факт, что язык народа и его дух сливаются в одно целое, при этом язык является проявлением духа народов

и зависит от него. Живой язык меняется не просто как человеческий продукт духовной деятельности, фиксируя результаты познания объективного мира, а как высшее проявление духовной силы. В ходе своего развития все языки испытывают одновременное воздействие трех факторов: направленность языка, влияние накопленного материала, понятийное богатство разума. У каждого языка есть свой характер, в языке закрепляется общественное сознание, результаты мыслительной деятельности. Гумбольдт предполагал, что для каждой языковой семьи существовал исходный праязык. Например, на базе латинского языка были образованы романские языки. Гумбольдт выделял три возможные формы языков: флективную, агглютинативную и инкорпорирующую, подчеркивая, что «все языки несут в себе одну или несколько из этих форм, и при сравнительной оценке они воплощают эти абстрактные формы в своих конкретных формах» (Гумбольдт 2000, 293). Среди всех известных языков китайский и санскрит находятся в полном противопоставлении. В китайском языке отсутствуют грамматические формы, они как бы «перенесены в сферу работы духа, а в санскрите грамматические формы воплощаются в звуке» (Гумбольдт 2000, 293). Гумбольдт считал китайский язык «наиболее отклоняющимся от естественных требований, наиболее несовершенным среди всех языков», полагая, что этот язык обладает высокими достоинствами и оказывает мощное воздействие на духовные потенции.

Гумбольдт разделил языки на четыре типа: флективные, агглютинирующие, изолирующие и инкорпорирующие. До сих пор гумбольдтовская классификация языков не утратила своей научной ценности. Ученый приводит пример ошибочного мнения о флективных и агглютинативных языках. Считалось, что у более развитых народов были и более совершенные языки. Гумбольдт сопоставлял языки по сходствам в главнейших особенностях их строения, утверждая, что языки «не могут быть подвержены исчерпывающей классификации» (Гумбольдт 2000, 280). По его мнению, нельзя отказываться от исследования языков, нужно «неустанно направлять его на то, чтобы вскрыть языковое строение в его первоосновах, в том месте, где находятся его органические и духовные корни» (Гумбольдт 200, 280).

В типологии XIX века было установлено 4 языковых типа: флективные, к которым были отнесены индоевропейские и семитские языки; агглютинативные — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский, кечуа, аймара; изолирующие — китайский; полисинтетические — чукотско-камчадалские, американских индейцев.

Работая над классификацией языков, американский лингвист и этнолог Эдвард Сепир писал, что предположение о внутренней бесформенности языков есть иллюзия. Он полностью отказался от культурно-эволюционной оценки того или иного языка, считая, что язык есть прежде всего слуховая система символов.

Языки, как-никак, представляют собою чрезвычайно сложные исторические структуры. Но мы пока еще слишком плохо осведомлены о структурной природе великого множества языков, чтобы иметь право на построение классификации, которая была бы больше чем предварительной и экспериментальной (Сепир 1993, 123).

Сепир считал, что любая классификация языков является поверхностной, и приводил в качестве примера семитские языки, которые являются одновременно и префиксальными, и суффиксальными, и символическими. Определяя тип языка, Сепир выделял особую сферу функционирования языка, такие его структурные черты, которые являются лишь пережитками из более древних стадий, не являются продуктивными и не используются в качестве образца при произвольном структурировании языка (Сепир 1993, 132). Сепир пытался классифицировать языки мира на основе структурного или генетического принципа. Он выдвинул три критерия классификации: относительная степень синтеза слов языка, степень спайки частей слова друг с другом, реляционные понятия языка (Сепир 1993, 233).

В синтетическом языке (латинский) значения более тесно связаны между собой. В полисинтетическом языке слова сильно осложнены, что касается английского языка, то он аналитичен только по своей тенденции. „Иначе говоря, язык может быть «аналитичным» под одним углом зрения, «синтетичным» — под другим” (Сепир 1993, 123). Сепир изучал языки американских индейцев и пришел к выводу, что нельзя провести строгую границу между типами языков. Сепир предлагает в качестве основы для описательного обзора разновидностей человеческой речи следующую классификацию:

1) чисто-реляционные языки (простые: китайский, аннамский, тибетский; сложные: полинезийский, камбоджийский, турецкий);

2) смешанно-реляционные языки (простые: банту, французский; сложные: нутка, английский, арабский).

Сепир разработал также базисную схему языков, предполагая, что языковая структура «есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта» (Сепир 1993, 116).

В современном языкознании типы языков относятся к различным группам в зависимости от вида классификации языков мира. Общепринятыми и общепризнанными считаются следующие классификации языков мира: генеалогическая, морфологическая, синтетико-аналитическая (Анохина, Кострова 2012, 13).

В качестве единицы типологического анализа на морфологическом уровне известный российский ученый-лингвист Владимир Аракин предлагает принять грамматическую категорию, реализующуюся в парадигме. Аракин предлагает различать общую и частную типологии. Общая типология

занимается изучением общих проблем, связанных с изучением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира. Это могут быть общие черты в структуре фонологических систем, наличие или отсутствие грамматических классов существительных, общие черты в структуре предложений. Частная типология занимается исследованием типологических характеристик одного языка, возможно также исследование нескольких родственных. Частная типология включает историческую или диахроническую типологию, которая изучает изменения типологии состояния отдельных языков. Аракин выделяет также аспектную и ареальную типологию. В сферу его научных интересов входит работа над теорией и проблематикой общей и частной типологии языков. Он выдвигает собственную типологическую концепцию, основанную на обширном фактологическом материале разноструктурных языков мира. Аракин приходит к выводу, что из всего многообразия языков общие структурные признаки обнаруживаются в тех языках, которые не имеют никакого генетического родства. Согласно его учению, лингвистическая типология определяется как учение о типах языков и о типах языковой структуры. Лингвистическая типология занимается группировкой основных характеристик и признаков, наблюдаемых в ряде языков.

Типология языков как особый раздел науки имеет дело с неограниченным числом языков. Это могут быть языки, имеющие генетическое сходство, например, языки индоевропейские; это могут быть языки, ограниченные определенным ареалом, например, балканские языки. Наконец, это могут быть языки, отмеченные каким-либо языковым признаком, принятым в качестве определяющего критерия (Аракин 2005, 31).

Большой вклад в развитие теории типологии внес известный российский лингвист, академик Иван Мещанинов. Он разработал синтаксическую типологию языков, которая состоит из 3 типов:

- 1) языки пассивного строя (чукотский и некоторые языки американских индейцев);
- 2) языки эгративного строя (грузинский, аварский, лакский, даргинский, язык басков);
- 3) языки номинативного строя (индоевропейские, тюркские, финно-угорские).

В 1965 г. другой российский ученый-лингвист Борис Успенский издает свой монографический труд «Структурная типология языков». За основу Успенский берет традиционную морфологическую классификацию языков и систематизирует языки по структурным признакам. В 2001 году выходит книга белорусского языковеда Нины Мечковской «Структурная и социальная типология языков», в которой рассматриваются вопросы

существования и зависимости между типологическим своеобразием языка и особенностями культуры цивилизации, созданной носителями языка. Сопоставление языков предполагает наличие общих черт в их строении. Мечковская рассматривает типологию и лингвистику универсалий как две ветви общего языкознания.

Эти две ветви общего языкознания являют собой попытку эмпирического исследования самого простого из гуманитарных объектов — языка. По-видимому, уже сейчас лингвистика в состоянии понимать языки во всей антиномической сложности их единства и разнообразия: видеть в языках универсальный Язык человечества и вместе с тем понимать, в чем уникальность каждого из нескольких тысяч языков мира (Мечковская 2001, 255).

В современной лингвистике различают структурную, генетическую, ареальную и сравнительную типологии. В зависимости от количества исследуемых языков выделяют общую и частную типологии. Частная типология исследует и изучает один язык, в то время как общая типология изучает проблемы целой группы языков. Виды типологических исследований приводит российский лингвист Насема Шарафутдинова. Проводя типологические исследования, лингвисты преследуют совершенно различные цели. Одних интересуют структурные сходства и различия между языками, других — интерпретация систем языков в плане совместимости или несовместимости структурных характеристик, третьих — классификация языков по определенным типам и классам. Это и есть направления типологических исследований — инвентаризационное, импликационное, таксономическое. Таксономическая типология считается основной и конечной целью типологических исследований. Таксономическая типология находится в зависимости от способа постановки задач исследования и свойств языка. Задачами социальной типологии являются изучение структуры языка и его функционирование в обществе. Структурная типология считается самостоятельной лингвистической дисциплиной. Структурная типология использует данные исследований генетической и сравнительной типологий. Задачи структурной типологии — систематизация и инвентаризация фактов отдельных языков и выявление общих языковых универсалий. Структурная типология определяет типовые признаки языков. Шарафутдинова считает, что структурная типология как часть теоретического языкознания не связана непосредственно с практикой. Структурная типология может помочь при исследовании неизвестных языков. Структурная типология помогает в дешифровке и машинном переводе текстов (Шарафутдинова 2009, 15). Задачи генетической типологии — определение генетической общности языков и сравнение их языкового строя. Шарафутдинова описывает динамико-генетическую типологию и статико-генетическую типоло-

гию, она считает, что «основной целью генетической типологии является выявление материально тождественных единиц в родственных языках» (Шарафутдинова 2009, 14). Динамико-генетическая типология сравнивает системы языков в плане диахронии, занимается теоретическим реконструированием систем языков той или иной группы определенной языковой семьи. Статико-генетическая типология занимается сопоставлением систем генетически родственных языков в плане синхронии. Еще ее можно назвать синхронно-генетической типологией. Статико-генетическая типология рассматривает системы языков на определенном синхронном срезе, выявляет общие изоморфные или алломорфные свойства, характерные для данного периода (Шарафутдинова 2009, 14). Ареальная типология занимается исследованием общих типологических характеристик и закономерностей языков, находящихся в определенном ареале. Приемы ареальных исследований помогают выявить степень устойчивости элементов языка при контактировании. Сравнительная типология занимается сравнительным описанием систем двух и более языков. Важность исследований в сравнительной типологии состоит в том, что они определяют типологические сходства языков различных генетических групп, определяют их общность или изоморфность. Из-за ограниченного количества сопоставляемых языков сравнительная типология не может выявлять лингвистических универсалий (Шарафутдинова 2009, 17).

Чтобы проводить сравнительные исследования языков, необходим язык-эталон, причем конкретно существующий. Для сравнения агглютинативных языков это может быть один язык, для сравнения флективных — другой. Для сопоставления европейских языков использовался латинский язык, тибетских — санскрит. С помощью одного языка-эталона можно провести типологическое описание даже одного языка. Шарафутдинова дает определение признаков языка-эталона:

- 1) Язык-эталон обосновывает лингвистические универсалии теоретически и сам представляет собой основание типологической теории; 2) язык-эталон — это язык-объект для типологической теории: он представляет все языки мира в одном языке; 3) язык-эталон содержит утверждения, описывающие два рода свойств языка: утверждения, объясняющие строение всех языков без их типологических различий и утверждения, касающиеся универсальных дефиниций, различающих языки; 4) язык-эталон строится на генеративных основаниях и обычно пользуется символами; 5) язык-эталон — это метаязык типологии, так как он интерпретирует предшествующие типологические высказывания (Шарафутдинова 2009, 43).

Она приходит к выводу, что типологическое сравнение представляет собой сравнение (сопоставление) двух или более языков-объектов посредством

одного и того же языка-эталона в целях выявления их типологической специфики.

Хотя проблема языка-эталона и поставлена на повестку дня лингвистами, занимающимися проблемами типологии и универсалий, тем не менее, в настоящее время наша наука ограничивается лишь теоретическими суждениями по этому вопросу и не может предложить средства научного описания языков, которое бы могло претендовать на название язык-эталон (Шарафутдинова 2009, 45).

Согласно морфологической классификации языков все языки мира распределяются по четырем типам: флективные, агглютинирующие, корневые и инкорпорирующие. К языкам флективного типа относят языки индоевропейской и семито-хамитской семей. Это русский, английский, немецкий, арабский, древнееврейский языки. Во флективных языках отдельный слог не несет отдельного значения и не является значимой единицей. Особенностью этого типа языков является внутренняя флексия, неоднозначность аффиксов, стирание границ между морфемами, образование более сложных морфем, сочетаемость с фонетическими вариантами корня. В агглютинирующих языках хорошо развита система словообразовательной и словоизменительной аффиксации. Данным языкам присуща статичность корня при присоединении любых аффиксов. Представителями агглютинирующих языков являются финно-угорская, тюркская, монгольская, кавказская языковые группы.

Корневые языки характеризуются словосложением. В них наблюдается отсутствие аффиксальных словоизменений и словообразований. В корневых языках практически полностью отсутствуют аффиксы. Ударные слоги обладают специфическими тонами. Свое название корневые или изолирующие языки получили из-за отсутствия связи слов в предложении. Корневые языки, в более ранней классификации они существовали как аморфные, подразделяются на корнеизолирующие и основоизолирующие. Слова в таких языках лишены всяких форм и, по утверждению Шарафутдиновой, «напоминают наши неоформленные корни». Языки, в которых слова не изменяются, но обладают формами словообразования, называют основоизолирующими (Шарафутдинова 2009, 54).

Из вышеизложенного видно, что типологическая теория зародилась в начале XVII века в Европе. Впоследствии были разработаны и закреплены основные типологические понятия, и уже к началу XIX века лингвистическая типология складывается как наука. Разработкой типологических теорий занимались самые известные лингвисты того времени. Развитие типологической классификации неразрывно связано с именами Э. Сепира, М. В. Ломоносова, В. Гумбольдта, Ф. Шлегеля, А. Шлегеля, А. Шлейхера, Ф. Фортунатова, И. Мещанинова, В. Аракина.

2.2. Русский и китайский языки в сопоставительном аспекте

На Земле насчитываются сотни изолирующих языков. Языки этого типа имеют общие черты и сходства с языками других систем, но при этом сохраняют свой индивидуальный строй. Одним из самых ярких представителей изолирующих языков является китайский. Китайский язык относится к китайской ветви китайско-тибетской языковой семьи. Основой современному китайскому языку послужил древнекитайский «*вэньян*» — моносиллабический, без морфологии. Одно из самых однородных по своему этническому составу государств в мире — Китайская Народная Республика. Китайский (Чжун-хуа жэньминь гунхэго) — официальный язык КНР, главный представитель изолирующих языков. В настоящее время на нем говорят свыше полутора миллиардов человек по всему миру и он является одним из рабочих языков Организации Объединенных Наций. Также он распространен во Вьетнаме, Камбодже, Малайзии, Индонезии, Таиланде, Лаосе, Сингапуре. «Чжунго, или Срединное царство, как называют свою родину китайцы, пожалуй, единственное в мире государство, чья древность непосредственно смыкается с современностью» (Овчинников 2018, 16). Когда-то в древнекитайском языке насчитывалось около ста тысяч иероглифов. «Начало китайского языкознания относится к эпохе Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.). Потребность в унификации письма, возникшая в результате объединения страны, а также начавшаяся работа по восстановлению канонических книг определили необходимость разрешения конкретных теоретических задач в области филологии, иероглифики, фонетики и диалектологии» (БСЭ 1954, 339). В I–II вв. предпринимаются первые попытки упрощения иероглифики. Словарь «Шо вэнь» до сих пор считается основополагающим произведением по теории письма. С XIII века ученые начинают заниматься исследованием северных диалектов китайского языка. Основоположниками китайской грамматики как науки являются Ван Нянь-сун и Ван Инь-чжи. В XIX веке в Китае развивается капитализм, что приводит к более тесному знакомству с западноевропейским языкознанием. В этот период ученый Ма Цзянь-чжун составляет грамматику «Ма ши вэнь тун» по образцу французских грамматик (БСЭ 1954, 342). В XX веке продолжается реформа китайского письма. В 1952 году Институтом языка Китайской академии наук был разработан иероглифический минимум живого китайского языка для школ. В настоящее время иероглифическое письмо продолжает претерпевать значительные изменения. Языковеды доказывают, что китайский язык не является аморфным, а обладает полным грамматическим строем и широким словарным составом. Сейчас древние иероглифы остались только в литературе. Для употребления в периодической печати утвержден список порядка двух тысяч иероглифов. В повседневной жизни высокочастотных иероглифов используется

не больше тысячи. В основе нормативного общенационального китайского языка «путунхуа» (pǔtōnghuà) лежит пекинский диалект. Традиционно им владели только чиновники (мандарины). В Сингапуре один из языков — «хуаюй» (huáyǔ), в Тайване — «гоюй» (guóyǔ), а «путунхуа» ханьцы там и сейчас именуют «мандарин». «Согласно опубликованному в Пекине докладу, китайский язык ныне преподается в более чем двух тысячах вузов почти ста государств» (Овчинников 2018, 60). И, соответственно, Поднебесная после США и Англии является третьей страной в мире по количеству иностранных студентов.

Исследуя метафорические номинации в русском и китайском языках, нельзя не опираться на многовековой опыт русских исследователей-китаеведов. Представители русской духовной миссии положили начало изучению китайского языка в России. Состав духовной миссии в Пекине менялся каждые семь лет. Доминантой всего периода работы православной духовной миссии было изучение языка, создание русско-китайских словарей и поддержание дипломатических отношений. Например, отец Иакинф (монах, глава девятой духовной миссии Никита Яковлевич Бичурин), изучая монгольский, китайский и маньчжурский языки, создал фундаментальный труд «Статистическое описание Китайской империи», учебник «Китайская грамматика» и много других научных трудов. Участник другой духовной миссии — русский китаевед, академик Петербургской Академии наук Василий Павлович Васильев оставил большое научное наследие по философии, религии, литературе, географии и истории Китая. Главные литературные труды ученого в области философского осмысления буддийского учения — «Буддизм, его догматы, история, литература», «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм», в области лингвистики — «Графическая система китайских иероглифов», «Элементы китайской письменности», «Об отношении китайского языка к среднеазиатским» занимают видное место в научных исследованиях Востока. Русскими учеными были составлены китайско-русские словари, учебники, разработаны уникальные методики преподавания. На территории России были открыты школы по изучению китайского языка, подготовлены квалифицированные преподаватели и переводчики. В настоящее время интерес российских лингвистов к китайскому языку только усиливается, а Институты Конфуция находятся во многих крупных городах России.

Китайским языком интересовались и европейские лингвисты. Еще Сепир в своих трудах в качестве примера изолирующего типа языка приводил китайский язык, в котором слова, не изменяя своей структуры, способны выражать такие понятия, как число, время, наклонение, падеж (Сепир 1993, 234). К слову сказать, к изолирующим языкам, кроме китайского, Сепир относил такие языки как сиамский (тайский), современный тибетский, аннамский (вьетнамский) и кхмерский (камбоджийский) (Сепир 1993, 234).

Если говорить о китайском языке, который Гумбольдт считал «конечным пунктом» изолирующих языков, то Сепир склонялся к мысли, что порядок слов в китайском языке не подвержен большим колебаниям. Классифицируя языки, Сепир пользовался системой противопоставлений. Он отмечал, что аналитический язык (китайский) не соединяет значения в составе цельных слов. В аналитическом языке ведущую роль играет предложение. В китайском языке нет формальных элементов в чистом виде, нет «внешней формы», но в нем обнаруживается острое чувство отношений в смысле различения субъекта и объекта, определения и предиката. В нем есть внутренняя форма в том же самом смысле, как и в латинском, хотя внешне он язык «бесформенный», а латинский — внешне «формальный» (Сепир 1993, 120). Китайский язык Сепир считал одним из самых редких языков в мире.

В процессе языковой эволюции китайский язык полностью утратил старую морфологию, тем не менее, доказано, что агглютинативная морфология может существовать и развиваться в рамках изолирующего строя. Российский лингвист, специалист по языкам Юго-Восточной Азии Вадим Солнцев считал изоляцию особым способом связи слов в предложении, при котором в формах слов не выражается отношение слова к другим словам и поэтому не маркируется синтаксическая функция слова. Для китайского языка характерны однородность генетических элементов, устойчивость внутренних смысловых связей — все это делает словарный состав целостным и твердым.

А. Шлегель тоже не видел в китайском языке грамматической структуры, он считал, что грамматические значения в нем выражаются порядком слов. Однако в середине XX века появляется ряд работ по грамматике национального китайского языка Люй Шу-сяна и Ван Ли. Они работают над новой литературной нормой китайского языка – *байхуа*. Лингвисты Чжао Юань-жэнь и Ли Фан-гуй глубже познают фонетику родного языка. Китайские исследователи этого периода приходят к выводу, что китайский язык нельзя относить к изолированным только потому, что он обладает совершенным грамматическим строем. Каждый слог в китайском языке обладает тем или иным значением. В этом отношении он сопоставим с русскими морфемами или односложными словами, но не с русскими слогами. В современном китайском литературном языке есть четыре основных этимологических тона, во вьетнамском — шесть тонов, в некоторых диалектах тай — семь тонов. При этом не каждый слог обладает всем набором этимологических тонов (Шарафутдинова 2009, 53). В китайском языке есть множество родственных слов, различающихся между собой начальной согласной, гласной, тоном, наличием или отсутствием конечной согласной (Сепир 1993, 133).

Активное развитие языкознания в Китае началось в период правления династии Хань. Главным стимулирующим фактором послужило распространение буддизма на территории Китая. С приходом буддизма появилось множество религиозной литературы, которую требовалось перевести. За-

частую китайцы использовали уже готовые переводы, сделанные двуязычными переводчиками. Отсутствие в китайском языке терминологии для перевода текстов с санскрита подтолкнуло исследователей Китая к изучению индийской фонологической системы. Еще одним фактором, продвигающим развитие фонологии, была поэзия. В поэзии того времени особое внимание уделялось тонам и рифме, в связи с этим были созданы ритмические словари. Замкнутая политическая система и сосредоточенность на внутренней политике привели к тому, что достижения в области языкознания не проникали на территорию внутреннего Китая. Большинство соседствующих с Китаем народов не имело собственной письменности, а если она и была, то все равно это был адаптированный (упрощенный) вариант китайской письменной системы. Позиция страны с доминирующим языком в регионе в отсутствие языковой конкуренции с соседними странами тормозила развитие теоретического языкознания. Лексикология и фонология в Китае были развиты довольно хорошо, а вот исследования по грамматике практически отсутствовали, связать это можно со слабо развитой морфологической системой. Иероглифы на тот момент были односложными, т.е. состояли из одного слога, выражающего формально целое слово, и передавали семантическое значение всего понятия или явления. Синтаксический уровень языка в меньшей степени был подвержен быстрым изменениям, чем морфологический ярус, поэтому лингвисты сосредоточились на описании положения главных и второстепенных членов предложения внутри синтаксической конструкции (Peverelli 2015, 19).

В средние века литературные произведения в Китае создавались на мертвом книжном языке — *вэньяне*. Слова, образующие эту часть китайской лексики, называются *вэньянизмами*. В дальнейшем происходит сближение литературы и разговорного языка. В XIII веке появляется термин «*байхуа*», что означает разговорный язык. К XIX веку в Китае сложился новый литературный язык, основанный на разговорном языке. Одновременно на всей территории Китая получает распространение *гуаньхуа* (по-английски «*mandarin language*» — язык чиновников и государственных служащих манчжур и китайцев) (Малявин 2001, 196). В современном Китае язык *вэньян* выполняет роль подобную той, которую в Европе играют латынь и греческий. Позднее в китайском языке стали появляться фонетические заимствования из иностранных языков. Российский ученый-китаевед Владимир Малявин отмечает, что

хотя китайский язык и сопротивляется прямому заимствованию иностранных слов, грамматика нового литературного языка во многих отношениях сближается с грамматикой западных языков: появляются союзы, категории времени у глагола, показатели прилагательных и наречий и многие другие новшества (Малявин 2001, 196).

Сложность китайской иероглифической письменной системы усугубляла проблемы по ликвидации неграмотности среди населения Поднебесной. В начале двадцатого века было принято решение заменить китайский иероглифический вариант письма на алфавитную систему. Данная идея оказалась безуспешной. В связи с этим в 1965 году было принято решение по упрощению написания 2235 иероглифов, что в конечном итоге позволило повысить грамотность населения Китая. В настоящее время упрощенным вариантом иероглифического письма пользуются в материковом Китае и Сингапуре, а традиционные иероглифы применяются в Гонконге, Тайване и Макао. Учебно-методическая и научная литература издается на *путунхуа* (普通话), в связи с этим возрастает популярность материкового варианта китайской письменности. Обстоятельства складываются таким образом, что нерешенные традиционные споры усугубляют ситуацию, тем самым создавая прецедент, при котором два варианта письма могут долгое время существовать независимо друг от друга (Huan, Shi 2016, 33).

Выдающийся российский педагог, китаист, известный в научных кругах Китая под именем Го Цзюньжу, профессор Владимир Горелов считает, что фонетических заимствований в китайском языке немного. Из санскрита заимствовано около 200 слов. Из тибетского, маньчжурского, монгольского языков, а также из западных языков в общей сложности китайский язык заимствовал около 900 слов. В процессе усвоения иноязычных слов китайский язык устраняет несвойственные ему звуки, чуждые фонетические особенности, приспособляя эти слова к своим звуковым нормам. Степень звукового освоения, фонетической адаптации может быть различной: полной, неполной или лишь частичной (Горелов 1984, 144). После свержения монархии и образования КНР *байхуа* стал общенациональным языком китайцев. Лингвисты того времени пытались решить проблему совмещения единого литературного языка с диалектами. Впоследствии *байхуа* утвердился во всех областях культурной жизни, а литература на *байхуа* начала широко входить в повседневную жизнь китайцев. Вэньянизмы характерны главным образом для письменно-книжных стилей современного китайского языка. *Байхуа* стал основой современного единого литературного китайского языка — *путунхуа* (на основе северного байхуа). Язык современных китайских газет лексически и стилистически адекватен языку современной западной прессы (Малявин 2001, 197). В древнекитайском языке не имелось четких грамматических границ между прилагательным, глаголом и существительным. Данные части речи можно было использовать в сочетании с другими иероглифами, что приводило к переходу одной грамматической категории в другую, лишь в среднекитайский период развития языка были очерчены границы, позволяющие выделить и классифицировать определенную часть речи (Hu 2016, 84).

Реконструируя древнекитайские тексты и проводя параллель с современной письменностью, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой про-

цесс упрощения фонологической системы китайского языка был напрямую вызван дисиллабизацией, что в свою очередь было вызвано экстралингвистическими факторами — активным развитием технологий в Китае и усиливающимися коммуникативными связями с соседними странами и внешним миром. Лингвистическая география доказывает, что южные диалекты в Китае сумели сохранить больше архаичных фонологических свойств, присущих древнекитайскому языку, а вот северные диалекты наиболее сильно подвержены влиянию дисиллабизации. Соответственно, в южных диалектах сохранилось множество слов, состоящих из одного слога. Например, кантонский язык имеет в своем фонологическом базисе 11 тонов, в отличие от стандартизированного (упрощенного) *путунхуа*, где имеется 4 тона и один нейтральный. Также в кантонском диалекте языковые дефиниции, выраженные односложными словами, соответствуют коррелятам в *путунхуа*, где они представлены как двусложные слова (Shi 2016, 74).

Все общеупотребительные слова *путунхуа* относятся к современной лексике. Эта лексика охватывает основную массу слов современного китайского языка и является численно доминирующей. Многие из слов, входящих в фонд современной лексики, возникли несколько тысячелетий назад. Тем не менее, никто из носителей китайского языка не воспринимает их как устаревшие. Эти слова, получив широкое распространение, обладая большой устойчивостью и высокой активностью в сфере словообразования, входят в основной словарный фонд «путунхуа» (Горелов 1984, 151).

Одной из основных проблем, с которой столкнулись языковеды из Китая, было создание лингвистической терминологической базы. Исследователи при описании грамматики умышленно создавали новые термины, тем самым подчеркивая уникальность своей работы. Следовательно, довольно часто один и тот же термин мог использоваться для обозначения совершенно разных понятий. В связи с этим можно привести пример с использованием термина «междометие». В китайском языке он мог обозначаться как 嗢嗢 или ㄉㄞ 嗢, в других источниках 尉倚嗢 или таким написанием иероглифов ㄉㄞ 歸 嗢 (Peeverelli 2015, 35).

В китайском языке семантическая связь между частями речи устанавливается за счет того, что каждая из них сохраняет в своем составе смысловое значение и наделяет частью признаков другую, грамматически сочетающуюся с ней часть речи. Примером связки может служить глагол, который выступает в предложении в роли предиката, и прилагательное. Исследования лингвистов в области синтаксиса китайского языка направлены на установление функциональных связей главных и второстепенных членов внутри предложения. Особенностью китайской лексикологии является то, что лексико-грамматические символы не передают смысла до тех пор, пока они не перенесены в поле визуального распознавания. Лексические дефиниции напрямую коррелируются с ситуациями и объектами, существующими в ре-

альном мире (Yuan 2016, 66). Имя прилагательное в китайском языке тесно соединено грамматической связью с существительным. Как самостоятельный член предложения прилагательное не имеет возможности давать оценку определяемому слову, а именно устанавливает, какое понятие является доминирующим (сильным), а какое находится в слабой позиции. Данное явление продиктовано семантической зависимостью прилагательного от существительного. Это вызвано тем, что прилагательные имеют общие семантические признаки с существительными и от них же и были образованы.

Глагол в китайском языке не имеет морфологической маркировки, указывающей на связь между временем действия и временем речи, в отличие от наречий, которые могут указывать на действие, совершенное в определенный временной промежуток. Для того чтобы обозначить смену действия во времени, используется частица 了, данная служебная часть речи акцентирует смену времени в контексте и тем самым вносит новое временное состояние в высказывание. Частица 了 в конце глагола подчеркивает завершенность действия, акцентируя внимание на ситуации, которая уже случилась в прошлом, настоящем или будущем времени, вне зависимости от положительного или отрицательного результата. О результативности действия можно судить по наличию в китайском языке сочетаний иероглифов 得 и 了, которые в паре создают ситуацию, при которой любое действие может быть завершено с определенным успехом. Частица 了 также может сочетаться с иероглифом 不, в такой комбинации создаются условия, когда действие не может быть выполнено. Действие в прошлом может быть реализовано посредством иероглифа 过. Данный графический знак используется в сочетании с предикатом, чтобы акцентировать внимание на действии, происходящем в прошлом, в неопределенный промежуток времени. Отсутствие в китайском языке морфологической маркированности лексических единиц стирает границы между глаголами и другими лексическими категориями, такими, как прилагательные, предлоги или модальные вспомогательные выражения. Глагол в предложении может быть представлен как отдельный иероглиф, так и в сочетании с различными модификаторами. Более подробно рассматривая логическую связь частей речи в предложении, можно установить следующие варианты грамматических сочетаний: субъект-предикат; предикат-объект; структура с модификатором; предикат-результат. Большая часть дисyllабических слов участвует в построении грамматических связей субъект-предикат, структура с модификатором и объект-предикат. Стоит отметить, что данные грамматические пары существовали в древнекитайском языке и участвовали в процессе эволюционного перехода китайских иероглифов от однослоговых до syllабических слов, состоящих из нескольких слогов. Реконструируя данные грамматические группы, ученые установили, что категория предикат-результат отсутствовала в древнекитайском и появилась позднее в среднекитайский

период, когда начался активный процесс перехода письменности от однологовых иероглифов к дисиллабическим (Hu 2016, 82).

Ядром синтаксической конструкции в китайском языке является глагол, который в предложении выполняет роль предиката. Глагол не только напрямую связан со всеми главными и второстепенными членами предложения, но и с содержательной частью предиката. В данном случае под предикатом понимается семантическое значение грамматической категории глагола (Xing 2017, 60). В китайском языке существительное и глагол являются наиболее важными классами слов. От них зависят внутренний механизм и базовый образец предложения. Отношения между этими двумя классами могут быть описаны как глаголы, играющие роль ядра, в то время как существительные отвечают за каузальный паттерн. Как ядро, глаголы имеют прямое отношение к непосредственным составляющим в предложении, но именно существительное определяет шаблоны для этого предложения. Глаголы в китайском языке следует рассматривать по отношению к тем существительным, к которым они имеют прямую или косвенную связь. В таком случае существительные и глаголы дополняют друг друга грамматической связью или ограничивают использование внутри одного предложения. Существительные характеризуют предметную область предложения. Формально в предложении существительные могут быть представлены в виде одиночных или двойных иероглифов. Связь существительного и глагола наиболее ярко прослеживается при смене позиции глагола с существительным, заменой существительного перед и после глагола в предложении (Xing 2016, 62).

Существует гипотеза, согласно которой предлоги в китайском языке в течение определенного времени сформировались от глаголов, поэтому они до сих пор обладают некоторыми признаками глаголов. Предлоги не могут выполнять в предложении грамматические функции глагола и употребляться при формировании и выражении мысли без предиката. Предлог не может существовать в предложении автономно (обособленно), так как за ним должно следовать существительное, тем самым предлог реализует подчинительную связь с субъектом (предикатом). В синтаксической конструкции предлог занимает определенное место перед существительным (в роли местоимения) или после глагола. Определенные предлоги обладают грамматическими характеристиками глаголов и союзов, а еще в предложении могут быть представлены в роли существительных, числительных или наречий. Наиболее часто используются е предлоги, выраженные одним слогом, реже употребляются дисиллабические предлоги, состоящие из двух слогов (Shi 2002, 354). Всего в китайском языке имеется около 250 предлогов, большинство из которых имеют общее значение и форму, в зависимости от контекста один и тот же иероглиф может иметь разное семантическое значение. Например: 为, 为了 и 为着 (Huan, Shi 2016, 371). В китайском языке можно выделить части речи, связанные между собой логической связью, например: существи-

тельное, прилагательное и глагол. Данные части речи участвуют в описании окружающего мира и соответственно включают в себя характеристики действия, свойства и предмета (Hu 2016, 81).

Наречия в китайском языке образуют определенную категорию, члены в которой могут отличаться друг от друга по своей морфологии, синтаксису, значению и функциям. Китайские наречия можно разделить на две группы: описательные и функциональные. Функциональные наречия передают ряд грамматических значений, а именно: объем предмета, время, частотность, степень сравнения, логические отношения, вербальные отношения и позицию говорящего. Общее количество наречий меньше, чем существительных и глаголов, но в то же время больше, чем служебных частей речи, например, предлогов. Большинство описательных наречий образованы от прилагательных (Huan, Shi 2016, 317).

Стоит упомянуть значительный вклад в изучение китайского языка Александра Драгунова, который в своем труде «Исследования по грамматике современного китайского языка» подробно описал спорные вопросы касательно частей речи в китайском языке. Рассматривая функции глагола и существительного, он справедливо замечает, что глагол может без помощи связки выражать сказуемое, но когда глагол стоит в роли определения, он должен обязательно иметь причастно-именной суффикс 的. Существительные самостоятельно не могут выступать в роли сказуемого, так как в этом случае нужна именная связка, а суффикс 的 не требуется (Драгунов 1952, 40). Существительное может быть ядром предложения, если в нем отсутствует сказуемое, выраженное глаголом. В любом случае наличие в предложении глагола, прилагательного или грамматического эквивалента по схеме *предикат-субъект* влечет за собой утрату существительным ядерного статуса (Xing 2016, 61).

Современный китайский язык представляет собой сложное переплетение элементов *байхуа* и *вэньяня*. К примеру, морфемы — односложные слова языка *вэньянь*, утратившие способность самостоятельного синтаксического употребления, достаточно свободно функционируют на правах отдельных слов в составе фразеологических единиц. В языках слогового строя, к которым относится и китайский язык, существует много ограничений сочетания звуков. Звуки в таких языках не обладают смыслоразличительными возможностями. В таких языках минимальной смыслоразличительной единицей является силлабофонема — слог. В отличие от китайского, фонема в русском языке является основной смыслоразличительной единицей. Словесное ударение бывает трех видов: тоническое, динамическое и количественное. Количественное ударение встречается только с динамическим или тоническим. Все слоговые языки — тонические. В старославянском и древнегреческом, относящимся к неслоговым языкам, ударный звук выделялся повышением тона (Шарафутдинова 2009, 49). Большинство славянских языков относятся

к языкам с динамическим ударением. В инкорпорирующих языках, к которым относятся языки Северной Америки и чукотско-камчатские (эскимосско-алеутские), словесное ударение вообще отсутствует (Шарафутдинова 2009, 55).

Сепир считал, что какой бы совершенной ни была классификация языков, все равно некоторые языки придется «насильно подгонять» под определенный тип.

Подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными, любой язык постоянно меняется, спонтанно приближается к совершенно иному типу, так что «сходная направленность движения наблюдается в самых отдаленных друг от друга уголках земного шара (Сепир 1993, 117).

Горелов считал китайский язык одним из наиболее омонимичных языков мира. Горелов называет источники омонимии в китайском языке: фонетические, семантические и словообразовательные. Омонимы возникают, прежде всего, в результате проникновения в *путунхуа* иноязычных заимствований и диалектной лексики. В силу особенностей фонетической организации слова число слогов в китайском языке строго ограничено. В общей сложности, с учетом различий в тоновых характеристиках, в современном китайском языке насчитывается более 1300 слогов. Ограниченное число слогов приводит к их высокой повторяемости, что и является важнейшей причиной наличия в китайском языке большого числа омонимов. В китайском языке омонимия присуща как односложным, так и двусложным лексическим единицам (Горелов 1984, 116).

Редупликация в китайском языке является распространенным фономорфологическим явлением и может быть использована в различных модификациях предложений. Процесс редупликации устроен таким образом, что иероглиф (слог) дублируется так, что исходный знак вместе с его повторением образуют новое слово. Итогом такого морфологического явления с порождением нового слова, отличного от предыдущего, является семантическая и синтаксическая дифференциация от первоначальной лексемы. Стоит отметить тот факт, что редупликация глаголов сложилась намного позднее, чем механизм редупликации существительных и прилагательных (Shi 2002, 187). Примеры редупликации глаголов: 看→看看, 等→等等, 试→试试, 说→说说, 坐→坐坐. Необходимо отметить редупликацию глаголов, состоящих из двух морфем (двусложный глагол), в таком случае происходит удвоение всей глагольной пары. Например: 拿走→拿走拿走, если глагольная пара имеет в своем составе глагольную и именную морфемы, то удваивается только первая морфема, например: 收集→收收集. Редупликация глаголов в современном китайском языке усилилась, так как данный механизм был вызван потребностью внутриязыковых изменений, а точнее, морфологией. Данный процесс

приводит к смене семантического значения и усилению базовой формы у редуплицированного глагола, но в то же самое время вносит лексические ограничения в двусложный глагол (Shi 2002, 191).

Солнцев тоже отмечает, что современный китайский литературный язык – путунхуа обнаруживает значительную омонимию односложных слов и морфем, которая все же не носит катастрофического характера, как это порой представляют. Наибольшее количество односложных слов встречается в бытовой речи. В некоторых образцах такой речи односложных слов больше, чем в двусложных (Солнцев, 1995, 147). В китайском языке также широко представлена синонимия и антонимия.

Китайский язык с его богатой синонимией создает поистине неограниченные возможности для построения синонимических рядов с открытой и закрытой структурой, иногда объединяющих в своем составе большое число синонимов различных классов (Горелов 1984, 130).

Антонимы в китайском языке представляют собой контрастные, взаимно отрицающие друг друга пары слов. Горелов отмечает, что в антонимические пары объединяются только те слова, которые логически сопоставимы, относятся к одной и той же категории объективной действительности. В китайском языке наибольшее число слов-антонимов приходится на долю прилагательных, потом глаголов, а вот среди существительных слов-антонимов сравнительно немного (Горелов 1984, 135). Горелов подчеркивает, что иногда пары антонимов образуют наречия, но вот числительные и большинство местоимений не могут вступать в антонимические отношения.

Постепенное отмирание некоторых слов и их переход в разряд архаизмов, появление новых словесных образований, пополняющих разряд лексических неологизмов, а также семантические модификации слов, эволюция их лексических значений — все это процессы, отражающие внутренние тенденции развития лексической системы китайского языка (Горелов 1984, 150).

Сепир отмечал в китайском языке внутреннюю форму. Он считал, что в китайском языке нет формальных элементов в чистом виде, нет внешней формы, зато налицо чувство отношений, различие определения и предиката. Сепир видел в китайском внутреннюю форму, такую же, как в латинском, отмечая, что все же китайский язык бесформенный, а латинский — внешне формальный (Сепир 1993, 119).

Гумбольдт считал, что «жизнь каждого языка основывается на внутреннем отношении народа к искусству воплощения мысли в звуке. Китайский опирается лишь на порядок слов и на представление о грамматической форме, заложенной в недрах духа» (Гумбольдт 2000, 331).

Неподдельный исследовательский интерес для автора монографии представляет русский язык. По генеалогической классификации языков русский язык относится к индоевропейской семье языков, славянской группе, восточной подгруппе. Русский язык является высокофлективным, политипологическим языком, морфологически он полярно отличается от китайского. К восточнославянской подгруппе относятся русский, белорусский и украинский языки. Русский литературный язык сложился на почве переходных говоров Москвы и ее окрестностей. Это язык синтетического строя. Ему присуще большое разнообразие морфологических и синтаксических форм. В русском языке наблюдаются признаки языков других типов, например, черты изолированности, как в китайском, хотя флексия в русском является основным средством выражения грамматических отношений.

В своей работе «Введение в теорию изолирующих языков» Солнцев пишет: «В неизолирующих языках нет необходимости иметь жестко фиксированный порядок слов, поскольку синтаксические связи слов выявляются в формах слов и синтаксическая функция слов в силу этого не зависит от расположения слов относительно друг друга. Тем не менее и в разных неизолирующих языках существуют преобладающие для того или иного языка способы расположения слов» (Солнцев 1995, 11).

Сопоставляя языки, Солнцев отмечает несовпадение значений слов в разных языках. Он объясняет это тем, что объем и содержание сходных значений в разных языках оказываются разными. Он подчеркивает, что значения, закрепленные в словах национальных языков, являются результатом не научного отражения и познания мира, а отражения и познания приблизительного (Солнцев 1971, 121).

Если значения слов разных языков хотя и нетождественны, но обязательно частично совпадают, то эти языки чаще всего принадлежат одной языковой семье. Объясняется это единством процесса мышления и детерминированностью внеязыковой реальности. Ученый приходит к выводу, что расхождение значений слов в русском и китайском языках, несовпадение объемов значений является объективным фактом (Солнцев 1971, 123).

В отличие от русского языка, в китайском образование сложных слов осуществляется путем простого «складывания» компонентов, которые в отдельности представляют собой самостоятельные слова и при сложении не претерпевают никаких фонетических изменений. При этом в китайском языке очень трудно разграничить слова и словосочетания. В русском языке нет проблемы неразличимости слов и словосочетаний, и все же Солнцев считает, что нельзя до конца утверждать, что в китайском и типологически сходных с ним языках — тибетских, Юго-восточной Азии — вообще нет границ между сложными словами и словосочетаниями (Солнцев 1971, 125).

Местоимения в китайском языке классифицируются по трем типам: указательные, вопросительные и личные. Кроме того, существуют также

притяжательные, взаимные, неопределенные и возвратные местоимения. Особенностью местоимений является то, что они могут занимать позицию в начале, внутри синтаксической конструкции и в конце предложения, выступая в роли вопросительного слова. В начале речевого высказывания находятся личные местоимения в 1 лице — 我, 我们 (мн. число); во 2 лице — 你, 你们 (мн. число), уважительная форма 您, 您们 (мн. число); в 3 лице — 他 (муж. род), 她 (жен. род), 他们 (мн. число, муж. род), 她们 (мн. число, жен. род). Вопросительные местоимения в китайском языке занимают позицию в конце или начале предложения и представляют собой вопросительное слово. Например: 1) 谁是你的老师? или 2) 你的老师是谁? Формально эти предложения не имеют разницы, но грамматически они полярно отличаются друг от друга. В первом предложении акцентируется внимание на местоимении 谁, происходит инверсия и доминирование в предложении вопросительного местоимения. Во втором предложении вопросительное местоимение замыкает синтаксическую конструкцию и представляет собой вопросительное предложение с прямым порядком слов. Указательные местоимения используются в начале предложения и указывают на предмет, о котором говорится в высказывании, и на область нахождения данного предмета в пространстве. Грамматические законы накладывают условия, согласно которым между указательным местоимением и существительным в ед. числе должно находиться счетное слово. Пример: 那里有很多学生。这里有人吗? 这些人那些事感想。 В последнем предложении показан вариант использования в одной синтаксической конструкции двух демонстративов, – в первом случае указывающих на область одушевленную, находящуюся семантически на более близком расстоянии от адресанта, во втором – на предметы, расположенные в пространстве на большем расстоянии от адресанта, чем в первом. Возвратность в китайском языке можно выразить посредством возвратного местоимения 自己, которое в предложении занимает позицию после личного местоимения 我. Например: 我自己骗自己。 Взаимные местоимения устанавливают логическую связь в предложении между субъектами действия или объектами, входящими в это смысловое выражение. Например: 别互相埋怨了! Неопределенные местоимения в китайском языке представлены следующими иероглифами: 大家, 人家, 别人, 其余, и др. Например: 其余的人都走了。 Притяжательные местоимения образуются путем добавления служебной частицы (иероглифа) 的 к местоимению, учитывая, что притяжательное местоимение занимает позицию в предложении перед определяемым словом. Использование служебной частицы иллюстрирует следующий пример: 我以为爱情是很好的东西。 Служебная часть речи 的 может быть использована при образовании притяжательных местоимений в единственном или множественном числе. Например: 他们的故事由一九九六年开始。 Сочетание иероглифов 它+的 применяется в начале предложения, если следующее за местоимением определяемое слово является неодушевленным.

Можно привести примеры: 它的价格是多少? 每一个东西都有它的用途。 В грамматической структуре китайского языка допускаются варианты, когда частица 的 может быть опущена в предложении, а точнее, если после местоимения определяемое слово обозначает крупные архитектурные объекты: здание университета, школы, почты и др. Например: 我大学最后悔的三件事。 Частица 的 может не употребляться, если следующее за местоимением определение выражает категорию родства: брат (哥哥, 弟弟), сестра (妹妹, 姐姐, 姊姊), дядя (叔叔, 大爷, 伯父, 叔父, 伯伯) и др. Пример: 我叔父怕花钱。 我姊姊是恶。 Если после местоимения в предложении следует несколько идущих подряд определений, то частица 的 добавляется только к последнему определяемому слову. Например: 我朋友的故乡在哪里?

В китайском языке фиксированный состав слога. Принципиальное отличие китайского языка от русского состоит в фонологических различительных признаках, по которым противопоставляются друг другу фонемы. Фонемы являются элементарными единицами звуковой системы языка.

Фонема, являясь звуком, взятым в определенной функции, будучи функциональным понятием, характеризуется рядом физических и физиологических (акустико-артикуляторных) и функциональных свойств, обусловленных положением и ролью среди других фонем (Солнцев 1971, 197).

В китайском языке признак придыхательности важен для идентификации звука в качестве некоторой фонемы, чего нельзя сказать о русском языке. Все простые слова в китайском языке делятся на изменяемые и неизменяемые. Солнцев подчеркивает, что односложное слово китайского языка «может быть рассмотрено как имеющее нулевую форму, необходимо констатировать глубокое типологическое отличие соответствующих явлений в русском и китайском языках» (Солнцев 1995, 264). То, что является специфичным для изолирующих языков, можно обнаружить и в неизолирующих. Связь между частями сложного слова в китайском языке осуществляется путем свободного примыкания, не получая формального выражения посредством специальных морфологических показателей. Проблема границ китайского слова до сих пор не получила своего разрешения. Поэтому иногда бывает трудно, а в иных случаях и невозможно отличить двусложное слово от словосочетания. Односложных слов в китайском языке намного больше, чем в русском.

Китайский язык еще можно назвать дисиллабическим, потому что основную массу слов составляют двусложные слова. Китайский лингвист Чжу Дэси отмечал, что двусложные слова, в отличие от односложных, характеризуются более высокой степенью абстракции (Горелов 1984, 16).

Важно отметить также, что для словоизменительных форм китайского языка характерно явление факультативности, то есть необязательности оформления,

позволяющей в определенных лексико-синтаксических условиях употреблять неоформленное слово (Горелов 1984, 17).

Начальный период дисиллабизации возник предположительно две тысячи лет назад и с течением времени быстро набирал темп. Процесс дисиллабизации всегда интересовал исследователей, работающих в области фонологии и лексикона, но лишь в более поздний период стало понятно, что изменения, происходящие в морфологии, затрагивают устойчивые синтаксические конструкции в китайском языке. Анализ написанных в древний период текстов доказывает, что большая часть дисиллабических слов была введена в оборот после V века. В процентном соотношении 124 дисиллабических глагола — это 60%, начали использовать в китайском языке в период с VIII–XII век. Предположительно 34% глаголов были созданы в промежуток с V–VIII век. Наименьшая часть глаголов относится к временному периоду до V века. Данные результаты указывают на то, что 94% глаголов было сформировано в отрезок времени между V и XII веками (Shi 2002, 75).

Интересно в китайском языке представлена синтаксическая транспозиция — свободное перемещение слов из одной позиции в другую, что приводит к межкатегориальным заменам, означающим обязательный обмен функциями между частями речи. Переносное значение слов в китайском языке, по мнению Солнцева, не входит в смысловую структуру слова, не является значением, а представляет собой особый способ употребления лексической единицы.

Антропоцентризм в китайском языке проступает ярче, если проследить процесс функционирования лексических единиц внутри языковой системы. В китайском языке имеются лексические единицы, в частности акциональные глаголы, которые строго разграничены на 2 категории в зависимости от того, относится ли определяемое слово к животному миру или соотносится с человеком. Глаголы 散步 (гулять) и 散散步 (погулять) можно использовать в языке только по отношению к человеку. Редупликация иероглифа 散 → 散散 приводит к тому, что глагол переходит из имперфектной формы в перфектную. Другой глагол 爬山 (ходить в горы) должен соотноситься в предложении только с субъектом, характеризующим человека. Например: 后来知道是钰由于第二天要带队去爬山. К этой группе также можно отнести глагол 游泳 (плавать). Пример использования: 他在游泳池里游了三个来回. Если же речь идет о животном, то в китайском языке употребляется глагол 跑 (бегать). Например: 狗狗跑到前面回头看着你. (Тань 2002, 46). Образное мышление у носителей китайской культуры формируется из окружающего природного мира: красоты растений, поведения животных и разного рода природных явлений. В литературных произведениях китайских авторов художественная метафора используется чаще, чем у европейских писателей. Семантический образ метафоры у китайцев направлен на поиск реально су-

ществующих в природе предметов и явлений. Символ любви в китайской культуре может быть представлен через образ «хвоста ласточки», мифической птицы, летящей вместе с подобной ей птицей. Метафоры, имеющие в своем составе лексику, соотносимую с флорой и фауной, в основе своей построены на законах взаимоотношения животных с растительным миром (Тань 2002, 236).

В данной главе монографии мы попытались коротко познакомить читателей с различными теориями классификации языков. Типологическая теория зародилась в начале XVII века в Европе. Впоследствии были разработаны и закреплены основные типологические понятия, и к началу XIX века лингвистическая типология складывается как наука. Созданием типологической теории занимались лучшие лингвисты зарубежной и отечественной науки. В главе коротко представлены методы типологических исследований, рассмотрены некоторые вопросы морфологической, лексической, фонологической и синтаксической классификаций языков, представлено определение признаков языка-эталона. Исследования В. Гумбольдта послужили развитию когнитивной лингвистики. И сейчас современные ученые продолжают изучать роль языка в процессе познания мира. В рамках лингвистической типологии различают генетическую, структурную, ареальную и сравнительную типологии.

Сопоставление грамматического строя и лексического состава китайского и русского языков позволяет прийти к следующим выводам. Русский и китайский языки принадлежат к генетически неродственным языкам. Русский язык принадлежит к индоевропейской семье языков, китайский — сино-тибетской. Китайский язык относится к изолирующим языкам, а русский — к флективным. В китайском языке, как и в русском, слова делятся на слоги, но роль слога в этих языках неодинакова. В русском языке не каждый слог лексически значим, в китайском — отдельный слог наделен смысловым значением. Таким образом, в китайском языке слог является не только звуковой, но также и смысловой единицей. В китайском языке слоговое деление обычно совпадает с морфологическим членением.

Существенное различие между языками в сфере частей речи проявляется в системах частей речи. В китайском языке соотношение таких единиц языка, как слово и словосочетание, также отличается большой сложностью. Связь между частями сложного слова в китайском языке осуществляется путем свободного примыкания, не получая формального выражения посредством специальных морфологических показателей. В китайском языке слова со значением качества тяготеют не к существительным, как в русском языке, а к глаголам, образуя более широкую категорию. Современная лексико-фразеологическая система китайского языка представляет собой область структурно-семантических и функционально-стилистических фактов и явлений, представляющих большой интерес для лингвистической науки. В русском языке переходные и непереходные глаголы, одушевленные и неодушевленные существительные

относятся к подклассам слов. Имеются подклассы слов и в китайском языке — переходные и непереходные глаголы. Различия между переходными и непереходными глаголами в китайском языке очень существенны. Типологическое сопоставление китайского и русского языков позволяет констатировать полное различие грамматических средств и способов словообразования.

2.3. Дифференциация синтаксической конструкции при чтении иероглифического текста

Китайская цивилизация, безусловно, является одной из великих культур, сумевших сохранить свою систему письма, уходящую в глубокую древность. При чтении иероглифического текста индивидом зрительное восприятие текста в китайском языке происходит целостно. Противоположным является чтение слов в алфавитных языках, где семантическое распознавание происходит только после прочтения всех букв, из которых состоят слова, с учетом порядка их написания. Иероглиф репрезентирует смысл только как целая картинка, его семантическое значение не всегда можно вывести из составляющих его совокупность черт или графем. Китайский язык и, прежде всего, письменность данного языка опираются на визуальное восприятие. На самом раннем этапе своего развития китайское письмо состояло из иероглифов, представлявших собой компромиссный вариант, при котором на письме использовались символические знаки и графические изображения (Рубец 2009, 115). В процессе чтения алфавитных текстов, в отличие от иероглифических, активно задействуются аналитические стратегии, которые протекают в области левого полушария мозга. Лексические единицы в алфавитных языках раскрывают свое семантическое значение только после прочтения всех букв, из которых они состоят, следуя порядку их написания (Рубец 2009, 42). До сих пор в китайском языке используется символическая графика, например, для изображения огня (火), входа (门), горы (山). На данных примерах отчетливо прослеживается историческое развитие иероглифического письма, уходящего своими корнями в период зарождения иероглифической графики. В китайском языке языковая дефиниция, независимо от того, сформирована она из одного иероглифа или нескольких, считается словом только в том случае, если она может создать образное представление в мышлении.

Особенностью иероглифического письма является то, что фонетическая составляющая иероглифа неразрывно связана с его графическим изображением, объединяя эти два явления в единый понятийный образ. С грамматической точки зрения иероглифы являются наименьшими дефинициями, которые можно использовать самостоятельно как для построения предложений, так и для классификации частей речи (Wen 2013, 17). Это потому, что лексико-грамматические символы не имеют смысла, пока они не преобразуются

в конкретные изображения, которые, в свою очередь, связаны с объектами или ситуациями в реальном мире (Yuan 2016, 66). Идеографический сценарий представляет собой каждый слог слова с помощью одной письменной единицы, а иероглифы текста записывают в столбцах сверху вниз, соблюдая одинаковый интервал между каждым графическим символом и его предшественником. Данная система письма оказала влияние на изучение языка как китайскими, так и западными учеными (Peverelli 2015, 5). Ниже приведены предварительные замечания по данной главе.

Психологический фактор

Процесс чтения иероглифов в китайском языке тесно связан с психическими и лингвистическими факторами. Описание когнитивных процессов восприятия текста индивидом следует считать сложной процедурой, вытекающей из внутреннего невербального корня человека, скрытой в нашей познавательной (гносеологической) способности. Методы, предложенные психолингвистикой, как мне кажется, все дальше отдают нас от принятия верного решения. Связанные с психолингвистикой эксперименты, проводимые на экспериментальных площадках, не касаются корня проблемы, а фиксируют только статистические данные. Я считаю, что исследования в направлении описания, скажем, процессов изменения иероглифического письма, или фиксации скорости реакции рецепторов сетчатки глаза индивида при восприятии графического знака, представленного в виде иероглифа, передают лишь чувственное восприятие, психические и физиологические состояния, которые носят субъективный характер. Методы нейролингвистики в данном случае помогают описать и зафиксировать алгоритмы обработки текста нейронными сетями во время чтения. К тому же всю информацию, которую человек получает посредством восприятия внешнего мира, он индивидуализирует, т.е. переводит в плоскость собственных переживаний. Но так как по своей психической структуре индивид психологичен, то воздействие субъективных факторов (психофизиологических, антропологических, физиологических и др.), способных оказать влияние на ход и качество эксперимента, неизбежно приведет к фальсификации полученных результатов. Поэтому данные процессы протекают посредством психологических законов. В данном случае требуется установить онтологические законы, которые были бы лишены субъективной зависимости.

Философский фактор

Мы считаем, что пришло время обратиться к аналитической философии как области, позволяющей рационально взглянуть на проблему, и сосредоточиться на объекте аналитической лингвистики — языке, и не выходить за

рамки классической философской традиции. В основе аналитического стиля описания языка заложена терминологическая база, с помощью которой можно описать языковые процессы, участвующие в процессе чтения. Возвращение к методам, выработанным аналитической философией, позволит более ясно взглянуть на структуру языка и дистанцироваться от влияния когнитивного направления, главенствующего на сегодняшний день в лингвистике.

Польский лингвист А. Киклевич в своей статье пишет, что многие ученые утратили интерес к анализу терминологического материала, который был отличительной чертой неопозитивизма и аналитической философии. Они сконцентрировали свои исследования в соответствии с социальными запросами, а ведь именно в новой научной антропоцентрической парадигме предметом исследований представлены варианты функционирования языковых знаков и ситуации их порождения. Последователи постструктурализма упускают тот факт, что, кроме репрезентативной функции, в языке присутствуют онтологические законы, в основе которых лежит человеческий опыт, репрезентируемый в знаках. Описывая данную языковую систему, следует учитывать, что человеческий опыт напрямую никак не связан с правилами описания языковых явлений (Киклевич 2017, 10). Научным сообществом популяризируются методы экспериментальной лингвистики, нейролингвистики, антропологии и все больше игнорируется философское направление, способствующее решению поставленных задач. Только постановка правильного вопроса перед исследователями поможет более детально взглянуть на проблему и приблизиться к разгадке истины. В данном случае возникает потребность в переводе философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств и выражений. Тогда философия предстает не как область, которая задает вопросы, а как научное направление, которое помогает заложить предметное философское мышление. В связи с этим не совсем понятно, в чем заключается основная цель лингвистических экспериментов и как это повлияет на раскрытие (описание) механизмов восприятия иероглифического письма? Что именно предстоит найти, занимаясь исследованием механизмов чтения? Как нам кажется, нужно посмотреть на проблему с другой стороны и реконструировать цепь исторических событий, в частности понять, почему определенная группа людей обратилась при создании письменности к иероглифическому варианту фиксации речи. Вследствие чего данный вариант письменности до сих пор удовлетворяет потребности людей? На наш взгляд, механизмы чтения иероглифов лежат в той временной плоскости, когда часть человечества осознанно выбрала, а в дальнейшем придерживалась и развивала традиции иероглифического письма. Разрабатывая методы анализа механизмов чтения иероглифов, ученые фиксируют факты того, как изменилось иероглифическое письмо, но упускают самый главный аспект: за всем этим стоят онтологические законы. Факты в этом случае можно фиксировать и вносить в базу данных, тем са-

мым пополняя уже имеющиеся хранилища. Подобные исследования должны носить междисциплинарный характер, с учетом того, что философия будет находиться на вершине иерархической лестницы как научное направление, способное поставить перед исследователями цели и задачи, учитывая разные дедуктивные подходы.

Изоляционный фактор (фактор замкнутости)

Рассматривая исследования, касающиеся данной проблематики, можно заметить почти полное игнорирование достижений мирового китаеведения последних двадцати-тридцати лет, которые, заметим, сильно повлияли на изучение китайского языка внутри страны. Складывается мнение, что исследования носят ангажированный характер со стороны европейских и американских ученых. Источником истины и прогресса может стать исторический опыт, накопленный исследователями в Китае. Язык — это и есть опыт, лежащий в глубинах нашей истории. Невозможно изучать китайский язык в отрыве от представлений о носителях языка. Такой осознанный выбор приведёт нас к тому, что можно наткнуться на субъективное (ошибочное) мнение, т.е. нельзя изолировать исследования от их почвы. Языковая картина мира носителей языка существенно отличается от тех представлений о языке, которые сложились у специалистов в области синологии. Таким образом, процесс рецепции при исследовании иероглифического письма поспособствует заимствованию форм, которые отвечают требованиям науки и были заложены в интеллектуальной среде Китая.

В данном разделе мы постарались обозначить основные вопросы, которые, на наш взгляд, помогли бы подобраться ближе к разгадке механизма чтения текстов на китайском языке. Основной вопрос можно сформулировать так: каким образом происходит дифференциация синтаксической конструкции в процессе чтения иероглифического текста? Каким образом передается смысл визуально слитых частей синтаксической конструкции в китайском языке? Ниже представлен нарративный фрагмент текста на китайском языке, иллюстрирующий данную проблему.

我心情极好，但脑中有个奇怪的念头让我觉得我该离场。我从聚会出来，打算顺便逛。我现在二楼随便看看艺术书，再到一楼体会一下最新的畅销书、商业书、旅游。那天店 挤满人。书还有这么多人看，真好！我想起书香社会四个字。(Chen 2009, 3).

Как видно из текста, между иероглифами отсутствуют пробелы, что, на наш взгляд, является важной особенностью в изучении процесса чтения иероглифического письма. В исследовании выдвигается гипотеза о том, что индивид, изучающий китайский язык на начальном и среднем уровне, спо-

собен разделять иероглифический текст на отдельные смысловые лексические единицы (иероглифы), с корректировкой на то, что человек не знает или только частично распознает составные части, входящие в состав данного иероглифа. Например, «ключ». Посредством ключа в сознании человека редуцируются представления или образы о данном явлении. При чтении иероглифов испытуемый должен знать грамматическую структуру китайского языка. Мы попытаемся доказать, что процесс чтения иероглифических текстов неразрывно связан с грамматической структурой языка. Исследование текстового фрагмента построено на дескриптивном анализе, опирающемся на грамматическую структуру китайского языка. Ниже представлен вариант текста, где предложения разбиты посредством пробелов на составляющие его главные и второстепенные члены предложения. Для удобства проведения грамматического разбора предложения были пронумерованы.

(1) 我 心情 极好, 但 脑 中 有 个 奇怪 的 念头 让 我 觉得 我 该 离 场。

(2) 我 从 聚会 出 来, 打算 顺便 逛 逛 书店。

(3) 我 现在 二 楼 随便 看 看 艺术 书, 再 到 一 楼 体 会 一 下 最 新 的 畅销, 商业 书, 旅游。

(4) 那 天 书店 挤 满 人。书 还 有 这 么 多 人 看, 真 好!

(5) 我 想 起 书 香 社 会 四 个 字。

Ниже представлены факторы, влияющие на оптическую способность восприятия иероглифов при дифференциации предложения на составляющие его части.

1. Строгая грамматическая структура

Ключевую роль при построении синтаксической конструкции играет порядок слов в предложении. Следует отметить, что наиболее значимыми элементами при создании предложения являются субъект и предикат, но главная роль отведена предикату, т. к. он характеризует ситуацию и качественные признаки предмета. В синтаксической конструкции предикат и субъект задают тон предложению. Однако субъект, в отличие от предиката, может быть опущен или заменен местоимением, его роль в предложении размыта и выражена неясно. В связи с этим отсутствие субъекта в предложении влечет недостаток намерения по отношению к предмету. В зависимости от того, как представлены в предложении предикат и субъект, можно определить основные типы синтаксических конструкций: субъект-предикат и не субъект-предикат (Xing 2016, 165). Рассматривая строение предложения, а также слова, выполняющие роль дополнения и обстоятельства, можно заметить, что они тесно связаны со сказуемым. Имея тесную связь, они выражают объектно-локальные отношения, которые дискретно выделить крайне сложно. Например, не всегда бывает просто разграничить грамматическую связь обстоятельства и дополнения в предложении (Cheung 2016, 68.) В ки-

тайском языке из всех грамматических категорий существительное и глагол являются самыми важными. Глагол является центром синтаксической конструкции, а существительное задает причинные связи, таким образом, в предложении присутствуют главные и второстепенные члены предложения, которые представлены парами (Xing 2016, 203).

2. Служебные слова

Рассматривая функции глагола и существительного, справедливо отметить ситуацию, при которой глагол может без помощи связки выражать сказуемое, но тогда он стоит в роли определения и должен обязательно иметь причастно-именной суффикс 的. Существительные самостоятельно не могут выступать в роли сказуемого, так как в этом случае требуется именная связка, а суффикс 的 не требуется (Драгунов 1952, 40).

Пример: предложения (1) и (3).

(1) 我心情极好, 但脑中有一个奇怪的念头让我觉得我该离场。

(3) 我现在二楼随便看看艺术书, 再到一楼体会一下最新的畅销, 商业书, 旅游。

3. Типы иероглифов

Связь между частями сложного слова в китайском языке осуществляется путем свободного примыкания слога, не получая формального выражения посредством специальных морфологических показателей. Проблема границ китайского слова до сих пор не получила своего разрешения. Поэтому иногда бывает трудно, а в иных случаях и невозможно отличить двусложное слово от словосочетания. Как видно из представленного выше фрагмента текста, односложных слов в китайском языке намного больше, чем двусложных. Стоит отметить тот факт, что в современном китайском языке прогрессирует процесс дисиллабизации, связано это с развитием новых технологий и появлением в языке новых реалий, которые следует классифицировать в языковой системе. Процесс перехода к дисиллабизации помогает систематизировать лексический материал и избежать процесса омонимии. По сути, в основе лежит принцип добавления к уже имеющемуся иероглифу еще одного слога. Тенденция к упрощению фонологической системы в китайском языке и растущие потребности в создании новой лексической базы приводят к тому, что единственным возможным вариантом систематизации лексикона остается дисиллабический подход (Shi 2002, 74).

4. Многозначность иероглифа

Иероглиф по своей структуре многозначен и может быть семантически выражен рядом грамматических форм (частей речи) — существительным, прилагательным, наречием или глаголом. Все зависит от того, каким образом

одна часть иероглифа, выступающая как самостоятельная лексическая единица, может сочетаться с дополняемой его частью другого иероглифа. Для более детального рассмотрения следует проиллюстрировать предложение.

Пример: предложение (3).

(3) 现在二楼随便看看艺术书，再到一楼体会一下最新的畅销书， 商业，旅游。

Например, иероглиф 旅游 в данной синтаксической конструкции выражен существительным. Но он также может быть представлен в глагольной форме. Например: 他们正在西班牙旅游. В форме прилагательного: 这个旅游团由一百多人组成. Значения составных частей предложения должны определяться в зависимости от того, какую функцию они выполняют в предложении. В этом отношении предложение является не результатом комбинирования первоначальных знаков, а исходным пунктом логического анализа, который наделяет соответствующим значением составные части. Рассматривая данные примеры, следует понять не только то, что обозначает каждый знак, а то, посредством чего он передает свое семантическое значение. Вопрос заключается в том, что прежде чем передать смысловое содержание, иероглиф должен быть графически маркирован. Семантическая потенция иероглифа всегда выше, чем нам кажется. В общей сложности, с учетом различий в тоновых характеристиках, в современном китайском языке насчитывается более 1300 слогов. С прагматической точки зрения предложение определяется как языковое высказывание, имеющее в своем составе глагол, выступающий в роли предиката. Однако следует учитывать тот факт, что слова внутри предложения могут переходить из одной части речи в другую, а определяемое слово может функционировать внутри синтаксической конструкции как существительное, прилагательное или глагол и может быть дискретно выделено только в предложении. Таким образом, на начальном этапе синтаксического анализа важно установить тип предложения, чтобы определить, какой частью речи выражен предикат (Peverelli 2015, 151).

5. Ключ (детерминатив)

«Ключ» в китайском языке может входить в состав иероглифа, а также может быть представлен как самостоятельный иероглиф. В данном случае следует различать идеографические и фоноидеографические иероглифы. Отличие заключается в том, что идеографические иероглифы имеют в своем составе, как правило, от двух и более иероглифов, притом каждый иероглиф имеет свое смысловое содержание. Большая часть иероглифов в китайском языке относится к разряду фоноидеографических и имеет следующую структуру: детерминатив (ключ) + фонетик. Всего в современном китайском языке выделено 214 графем, которые можно считать «ключами». Например: иероглиф 湖 (озеро) и 江 (река), 游泳池 (бассейн) имеют в составе ключ 氵, данный детерминатив применяется для обозначения предметов и явлений,

связанных с понятием «вода». Графема, входящая в состав иероглифа и не являющаяся частью детерминатива, называется фонетиком. В приведенных примерах фонетик расположен в правой части иероглифа и передает звуковое содержание целого иероглифа.

6. Классификаторы (счетные слова)

Классификаторы в китайском языке неразрывно связаны с существительным, тем самым они способствуют точному распознаванию грамматической формы существительного в предложении. В современном китайском языке почти во всех случаях употребляется определенный иероглиф, указывающий единицу измерения, данный иероглиф всегда занимает место между числительным и существительным, используется для определения существительного. Китайские классификаторы делятся на два вида: 1) классификаторы материалов, которые используются вместе с существительными для обозначения единиц измерения количества людей / вещей, 2) классификаторы действий, которые неразрывно связаны с глаголами для обозначения хабитуальных характеристик. Отдельную категорию составляют классификаторы, которые были заимствованы из других частей речи (Wen 2013, 49). В китайском языке классификаторы не могут использоваться отдельно, они неразрывно связаны с числительными, которые, в свою очередь, тоже не могут употребляться в предложениях обособленно. В сочетании с цифрами классификаторы выступают в языке в роли атрибута, наречия или дополнения в предложении (Wen 2013, 55). Как цифры, так и классификаторы могут выступать в качестве составных частей, а их комбинации могут также функционировать как составные части (Xing 2016, 291).

Пример (5): 我想起书香社会四个字。

В данной синтаксической конструкции классификатор 个 неразрывно связан с существительным 字. В китайском языке невозможно свободное перемещение внутри предложения классификатора, т.к. он занимает строго отведенное место между числительным и обозначаемым им существительным. Можно показать следующим образом: число + 个 + существительное. Классификатор является маркером, указывающим, к какому семантическому разряду относится существительное. Тем самым по классификатору возможно определить форму предмета, физическое состояние, способ использования и др. В зависимости от выбора классификатора устанавливаются признаки, присущие определяемому существительному. В данном случае иероглиф 个 относится к разряду универсальных классификаторов. Рассмотрим следующий вариант использования иероглифа 个.

Пример:

(1) 我心情极好，但脑中有个奇怪的念头让我觉得我该离场。

Следует различать использование классификатора 个 перед следующим после сказуемого обособленным обстоятельством образа действия или ре-

зультата. Использование классификатора в данном контексте указывает на однократность действия и на его результат.

7. Нормы представления иероглифического письма

Все иероглифы имеют одинаковые нормы написания, т.е. иероглифы имеют одинаковый размер по высоте. Например, не используется написание заглавного иероглифа при написании слов, входящих в область топонимии, при обозначении географических названий или при написании имен собственных, аббревиатур и др.

8. Нормы пунктуации

В китайском языке на письме не маркируются знаками препинания обособленные части сложного предложения, причастные и деепричастные обороты, тем самым это только усугубляет способность разделять синтаксическую конструкцию на составляющие ее иероглифы. Но все чаще в современном китайском языке можно встретить знаки пунктуации, принятые в европейской среде (?!,,:), таким образом пытаются решить проблему с выделением внутри синтаксической конструкции частей, входящих в состав сложного предложения. На письме разные по форме знаки препинания передают определенный тип настроения. В официальной или торжественной декларации ставят точку, вопросительный знак, а восклицательные и императивные символы характеризуют восклицательный знак. Однако использование знаков препинания может иметь субъективный характер и дифференцироваться от эмоционального настроения читающего. Крайне сложно полностью полагаться на знаки препинания и устанавливать намерения и настроение автора предложения, хотя в большинстве случаев знаки передают правильное эмоциональное состояние (Xing 2016, 178).

9. Графические элементы в составе иероглифа

Казалось бы, важным фактором, влияющим на распознавание иероглифов, является их упрощенность: чем меньше графических черт, входящих в состав иероглифа, тем проще распознать его на письме. Но данный факт подлежит тщательной проверке, так как иероглиф, имеющий в своем составе несколько простых иероглифов, может выделяться в синтаксической структуре и способен сконцентрировать на себе взгляд читающего.

В настоящее время ученые, занимающиеся исследованиями процесса чтения иероглифических текстов, опираются на методы экспериментальной нейро- и когнитивной лингвистик. Они выдвигают гипотезы, зачастую игнорируя достижения философии. В связи с этим не совсем понятно, что пытаются обнаружить исследователи, занимающиеся проблемой чтения текстов? Только философы на данном этапе способны поставить перед исследователями задачи на десятилетия вперед и унифицировать их научные поиски. На

основании предложенных в статье примеров можно предположить, что при чтении иероглифического текста человек руководствуется уже имеющимися у него в сознании категориями грамматической структуры данного языка. В процессе чтения он черпает из памяти вокативные символы, которые ему уже знакомы, например, «ключи», входящие в состав иероглифа. Разбивка синтаксической конструкции на составляющие ее элементы — это только часть когнитивного процесса, участвующего в процессе чтения. Стоит учитывать тот факт, что сколько бы исследователи не пытались описать процесс чтения — это будет только дубль, т.е. вербальное описание когнитивных процессов, происходящих в человеческом организме, но это никак не связано с подлинным механизмом, происходящем в мозге человека. Остается открытым для дискуссии вопрос: каким образом человек определяет ядро синтаксической конструкции? Начинает с центра или с начала предложения? На наш взгляд, за счет того, что иероглиф в китайском языке обладает смыслом, семантическое содержание предложения можно строить по интуитивному характеру. Ядро может быть реализовано глаголом, прилагательным или существительным. Данное исследование выполнено в русле релятивизма, то есть признается главенствующая роль субъективного подхода. Гипотеза, изложенная в монографии, требует более детального теоретического описания с учетом уже предложенных грамматических категорий. Для дальнейших исследований требуется привлечь испытуемых — тех, для которых китайский язык является родным, а также людей, владеющих китайским на начальном или продвинутом уровнях. Результатами эксперимента будет дополнена эмпирическая часть работы. Не носителям языка для усиления эксперимента следует предложить иероглифический текст с традиционным написанием иероглифов, а не упрощённым вариантом письма, тем самым усилив порог визуального восприятия текста. Таким образом, при декламации текста индивид использует механизм семантической памяти, который помогает ему определить смысловую связь между главными и второстепенными членами предложения и восстановить недостающие связи посредством сочетаемости, парности или близкого расположения дефиниций в предложении. Данное исследование требует более детального анализа, в частности, нужно перенести представленный материал в план концептуализации и установить связь между взглядом и языком.

Если характер человека создается обстоятельствами,
то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими.

Карл Маркс

3

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цель исследования заключается в выявлении этнокультурной специфики метафорических названий человека в современном китайском и русском языках, а также их структурно-семантических, лексико-грамматических и культурологических особенностей. Основные задачи:

1) определение состава метафор по данным толковых словарей современного китайского и русского языков;

2) выявление универсальных черт метафорической номинации антропонимов в современном китайском и русском языках;

3) сопоставительный анализ метафор на материале антропонимов в китайском и русском языках для выявления лексико-семантических и грамматических особенностей и их национального своеобразия в сопоставляемых языках.

Анализ проводился путем выявления национальной специфики в русском и китайском языках при помощи сопоставительного этимологического, структурно-семантического, когнитивного анализа метафор. Русский язык при этом рассматривался как исходный; в работе представлены и проанализированы 93 лексические единицы русского языка. Читателям представлен образец описания лексем. Для этого использована табличная форма представления данных.

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
аспид	—	злой человек	—
бабочка	蝴蝶 (húdié)	легкий на подъем человек	красивый человек; легкомысленная девушка

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
буйвол	牛 (niú)	грузный, толстый человек	трудолюбивый, выносливый человек

Материалом для исследования послужила оценочно-метафорическая лексика, собранная методом сплошной выборки из следующих источников. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (2005) послужил первым источником лингвистической информации. Слова и фразеологизмы, включенные в толковый словарь, относятся к общелитературной русской лексике, а также к взаимодействующим с ней специальным сферам языка; в толковом словаре широко отражены просторечная лексика русского языка, слова, которые употребляются в литературном и в разговорном стилях речи. В словаре представлены толкование значения, характеристика строения слова с учетом многозначности, примеры использования слов как в литературе, так и в разговорной речи, сведения о сочетаемости и грамматические характеристики слова.

Вторым источником лингвистической информации был словарь китайского языка: «Xinhuaazidian» (2004). Это — наиболее известный толковый словарь китайского языка (на китайском языке). В словаре содержится 10000 лексических единиц. Примеры употребления иероглифов даны в традиционном и упрощенном вариантах. Словарь относится к ключевой системе, когда по «ключу» можно найти требуемый иероглиф, даже если неизвестно его произношение. В основе данного типа словарей лежит графическая система поиска иероглифов. Первое издание было в 1953 г. (под редакцией Вэй Цзянь-гуна). Более поздние издания были выпущены по фонетическому признаку. По фонетической системе построения словарей транскрибирование иероглифов представлено буквами латинского варианта китайского алфавита (汉语拼音). В словаре, который был переиздан девять раз, приведены примеры с учетом транслитерации китайских иероглифов. В примерах отражены употребления лексем в составе фразеологизмов и идиом. Словарь в меру своей доступности рассчитан на рядового пользователя. Для подтверждения результатов исследования при анализе лексического материала также были использованы словари китайских и российских авторов. Полный перечень наименований словарей приведен в списке литературных источников.

Примеры и словарные статьи, использованные при лексико-синтаксическом анализе, взяты из Национального корпуса русского языка и Большого китайско-русского словаря (БКРС), а также из Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и Фразеологического словаря русского языка под ред. Т. В. Волковой.

В работе использована методика сопоставления оригинальных метафор на русском языке и их переводов на китайский язык. Эта методика является традиционной: при ее использовании сопоставляются метафоры оригинального текста и их перевод на другой язык. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафорические значения не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях между существующими в данных языках метафорическими моделями.

Ряд коннотативных образов, обладающих устойчивыми предикативными характеристиками, довольно велик. Можно предположить, что любой предикативный признак потенциально обладает способностью языкового метафорического воплощения. Многие из метафорических сравнительных структур перешли в разряд устойчивых оборотов речи. Например: *быстро* — как молния; *медленно* — как улитка, как черепаха; *хорошо* — как по маслу; *выжать* — как лимон; *схватить крепко* — как клещами; *спать крепко* — как сурок; *прихлопнуть* — как муху и т.д. (Глазунова 2000, 165).

3.1. Анализ вторичных лексических значений

Употребление зоонимов во вторичных значениях следует отличать от ряда других типов словоупотреблений: употребления зоонимов в составе словосочетаний, предлагаемых словарями для их перевода с языка-эталона сравнения; употребления лексем, для которых значение «животное» не является исторически первичным; употребления этимологических омонимов того или иного зоонима; употребления лексем, в искаженном написании совпадающих по форме с зоонимом; употребления их же в составе сравнений, метаморфоз, идиоматически переосмысленных сочетаний и сложных слов.

Тип регулярного метафорического переноса *животное* — *человек* играет роль одного из самых сильных языковых экспрессивных средств. Обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (Скляревская 1993, 88). В языке также присутствует положительная оценочная лексика, характеризующая человека. Например: *ласточка*, *голубушка*, *кошечка* и др.

В ходе исследования был выявлен набор наиболее существенных характеристик исходных и вторичных значений: оценочная характеристика вторичных значений, по частоте употребления вторичного значения в метафорах, по гендерной принадлежности, по особенностям характера, по поведению и повадкам, по физическим свойствам. Выделенные нами характеристики позволяют наиболее адекватно описать то или иное значение с точки зрения его положения в системе языка и сопоставить его с единицами данного порядка другого языка.

3.1.1. Анализ вторичных значений в русском языке

В ходе исследования были выявлены следующие вторичные (переносные) значения зооморфизмов:

- 1) грузный, толстый человек (1),
- 2) злой, коварный человек (8),
- 3) опытный, бывалый человек (1),
- 4) беспечный человек (1),
- 5) некрасивая, худая женщина (1),
- 6) злая, язвительная женщина (1),
- 7) мерзкий, отвратительный человек (1),
- 8) ловкий человек (2),
- 9) человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями (1),
- 10) человек, который много раз повторяет одно и то же (1),
- 11) человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером (1),
- 12) рослый, сильный мужчина (1),
- 13) грубый, неразвитый, неумный человек (1),
- 14) трусливый человек (1),
- 15) косный, консервативно настроенный человек (1),
- 16) опытный, ценный специалист (1),
- 17) человек, который имеет гордый и глупый вид (1),
- 18) человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу (2),
- 19) коротконогий, неуклюжий человек (1),
- 20) человек, на котором держится все дело (1),
- 21) человек, с мнением которого никто не считается (1),
- 22) рослая, нескладная женщина (2),
- 23) назойливый человек (1),
- 24) медлительная, нерасторопная женщина (1),
- 25) безответный, трудолюбивый работник (1),
- 26) человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое (1),
- 27) похотливый, сластолюбивый мужчина (1),
- 28) человек, который плохо видит (1),
- 29) человек, который действует первым (2),
- 30) храбрый человек (1),
- 31) хитрый, лживый человек (1),
- 32) человек, склонный к подражанию другим (2),
- 33) молчаливый, покорный человек (1),
- 34) тупой, упрямый, глупый человек (1),
- 35) задорный человек (1),
- 36) человек, живущий за счет других (1),

- 37) легкомысленный человек (1),
- 38) грязный человек, неряха (1),
- 39) вялый человек (1),
- 40) безвольный, ничтожный человек (2),
- 41) человек, который говорит быстро и громко (1),
- 42) живой, подвижный ребенок (1),
- 43) человек, который уходит от принятия решений (1),
- 44) глухой человек (1),
- 45) неуклюжий, неповоротливый человек (3),
- 46) медлительный человек (1),
- 47) быстрый, решительный человек (3),
- 48) человек, который приспосабливается к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды (1),
- 49) человек, который любит шататься, ходить без дела (1),
- 50) человек, который притворяется кротким, незлобным (1),
- 51) злобный, крикливый человек (1),
- 52) человек, который набрасывается на кого-то с претензиями (1),
- 53) человек, который крепко спит (1),
- 54) человек, вызывающий неприязнь (1),
- 55) человек, который плохо видит (1),
- 56) низкий, подлый и жестокий человек (1),
- 57) толстый, сильный человек (1),
- 58) легкий на подъем человек (1),
- 59) человек, заставляющий взглядом оцепенеть, замереть (1),
- 60) человек, способный носить тяжелый груз (1),
- 61) человек, собирающий хлам и мусор (1),
- 62) человек, который с жадностью ест все подряд (1),
- 63) малозначимый человек (1),
- 64) человек, любящий свободную жизнь (1),
- 65) человек, который хочет казаться значительнее, чем он есть (1),
- 66) статный человек (1),
- 67) глупый человек (3),
- 68) жадный и коварный человек (1),
- 69) очень тихий человек (1),
- 70) человек, живущий за счет чужого труда (1),
- 71) человек, вызывающий неприязнь (1),
- 72) ничтожный человек (1).

Всего выделено 72 переносных значения. Для более детального анализа материала все вторичные значения были разделены на лексико-семантические группы (ЛСГ).

Лексико-семантической группой (ЛСГ) называется самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена базовым се-

мантическим компонентом. Семантический компонент обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем), обозначая класс предметов, признаков, процессов, отношений.

В работе все вторичные номинации были поделены на три лексико-семантические группы:

- 1) по физическим свойствам;
- 2) по свойствам характера;
- 3) по привычным свойствам (поведение).

Некоторые значения были включены в несколько категорий, т.к. они отражают и характер, и поведение человека.

ЛСГ	Значение	Кол-во	(%)
Физические свойства	грузный, толстый человек; некрасивая, худая женщина; рослый, сильный мужчина; человек, который имеет гордый и глупый вид; коротконогий, неуклюжий человек; рослая, нескладная женщина; человек, который плохо видит; глухой человек, слепой человек, медлительный человек, статный человек	11	14
Свойства характера	злой, коварный человек; беспечный человек; злая, язвительная женщина; мерзкий, отвратительный человек; человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями; человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером; грубый, неразвитый, неумный человек; трусливый человек; косный, консервативно настроенный человек; опытный, ценный специалист; человек, на котором держится все дело; человеке с мнением, которого ни кто не считается; безответный, трудолюбивый работник; человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое; похотливый, сластолюбивый мужчина; человек, который действует первым; храбрый человек; хитрый, лживый человек; молчаливый, покорный человек; тупой, упрямый, глупый человек; задорный человек; легкомысленный человек; безвольный, ничтожный человек; быстрый, решительный человек; человек, который притворяется кротким, незлобным; злобный, крикливый человек.	37	48

АСГ	Значение	Кол-во	(%)
Хабитуальные свойства	ловкий человек; человек, который много раз повторяет одно и то же; человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером; человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу; назойливый человек; медлительная, нерасторопная женщина; похотливый, сластолюбивый мужчина; человек, склонный к подражанию других; человек, живущий за счет других; грязный человек, неряха; вялый человек; человек, который говорит быстро и громко; живой, подвижный ребенок; человек, который уходит от принятия решений; неуклюжий, неповоротливый человек; медлительный человек; быстрый, решительный человек; человек, который приспосабливается к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды; человек, который любит ходить без дела; злобный, крикливый человек; человек, который набрасывается на кого-то с претензиями; человек, который крепко спит.	24	37

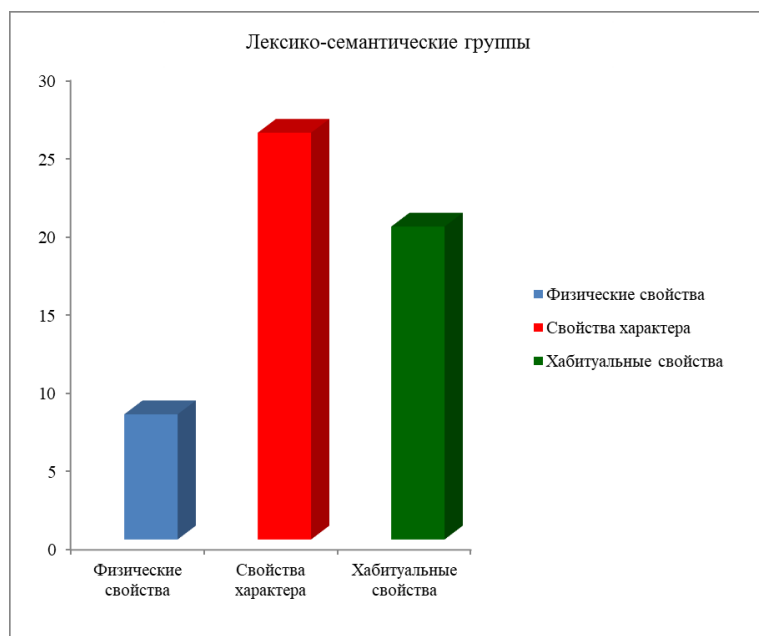

Диаграмма 1. Процентное соотношение метафорических номинаций по лексико-семантическим группам в русском языке

Проанализировав данные примеры, приходим к выводу, что вторичные метафорические номинации, характеризующие человека, в первую очередь дают представление о характере индивида, о его поведении в социуме, реже описывают его физические свойства.

Следующим методом анализа вторичных значений выбран метод оценочной характеристики. Мы учитываем мнение российского филолога Елены Вольф:

Несмотря на различия в выражении оценочного компонента на уровне лексики, рамка оценки является универсальной для большинства языков: при оценке всегда в той или иной форме присутствуют субъект и объект; в любом языке оценка подразумевает присутствие шкалы и стереотипов, аксиологических предикатов, интенсификаторов. Включаясь в контекст высказывания, оценка характеризуется особой структурой, представляя собой сочетание обязательных и факультативных элементов. Эту структуру можно представить как модальную рамку, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением (Вольф 1988, 37).

Все вторичные метафорические номинации были распределены по трем категориям:

- 1) с положительной оценкой (+),
- 2) с отрицательной оценкой (–),
- 3) с нейтральной оценкой (+/–).

Для наглядности материала представлена таблица.

Оценка	Кол-во	Примеры
+	15	рослый, сильный мужчина; опытный, ценный специалист; человек, на котором держится все дело; безответный, трудолюбивый работник; человек, который действует первым; храбрый человек; задорный человек; быстрый, решительный человек; ловкий человек; человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу; живой, подвижный ребенок.
–	52	грузный, толстый человек; некрасивая, худая женщина; человек, который имеет гордый и глупый вид; коротконогий, неуклюжий человек; рослая, нескладная женщина; человек, который плохо видит; глухой человек; злой, коварный человек; беспечный человек; злая, язвительная женщина; мерзкий, отвратительный человек; человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями; грубый, неразвитый, неумный человек; трусливый человек; косный, консервативно настроенный человек; человек, с мнением

Оценка	Кол-во	Примеры
		которого никто не считается; человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое; похотливый, сластолюбивый мужчина; хитрый, лъстивый человек; молчаливый, покорный человек; тупой, упрямый, глупый человек; легкомысленный человек; безвольный, ничтожный человек; человек, который притворяется кротким, незлобным; злобный, крикливый человек; человек, который много раз повторяет одно и то же; назойливый человек; медлительная, нерасторопная женщина; похотливый, сластолюбивый мужчина; человек, склонный к подражанию других; человек, живущий за счет других; грязный человек, неряха; вялый человек; человек, который уходит от принятия решений; неуклюжий, неповоротливый человек; медлительный человек; человек, который любит ходить без дела; злобный, крикливый человек; человек, который набрасывается на кого-то с претензиями.
+/-	5	человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером; человек, который говорит быстро и громко; человек, который приспосабливается к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды; человек, который крепко спит.

Для более точного анализа приведена таблица статистических данных вторичных значений.

Лексико-семантическая группа	Оценка			Всего
	положительная	отрицательная	нейтральная	
Физические свойства	2	7	0	9
Свойства характера	8	27	1	36
Хабитуальные свойства	5	17	4	26
Всего	15	52	5	72

Проанализировав данные примеры, приходим к выводу, что большинство метафорических названий человека, образованных от названия животного, имеют негативные оценочные значения. Это объясняется тем, что животные в сравнении с человеком в русской культурной картине занимают более низкую ступень на шкале ценностей, именно поэтому с названиями

животных у русских обычно ассоциируются негативные признаки. В этом реализуется принцип антропоцентризма.

Лингвисты считают, что, анализируя языковую картину мира, создаваемую метафорами, можно выделить следующие ее признаки: пейоративность и антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как мера всех вещей. Например: *под носом, под рукой, рукой подать, под боком; много — с головы до пят, полон рот (забот)*; *мало — в один присест* и др. (Маслова 2001, 68). Сами коннотативные понятия антропоцентричны — они отражают явления действительности через призму человеческого сознания. В результате субъективной избирательности метафорического мышления при формировании коннотата в центре внимания субъекта речи часто оказываются не основные, а факультативные признаки объекта действительности, например: неуклюжесть у медведя, трусливость у зайца, лёгкость у облака и т.д. (Глазунова 2000, 84).

Кроме того, переносные значения были проанализированы с точки зрения выражения гендерной семантики. В продолжение темы мы посчитали необходимым познакомить читателя с кратким обзором работ по гендерной характеристике человека. Алла Денисова, автор словаря гендерных терминов, отмечает, что гендерная метафора — сравнительно новое понятие, которое является, с одной стороны, частным случаем телесной метафоры, с другой, — обозначает перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных словами *женственность* и *мужественность*, на предметы, непосредственно с полом не связанные. Во многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: природа — культура; активность — пассивность; рациональность — иррациональность, логика — эмоции; дух — материя; власть — подчинение. Левый член каждой из оппозиций обладает значением мужественности, а правый — женственности. При этом каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или иному полу. Каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании (Денисова 2002, 8).

Исследуя данную тему, следует различать понятия гендерной и сексуальной метафор. Исследования в области гендерологии проводит известный российский лингвист Алла Кирилина. Она считает, что сексуальная метафора (эротическая метафора) — частный случай телесной метафоры. Сексуальная метафора в языке отражает половые контакты, перенося их обозначения на другие аспекты человеческой деятельности: Его имеет начальство; Мы под них ложиться не будем. Для выражения сексуальной метафоры может использоваться как собственно ненормативная лексика, так и ее эвфемистические заменители. Поэтому сексуальная метафора является одним из терминов, входящих в сферу гендерных исследований (Денисова 2002).

Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. И действительно, существует гендерная дихотомия в речевом поведении. Мужской тип коммуникации — это менее гибкая, но более динамичная и менее ориентированная на собеседника коммуникация. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин — беседа-информация, а у женщин — частная беседа. Женщины чаще используют обратную связь, поддерживая ее словом «да», которое еще не означает согласие. Как раз это «да» сбивает мужчин, которые часто жалуются, что женщина в процессе беседы все время соглашалась и вдруг в конце заявила противоположное. Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора.

С одной стороны, общество выработало такие стереотипы поведения, согласно которым женщина играет подчиненную роль при мужчине, она должна быть хорошей хозяйкой, способной выполнять любую работу, должна быть доброй, терпеливой, послушной, нежной, верной, красивой, всегда желанной. Отсутствие мужа в этой модели рассматривается как отход от нормы, а уход от мужа — как бунт. Норма же — семья с мужчиной во главе и с разделением ролей. С другой стороны, женщина при этом всегда негативно оценивается мужским обществом, свидетельством чему являются философские, исторические, литературные дискурсы, политические события (Маслова 2001, 126).

В течение многих лет исследования по стратификации страдали своеобразной слепотой в отношении роли, которую играют половые различия. Авторы писали свои труды так, будто женщин не существовало или будто они считали, что при анализе неравенства обладания властью, высоким социальным статусом, богатством и уважением женщины не играли никакой роли и не представляли ни малейшего интереса. Однако гендер сам по себе является одним из ярчайших примеров стратификации. Нет, видимо, таких обществ, в которых в ряде сфер социальной жизни мужчины не обладали бы большим богатством, влиянием и статусом, чем женщины (Гидденс 1999, 219).

Новые жизненные условия, социальные конвенции и ролевые установки привели к преломлению культурных и коммуникативных традиций, к смене содержания, структуры и стиля коммуникации между мужчиной и женщиной (Крейдлин 2005, 12). В данной сфере специфическим образом преломились особенности культур и религий, приняв форму тех или иных характерных обычаев, а также форму критики «чужих» обычаев. Но существует предел тому, что может являться предметом дискуссии (и кто имеет право принимать в ней участие), устанавливает практически повсеместное доминирование мужчин. Однако получившие сегодня на юридическом уровне признание идеи равенства и прав человека ставят эти ограничения под со-

мнение. На сегодняшний день не осталось табуированных для обсуждения тем, критическому рассмотрению подвергается любая культура и любая религия (Уолцер 2000, 76).

Гендерная характеристика человека неразрывно связана с его коммуникативным поведением. Представляется, в частности, очевидным, что фактор гендера нередко оказывает влияние на то, какие именно люди наделяются правом произнесения соответствующих перформативных актов. То, какие конкретно действия скрываются за словами, зависит от множества факторов: социальных отношений собеседников, задачи, которую они решают, их возраста и т.д. (Григорян 2004, 12).

При анализе лексических единиц мы разделили все переносные значения на три группы:

- 1) вторичные значения, относящиеся к мужчине,
- 2) вторичные значения, относящиеся к женщине,
- 3) вторичные значения, относящиеся к общему значению «человек».

К первой группе мы отнесли следующие значения: <рослый, сильный мужчина>, <похотливый, сластолюбивый мужчина>.

Во второй группе представлены следующие значения: <некрасивая и худая женщина>, <злая, язвительная женщина>, <рослая, нескладная женщина>.

К третьей группе относится большинство переносных значений: <грузный, толстый человек>, <злой, коварный человек>, <человек, который имеет гордый и глупый вид>, <коротконогий, неуклюжий человек>, <человек, с мнением которого никто не считается>, <человек, который плохо видит>, <человек, который действует первым>, <человек, склонный к подражанию другим>, <молчаливый, покорный человек> и др.

Гендерная классификация	Количество	Примеры
мужчина	2	рослый, сильный мужчина; похотливый, сластолюбивый мужчина.
женщина	3	некрасивая и худая женщина; злая, язвительная женщина; рослая, нескладная женщина.
человек	67	грузный, толстый человек; злой, коварный человек; человек, который имеет гордый и глупый вид; коротконогий, неуклюжий человек; человек, с мнением которого никто не считается; человек, который плохо видит и др.

Из приведенных данных видно, что из 72 вторичных значений только 2 относятся к мужчине — это 3%. К женскому полу относятся 3 значения — 5%, а большинство значений имеет амбивалентный характер — 90%.

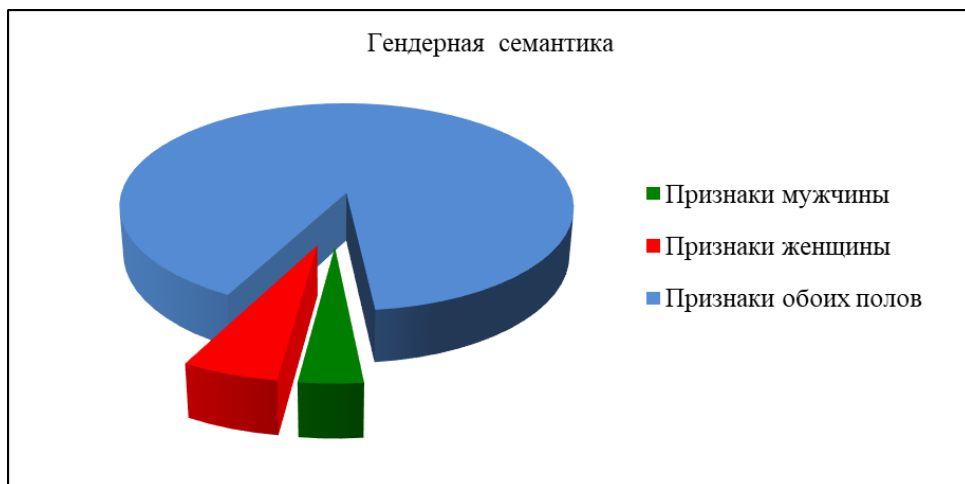

Диаграмма 2. Процентное соотношение метафорических номинаций по гендерной принадлежности в русском языке

Проанализировав результаты, мы приходим к выводу, что наиболее полно представлены гендерно немаркированные лексемы, которые применимы и к мужчине, и к женщине. Характеристики, относящиеся к женской группе, в большинстве случаев выполняют оценку внешности женщины. А в группе, где представлены характеристики мужского пола, дается как оценочная характеристика внешности, так и нравственные качества мужчины.

Анализ лексико-семантических групп показал, что вторичные метафорические номинации, характеризующие человека, в первую очередь дают представление о характере индивида, о его поведении в социуме и гораздо реже описывают его физические свойства.

Анализ вышеперечисленных примеров показывает, что отрицательно оцениваются в метафорах пороки (глупость, равнодушие, жестокость и т. д.), недостойное поведение, низкое общественное положение, а также некоторые физические и психологические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но обладающие избыточностью, чрезмерным проявлением (худоба, полнота, высокий рост и др.). Метафора является универсальным механизмом в образовании эмоционально-оценочных номинаций. В семантической структуре метафоры наличие положительной или отрицательной оценочности всегда свидетельствует о присутствии эмотивности. В метафоре присутствуют не только образное представление и информация об оценке, но и выражение некоторого чувства-отношения, осознанной эмоции, например, ненависти, злобы, подлости или наоборот ума, справедливости и др. Именно интеграция оценочности и эмотивности в семантике метафоры и делает её экспрессивным средством.

3.1.2. Анализ вторичных значений в китайском языке

Проводя анализ вторичных значений в китайском языке, мы отталкивались от уже вышеизложенной схемы анализа вторичных значений в русском языке. В китайском языке были выявлены следующие вторичные значения:

- 1) трудолюбивый, выносливый человек (2),
- 2) человек, который выглядит добрым, но внутри у него злоба (1),
- 3) опытный, бывалый человек (1),
- 4) мудрый заботливый человек (1),
- 5) дурной человек (1),
- 6) мерзкий, отвратительный человек (1),
- 7) человек, который приносит новости (1),
- 8) некрасивая девушка (1),
- 9) бессердечный, злой, опасный человек (1),
- 10) жизнерадостный человек (1),
- 11) бескорыстный человек (применимо к мужчине) (1),
- 12) грубый, неразвитый, неумный человек (1),
- 13) ловкий человек (1),
- 14) трусливый человек (1),
- 15) коварный, злой человек (4),
- 16) обиженный человек (1),
- 17) упрямый человек (1),
- 18) неуклюжий человек (2),
- 19) назойливый человек (1),
- 20) грубая, сильная женщина (1),
- 21) человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое (1),
- 22) трудолюбивая, покорная женщина (1),
- 23) заботливая женщина (1),
- 24) человек, который плохо видит (1),
- 25) счастливая, успешная женщина (1),
- 26) справедливый мужчина (1),
- 27) умный человек (1),
- 28) хитрый, лживый человек (2),
- 29) сильный, бестолковый человек (1),
- 30) человек, склонный к подражанию другим (1),
- 31) покорный человек (1),
- 32) гордый, смелый человек (2),
- 33) тупой, упрямый, глупый человек (1),
- 34) осторожный человек (1),
- 35) человек, который прислуживает (1),
- 36) ничтожный человек (2),

- 37) человек, который повторяет чужие слова (1),
- 38) человек, который добивается своей цели (1),
- 39) грязный человек, неряха (1),
- 40) слабовольный человек (1),
- 41) большой, нескладный человек (2),
- 42) несовременный человек (1),
- 43) человек, который уходит от принятия решений (1),
- 44) живой, подвижный ребенок (девочка) (1),
- 45) девушка легкого поведения (1),
- 46) жестокий человек (1),
- 47) подлый человек (2),
- 48) непочтительный сын (1),
- 49) человек безупречного поведения (1),
- 50) быстрый, решительный человек (2),
- 51) красивый человек (1),
- 52) смиренный человек (1),
- 53) ненасытный, голодный человек (1),
- 54) муж, которому изменяет жена (1),
- 55) медлительный человек (1),
- 56) человек, который с жадностью ест все подряд (1),
- 57) задиристый человек (2),
- 58) человек, который хочет казаться важнее, чем он есть (1),
- 59) одинокий мужчина (1).

Всего выделено 67 переносных значений. Для более детального анализа материала все вторичные значения разделены на лексико-семантические группы.

ЛСГ	Значение	Кол-во	(%)
Физи- ческие свойства	некрасивая девушка; огромный, большой человек; человек, который плохо видит; большой нескладный человек, красивый человек	5	8
Свой- ства характера	трудолюбивый, выносливый человек; человек, который выглядит добрым, но внутри у него злоба; мудрый, заботливый человек; дурной человек; мерзкий, отвратительный человек; бессердечный, злой, опасный человек; жизнерадостный человек; бескорыстный человек; грубый, неразвитый, неумный человек; коварный, злой человек; обиженный человек; упрямый человек; грубая, сильная женщина; человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое;	38	63

ЛСГ	Значение	Кол-во	(%)
	трудолюбивая, покорная женщина; заботливая женщина; счастливая, успешная женщина; справедливый мужчина; умный человек; хитрый, лживый человек; сильный, бестолковый человек; покорный человек; гордый, смелый человек; тупой, упрямый, глупый человек; осторожный человек; непочтительный сын; ничтожный человек; грязный человек, неряха; слабовольный человек; несовременный человек; жестокий человек; подлый человек.		
Хабит- туаль-ные свойства	человек, который приносит новости; ловкий человек; трусливый человек; неуклюжий человек; назойливый человек; человек, склонный к подражанию другим; человек, который прислуживает; человек, который повторяет чужие слова; человек, который добивается своей цели; человек, который уходит от принятия решений; живой, подвижный ребенок; девушка легкого поведения; человек безупречного поведения; быстрый, решительный человек.	24	28

Диаграмма 3. Процентное соотношение метафорических номинаций по лексико-семантическим группам в китайском языке

Анализ вторичных значений по ЛСГ показал, что переносные значения при метафорической номинации человека чаще передают свойства характера — это 63%, поведение индивида также является важным элементом при оценке человеческих качеств — это 28%. Характеристика физических качеств человека является не столь важным критерием в номинации, к данной группе относится 8% значений.

Следующим методом анализа вторичных значений выбран метод оценочной семантики. Все вторичные метафорические номинации были распределены на три категории:

- 1) с положительной оценкой (+),
- 2) с отрицательной оценкой (–),
- 3) с нейтральной оценкой (+/–).

Ниже приведена таблица.

Оценка	Кол-во	Примеры
+	17	трудолюбивый, выносливый человек; мудрый, заботливый человек; жизнерадостный человек; бескорыстный человек; трудолюбивая, покорная женщина; заботливая женщина; счастливая, успешная женщина; справедливый мужчина; умный человек; гордый, смелый человек; человек, который приносит новости; ловкий человек; человек, который добивается своей цели; живой, подвижный ребенок; человек безупречного поведения; быстрый, решительный человек.
–	47	некрасивая девушка; огромный, большой человек; человек, который плохо видит; большой нескладный человек; человек, который выглядит добрым, но внутри у него злоба; дурной человек; мерзкий, отвратительный человек; бессердечный, злой, опасный человек; грубый, неразвитый, неумный человек; коварный, злой человек; обиженный человек; упрямый человек; грубая, сильная женщина; человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое; хитрый, лживый человек; сильный, бестолковый человек; тупой, упрямый, глупый человек; ничтожный человек; грязный человек, неряха; слабовольный человек; несовременный человек; жестокий человек; подлый человек; трусливый человек; неуклюжий человек; назойливый человек; человек, склонный к подражанию другим; человек, который прислуживает; непочтительный сын; человек, который повторяет чужие слова; человек, который уходит от принятия решений; девушка легкого поведения.
+/–	3	покорный человек; осторожный человек, смиренный человек

Для более точного анализа приведена таблица статистических данных вторичных значений.

Лексико-семантическая группа	Оценка			Всего
	положительная	отрицательная	нейтральная	
Физические свойства	1	4	0	5
Свойства характера	10	33	3	46
Хабитуальные свойства	6	11	0	16
Всего	16	48	3	67

На основании приведенных примеров приходим к выводу, что в китайском языке люди чаще прибегают к использованию отрицательной оценки качеств человека.

Следующим методом анализа вторичных значений в китайском языке выбран метод классификации значений по гендерному признаку. При анализе мы разделили все переносные значения на три группы:

- 1) вторичные значения, относящиеся к мужчине,
- 2) вторичные значения, относящиеся к женщине,
- 3) вторичные значения, относящиеся к общему значению «человек».

К первой группе мы отнесли следующие значения: <справедливый мужчина>, <непочтительный сын>, <бескорыстный мужчина>, <одиноким мужчиной>, <муж, которому изменяет жена>.

Во второй группе: <некрасивая девушка>, <грубая, сильная женщина>, <трудолюбивая покорная женщина>, <заботливая женщина>, <счастливая, успешная женщина>, <девушка легкого поведения>.

К третьей группе относится большинство вторичных значений: <ловкий человек>, <трусливый человек>, <неуклюжий человек>, <назойливый человек>, <хитрый, лживый человек>, <обиженный человек>, <упрямый человек> и др.

Гендерная классификация	Кол-во	Примеры
мужчина	5	справедливый мужчина; непочтительный сын; бескорыстный мужчина, одинокий мужчина, муж, которому изменяет жена.
женщина	6	некрасивая девушка; грубая, сильная женщина; трудолюбивая покорная женщина; заботливая женщина; счастливая, успешная женщина; девушка легкого поведения.
человек	56	ловкий человек; трусливый человек; неуклюжий человек; назойливый человек; хитрый, лживый человек; обиженный человек; упрямый человек и др.

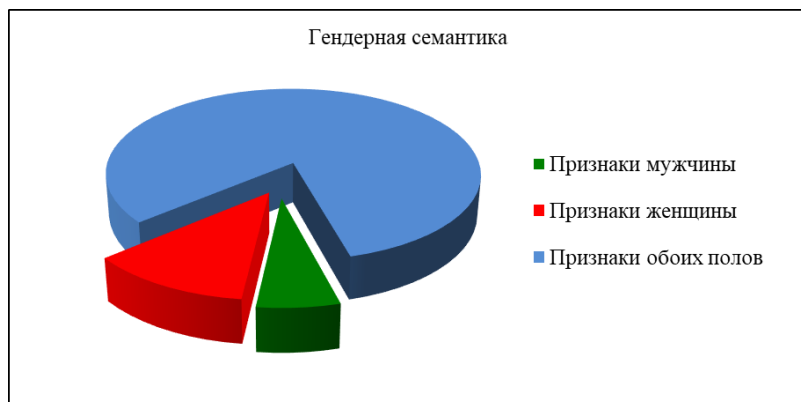

Диаграмма 4. Процентное соотношение метафорических номинаций по гендерной принадлежности в китайском языке

Проанализировав данные, приходим к выводу, что из 67 примеров вторичной номинации дефиниций китайского языка только 5 примеров имеют признаки мужского пола, это 6%; признаки женского пола найдены в 6 примерах — 12%; а в 41 переносном значении — 82% выявлены признаки обоих полов, т.е. большинство метафорических названий человека имеют амбивалентный характер.

Сказанное выше позволяет заключить, что большая часть вторичных значений с точки зрения оценочной семантики имеет негативное оценочное значение. Анализ лексико-семантических групп показал, что при метафорической номинации главным является передача тонкостей характера, внутреннего состояния субъекта, второстепенным же является учет его внешних особенностей и поведения.

3.2. Анализ исходных значений

3.2.1. Анализ исходных значений в русском языке

Для исследования были взяты 93 переносных значения (см. приложение 1). Все исходные значения нами произвольно были распределены по следующим группам:

Исходные значения в русском языке передают на вторичное значение те характерные признаки, которые присутствуют в исходном значении. Полученные данные дают основания сделать вывод, что большинство названий животных, используемых по отношению к человеку, — это птицы и млекопитающие, и это связано с тем, что в среде обитания человека они присутствуют в изобилии.

АСГ	Примеры	Кол-во
Птицы	воробей, ворона, гусь, дятел, жаворонок, индюк, коршун, курица, ласточка, лебедь, орел, петух, попугай, пустельга, сова, сокол, сорока, страус, тетерев, чайка, ястреб.	21
Млекопитающие	буйвол, волк, выдра, ехидна, жеребец, заяц, зубр, ишак, ищейка, кит, кобыла, кобылка, козел, корова, кот, кошка, лев, лиса, лошадь, медведь, обезьяна, овца, осел, пес, свинья, слон, собака, сука, сурок, тигр, тюлень, шавка, шатун, щенок, ягненок.	35
Насекомые	жук, клещ, клоп, стрекоза.	4
Пресмыкающиеся	аспид, гадюка, гад, змей, хамелеон.	5
Беспозвоночные	пиявка, слизняк, каракатица, улитка, червяк.	5
Обобщенные названия животных	животное, зверь, змей, рыба.	4

Исходным материалом нашего исследования послужили метафорические названия человека в русском языке. Поэтому в рамках русского языка были найдены лексические единицы, эквиваленты которых отсутствовали в китайском языке. В данную группу включили следующие лексемы: *аспид*, *клуша*, *кобылка*, *шатун*, *навозник*, *трутень*. Из приведенных примеров видно, что эти слова имеют собственные национально-культурные коннотации, которые присущи только русскому народу. Каждое значение является элементом системы русского языка, и в этом смысле оно неповторимо и специфично. Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего прослеживаются именно в процессе метафоризации, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью.

Более детально разбирая исходные значения в русском языке, мы выяснили, что лексемы *собака* и *змея* имеют более широкий синонимический ряд, т.е. схожее вторичное метафорическое значение выявлено у таких лексем, как: *шавка*, *пес*, *сука*, *кобель*. В основу мы возвели лексему *собака*, потому что по частотности она занимает лидирующую позицию. Пример *змея* также заслуживает внимания и является наиболее частотным словом в приведенном ряде лексем и имеет следующие семантические производные: *змей*, *гад*, *уж*, *гадина*, *гадюка*. Анализ показал, что все без исключения примеры несут негативную эмоционально-окрашенную характеристику по отношению к индивиду.

Дополнительно при анализе примеров из русского языка был выявлен ряд используемых в языке наиболее частотных зооморфизмов. Статистиче-

ские данные получены из частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (НЧСРА). Табличный вариант в данном случае является наиболее приемлемым.

Лексема	Частота (ipm)
Собака	132,2
Лошадь	80,9
Кошка	50,4
Корова	44,8
Волк	36,1
Медведь	33,4
Курица	33,1
Свинья	23,1
Заяц	21,7
Козел	19,5

Полученные данные позволяют прояснить, какие названия животных наиболее часто используются в русском языке. Чем больше различий в природной среде, культуре, традициях, бытовом укладе каких-либо этносов, тем больше в их национальных языках пластов лексики, которые можно отнести к категории обозначений национально-специфических реалий.

3.3. Сопоставление русских и китайских метафорических названий человека

Сопоставительный анализ метафорических номинаций человека в русском и китайском языках показывает, как отражаются в данных языках различия в эмоционально-оценочной номинации. На данных примерах можно проследить, как реализуется в языках национально-культурная коннотация. Для начала следует учесть полученные статистические данные в обоих языках и сравнить их по ЛСГ, оценочной и гендерной семантике.

ЛСГ	Русский язык	Китайский язык
Физические свойства	11	5
Свойства характера	37	38
Хабитуальные свойства	24	24
Всего	72	67

Интересно, что и в русском, и в китайском языках большинство метафор передают тонкости характера, внутреннее состояние человека, особенности его поведения в социуме, второстепенным же является учет его внешних качеств.

Оценочная семантика	Русский язык	Китайский язык
+	15	17
–	52	47
+/-	5	3
Всего	72	67

На основании приведенных примеров приходим к выводу, что в китайском и русском языках люди чаще прибегают к использованию отрицательной оценки качеств человека.

Гендерная семантика	Русский язык	Китайский язык
Мужчина	2	5
Женщина	3	6
Человек	72	66
Всего	72	67

Полученные данные позволяют заключить, что в сопоставляемых языках вторичные номинации в большинстве случаев имеют амбивалентный, нейтральный характер и могут по праву применяться и мужскому, и к женскому полу.

В данном разделе представлены зооморфизмы и возможные варианты их использования при построении эмоционально-экспрессивных синтаксических конструкций. Приведенные предложения наиболее точно демонстрируют вторичное метафорическое значение, которое закреплено за данными лексемами. Так как исследователи пользуются разными методами при анализе семантики и синтаксиса, следовательно, в работе данные категории разграничены. При анализе лексических единиц русского и китайского языков были выявлены семантические различия в обоих языках, и для более детального анализа разумно было воспользоваться лексико-синтаксическим подходом, который в полной мере отражает процесс того, как человек использует зооморфную лексику при построении структурированного предложения.

Ниже приведены примеры в алфавитном порядке. Перевод предложений с китайского языка на русский выполнен методом калькирования, а в отдельных случаях с объединением процесса калькирования и транскрипции. Предложения, помеченные [ruscorpora], заимствованы из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Примеры, приведенные на китайском языке, взяты из Большого китайско-русского словаря (<https://bkrs.info>), корпуса китайского языка Пекинского университета (CCL), электронной библиотеки словарей (词典网), этимологического словаря китайского языка (字源网), словаря Синхуа (在线新华字典) и других бумажных и электронных источников.

Аспид

И не бабуся я вовсе, а изверг. Ядовитая змея — *аспид*. Совсем гадкая женщина (Н. Кошеверова, М. Вольпин «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» [ruscorpora]).

Бабочка

Порхаешь как *бабочка* и жалишь как пчела, ха-ха. (М. Черепанов «Космос, истребитель, девушка» [ruscorpora]).

蝴蝶

他(她)呀! 就象一只花蝴蝶。(БКРС)

Перевод: Он прямо как цветная *бабочка*!

她是一只蝴蝶对爱情没有定性, 没有好好去追求一个真心相爱的人。

Перевод: Она, как *бабочка*, не обладает постоянством в любви и терпением, чтобы следовать за любящим человеком.

Буйвол

Ну и *буйвол* этот мужик! (Толковый словарь русского языка, под ред. Н. Ю. Шведовой)

牛

他壮得象头牛 (БКРС)

Перевод: Он физически сильный, как *бык*.

Перевод: До отчаяния быть покорным и исполнительным, как *бык*.

Верблюд

А что вырастет из этого, никто ведь не знает. Иди доказывай, что ты не *верблюд*. Эх, Николай Гаврилович, Николай Гаврилович! (Елена и Валерий Гордеевы «Не все мы умрем» [ruscorpora]).

Волк

Как волк из засады, следил за каждым, кто заходил на вахту... (Г. Жженов «Прожитое» [ruscorpora]).

狼

披着羊皮的狼, 狼披羊皮 (БКРС)

这个人表面上老实和善, 但内心却象毒蛇一样, 迟早注定会害人, 或者说, 象狼一样, 生来就是要吃人的 (CCL)

Перевод: Этот человек честен и добр на поверхности, но его сердце подобно ядовитым змеям: рано или поздно ему суждено причинить вред людям, или, как волк, он рожден, чтобы есть.

Воробей

Наш друг — стреляный воробей! (Универсальный фразеологический словарь под ред. Т. В. Волковой).

Ворона

Голый господин Эшке выпростал ноги из-под одеяла и крикнул три раза, как ворона. (П. Ф. Нилин «Дом господина Эшке в городе Вене» [ruscorpora]).

乌鸦

谁知那人是个乌鸦. (字源网)

Перевод: Кто знал, что это человек ворона..

Выдра

Только ты там поаккуратнее... Жена у него настоящая *выдра*. И заходи, если что (М. Зосимкина «Ты проснешься» книга первая [ruscorpora]).

Гадюка

Другой рукой она держала шнур от утюга, как плетку. — Убью, *гадюка*, тихо сказала бабушка. Вета выскочила из дома и побежала на улицу (М. Трауб «Ласточка» [ruscorpora]).

毒蛇

她的心肠象毒蛇一样 (表示性格非常狠毒或残暴)

Перевод: Ее сердце похоже на *гадюку*, т.е. имеет очень злой и жестокий характер.

他这人是蛇蝎心肠 (CCL)

Перевод: Он имеет *змеиную* натуру.

Гад

Смотри, как его размазало. На встречную полосу выехал, *гад*. Пьяный, наверное, в стельку (А. Геласимов «Ты можешь» [ruscorpora]).

Гиена

Последний тут же осторожно, как *гиена*, набормотал присутствующим свой новый сценарий (Д. Симонова «Шанкр» [ruscorpora]).

Гнида

Когда какая-то *гнида* выползает и поднимает голос на самого Ростроповича, это напоминает мне басню „Слон и моська” (С. Спивакова «Не все» [ruscorpora]).

虱卵

像虱卵极坏的人 (БКРС)

Перевод: Очень плохой человек словно *гнида*.

坏蛋

先生, 赶快去召集你的那帮坏蛋, 帮助你发动攻击吧 (在线词典)

Перевод: Господин, поторопитесь вызвать банду *гнид* (плохих парней), которые поддержат вас при нападении.

老婆能称呼爱人大坏蛋, 或者父母称呼子女小坏蛋 (词典网)

Перевод: Жена может назвать своего любовника *гадиной*, так и родители могут назвать своего ребенка маленьким *гадом*.

Гусь

Нам уже понятно, что вы за *гусь*! (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» ч. 2 [ruscorpora]).

雁

雁无书尚可, 好语憑谁如? (БКРС)

生活中通常用大雁来比对那些志向远大能力非凡的人 (词典网)

Перевод: В повседневной жизни *гусем* называют амбициозных и решительных людей.

Динозавр

Но я-то *динозавр*! Для меня это пытка — постоянно держать круговую оборону, не расслабляясь ни на миг (Е. Лукин «Кнопки» [ruscorpora]).

恐龙

他好像是恐龙时代的人一样。... (在线词典)

Перевод: Кажется, он был тем же человеком, что и в эпоху *динозавров*.

Дятел

Она внезапно обиделась: — Сам ты, *дятел* интеллигентный... Скажи еще — из Нижней! (И. Сановский «Ревнивый бог случайностей» [ruscorpora]).

Ехидна

И что же я за мать такая, *ехидна*! (С. Слава «Другие опусы» [ruscorpora]).

针鼹

可怕的, 邪恶的男人就像一条针鼹 (БКРС)

Перевод: Грозный и злой человек как *ехидна*.

Жаворонок

Балашов, как *жаворонок*, поднимался в пять утра, засыпал в десять вечера (Ю. Давыдов «Синие тюльпаны» [ruscorpora]).

云雀

早睡早起的人, 早上精力充沛的人, 云雀型的人 (БКРС)

Перевод: Человек, который рано встает и ведет активность в первой половине дня, называется *жаворонком*

她唱歌的声音就像云雀一样动听 (CCL)

Перевод: Ее пение было подобно пению *жаворонка*.

Жеребец

Пока Эмма лежала в роддоме, Миша часто приходил пьяным и веселым, как молодой *жеребец*, пел «Я – институтка, дочь камергера...» (Д. Симонова «Легкие крылышки» [ruscorpora]).

公马

他是没笼头的马, 天天逛不了 (CCL)

Перевод: Он неукротимый человек, как *лошадь* без узды, и не может ходить по магазинам каждый день.

Животное

Но, как сказал наш общий друг Аристотель, человек есть *животное* общественное (А. Солженицын «В круге первом» Т. 1, гл. 26–51 [ruscorpora]).

畜生

赵雄 满脸瞧不起的说, ‘你是冷血动物’ (词典网)

Перевод: Чжао Сюн сказал с разочарованным видом: «Вы хладнокровное *животное*»!

Жук

Однажды Надя, точно повторяя отцовскую интонацию, сказала о Постоеве: — *Жук*, бездарность, ловчила! Штрум возмутился (В. Гроссман «Жизнь и судьба» ч.1 [ruscorpora]).

Заяц

Рванулся купец вперёд без памяти, понёсся, как *заяц*, скачками да зигзагами и чувствует — легко бежать стало и уже погони не слышать (Г. Белых «Лапти» [ruscorpora]).

兔子

淘气像猫, 胆小如兔 (БКРС)

Перевод: Непослушный как кот, робкий как *заяц*.

Зверь

Я бы тоже хотела стать человеком, я давно хочу стать человеком, но я уже не человек, сынок! Я *зверь*, сынок. Прости меня, сынок (Л. Петрушевская «Маленькая волшебница» [ruscorpora]).

衣冠禽兽

在这座最庄严的城中，却有着一群荒淫无耻的，丑态百出的，伤天害理的，穷凶极恶的衣冠禽兽（在线词典）

Перевод: В этом самом величественном городе есть группа бесстыдных, уродливых, раненых, злобно разодетых скотин (*зверей*).

Змея (змея)

Четверо их было, Ренат-татарин, *Змей* едучий и еще два кореша, забыл как звали... (Н. Воронель «Без прикрас. Воспоминания» [ruscorpora]).

蛇蝎

觉人心险恶，甚于蛇蝎！（在线词典）

Перевод: Чувствую внутри зловещую злость, больше чем *змея*.

Зубр

Можно смело сказать: *зубр* в своей области (М. Чулаки. Примус // «Звезда» [ruscorpora]).

野牛

我在临江参观陈云同志纪念馆,那时陈云同志在临江任东北局副书记兼南满分局书记,当时国民党大兵压境,一些同志主张撤到朝鲜,陈云同志力排众,坚定表示国民党就像一头野牛,牛头在北满,牛尾在南满,我们只有在这里拖住牛尾,才能减轻北满的压力（在陈云对外开放思想学术研讨会上的发言，中国光大集团股份有限公司，网上资源）

Перевод: Я был в Риверсайде и посетил мемориальный зал товарища Чэнь Юня, когда Чэнь Юнь был назначен заместителем секретаря Северо-восточного бюро и секретарем отделения в Южном Маньчжэне, тогда солдаты Гоминьдана переполошились, некоторые из них отстаивали позицию, чтобы уйти в Северную Корею, но Чэнь Юнь твердо заявил, что Гоминьдан — это *зубр*.

Индюк

Этот тоскливый *индюк* вот уже целый год пытается меня оттрахать, а — вот ему! (Н. Леонов, А. Макеев «Эхо дефолта» [ruscorpora]).

公火鸡

傲慢得像公火鸡一样.例句,像公火鸡一样极其傲慢地走进了办公室 (БКРС)

Перевод: В общественных местах ведет себя высокомерно, словно *индюк*, важно шагая в офис.

Ишак

Я всю жизнь работаю, – повторил он, останавливаясь у какой-то витрины. —
Всю жизнь работаю, как *ишак*, и только тех люблю, кто работает, как *ишаки*
(В. Аксенов «Пора, мой друг, пора» [ruscorpora]).

驴

在某些方面他简直是匹笨驴 (在线词典)

Перевод: В каком-то смысле он просто глуп, как *осел*.

把我当驴使唤怎么的?

Перевод: Я что, на *ишака* похож?

Кабан

Тише вы! Что вы там топчетесь, как *кабан*... — зло шепчет он просунувше-
муся за ним, запыхавшемуся корреспонденту (А. Битов «Заповедник» теле-
мелодрама [ruscorpora]).

野猪

片刻之后,一头看起来像是野猪一样的巨大人出现 (CCL)

Перевод: Через некоторое время появляется огромный человек, похожий на
кабана.

那不是猪的人, 而是猴子的人 (БКРС)

Перевод: Это не *свинья*, а обезьяна.

Каракатица

Уж кто ее там не приглашал, а поселилась эта *каракатица* именно у Матвея!
(Л. Петрушевская «Западня» [ruscorpora]).

墨鱼

像墨鱼一样从学校回家... (在线词典)

Перевод: Возвращался домой из школы, как *каракатица*...

Кит

Тот, кто играет исключительно важную роль в каком-л. деле, на ком это дело дер-
жится как на *ките* (Толковый словарь русского языка под. ред. Т. Ефремовой)

Клещ

Верка впивалась в людей, как энцефалитный *клещ* (В. Токарева. Своя Правда
// «Новый Мир» [ruscorpora]).

Клоп

А для Волько она — *клоп* на стене, он ее даже не запомнил (А. Маринина
«Последний рассвет» [ruscorpora]).

小虫

小虫躲在裤缝里 (在线词典)

Перевод: Как *клоп* спрятался в штаны!

Клуша

Да хрен с ней, с Машкой, она всю жизнь, как *клуша*, в ручницах просидела. (Т. Моспан «Подиум» [ruscorpora]).

Кобыла

Да что я вам, кабардинская *кобыла*? — сказала Женья. — Нужно мне это всё (В. Гроссман «Жизнь и судьба», ч. 3 [ruscorpora]).

Кобылка

И долго еще звал свою любимую дочь «моя *кобылка*» (А. Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь» [ruscorpora]).

Козел

Не ори, *козёл*, не глухой! – крикнул Зыбин, и следовательно сразу же сник (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей» ч. 2 [ruscorpora]).

山羊

Я是一只山羊,说出来你可能不信我在偷听一个我的女友打电话 (БКРС).

Перевод: Я *козел*, ты можешь мне не верить, но я подслушиваю телефонные разговоры своей девушки.

我眼看见儿时伴侣中的英雄,好汉,一个个退缩,顺从,妥协,屈服起来,到像绵羊的地步 (在线词典)

Перевод: Я вижу, как герой из моего детства, хороший парень, раз за разом отступает, покорен, скомпрометирован — поддался, как *овца*.

Корова

Светка лежала на кровати, как *корова* — победительница сельхозвыставки (М. Трауб «Ласточка» [ruscorpora]).

牛

对敌人决不屈服,对人民大众甘心象牛一样俯首听命 (在线词典)

Перевод: Никогда не поддавайся врагу и преклоняйся перед желанием людей быть *коровой*.

她是这样一只播洒爱的孺子牛 (在线词典)

Перевод: Она покорно, исполнительно, как *корова*, трудится, распространяет любовь.

人愚笨如牛 (在线词典)

Перевод: Человек глуп, как *корова*.

这些蠢牛笨马一般的乡下人又懂得甚麽 (CCL)

Перевод: Эти глупые деревенские *коровы* и местные жители, что вообще знают?

Коршун (орел)

Когда ты Шурку тащил, она у него в руке была. Он в нее вцепился, как *коршун*. Потом папка свалилась за диван, даже я этого не видел (Г. Прашкевич, А. Богдан «Человек «Ч» [ruscorpora]).

鸢

看看吧！他像老鹰一样在生活中扮演着独立的角色 (在线词典)

Перевод: Посмотри! Он играет самостоятельную роль в жизни, как *орел*.

象老鹰一样突然向...猛扑过去 (БКРС)

Кот (кошка)

А Саша, пообщавшись с таким читателем, сразу прибежал к Ольге, довольный, как *кот*... За что еще она может мстить? (А. Щеголев «Черная сторона зеркала» [ruscorpora]).

Он подкрался, как *кошка*, и похлопал меня сзади по плечу (В. Белоусова «Второй выстрел» [ruscorpora]).

公猫 不但净花哥哥的钱，那回哥哥寄来钱，还喝得醉猫儿似的，叫两个巡警把他搀回家去 (CCL)

Перевод: Мало того, что потратил деньги, которые прислал брат, так еще и напился и выглядел как пьяный *кот*, да так, что двое патрульных отвели его домой.

嘴馋如猫，胆小如兔 (БКРС)

Перевод: Блудлив как *кот*, а труслив как заяц.

她的两个弟弟在旁边跟着说：“不给铅，他是猫！” (在线词典)

Перевод: За ней последовали два ее младших брата и сказали: «Не видите, он же *кот*!»

她自己和一些男人疯疯笑笑的，是只村子里有名的花脚猫 (在线词典)

Перевод: Она и некоторые мужчины сходят с ума и смеются, это известная в деревне блудливая кошка.

Крот

Я-то вообще был слеп, как *крот*. (В. Белоусова «Второй выстрел» [ruscorpora]).

Крыса

Целый день там сидит, *крыса*, с чужими продуктами запёршись, проверь его! (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича» [ruscorpora]).

鼠

有人像老鼠逃离一艘快要沉的船一样偷渡出国以至葬身大海.. (在线词典)

Перевод: Кто-то сбежал из страны, как *мышь* сбегает с корабля, который вот-вот потонет.

Курица

Отойдя от сладострастного взрыва, он плеснул стакан воды на лицо девушки. — Очнись, *курица*! — примирительно выдавил он (А. Бельтюков. Виза на смерть // «Криминальный отдел» [ruscorpora]).

鸡

我是人，她是鸡！（BKPC）

Перевод: Я человек, а она *курица*!

Ласточка

А несколько раньше выпорхнула на свободу и «первая *ласточка*» этой когорты — экс-министр внутренних дел Арье Дери (В. Бейдер. Избрали президентом // «Огонек» [ruscorpora]).

燕子

争天下是要家破人亡的，妇女的工作正好就是像燕子一样一口一口垒起一个窝 (CCL)

Перевод: Борьба за мир — это разрушение семьи, работа женщин подобна ласточке.

Лебедь

Лермонтов барахтается в жизни, как *лебедь* в грязной луже (Б. Садовской «М. Ю. Лермонтов» [ruscorpora]).

天鹅

时见幽人独往来,缥缈孤鸿影 (在线词典)

Перевод: Когда вы видите одинокого человека, вы можете заметить одинокую тень *лебедя*.

小玥更像天鹅更像雕塑神圣不可侵犯 (CCL)

Перевод: Сяо Ян больше похож на *лебедя*, чем на скульптуру.

到生命的尽头丧偶的天鹅 (在线词典)

Перевод: Овдовела, как *лебедь*, к концу жизни.

Лев

Бухнулся прямо в пальто. — За других будет сражаться, как *лев*, куда угодно пойдёт, с кем угодно схватится (Ю. Трифонов «Дом на набережной» [ruscorpora]).

狮子

法官我们掌握！狮子的形象，有利于作出明智的决定 (在线词典)

Перевод: Не гневайся на нас, хозяин! Образ *льва* способствует принятию мудрого решения.

Лиса

Председатель месткома — хитрая *лиса* — оказывался милашкой, если хлопотал за её комнату, псих главреж становился талантом, если хвалил её на репетиции (А. Рыбаков «Тяжелый песок» [ruscorpora]).

狐狸

我的朋友真像个老狐狸 (在线词典)

Перевод: Мой друг похож на старого *лиса*.

她是位狡猾的小女人 (在线词典)

Перевод: Она маленькая *хитрая* женщина.

Лошадь

Фаина-то пьёт мало, а адвокатская дочка хлещет, как *лошадь*! (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей» ч. 4 [ruscorpора]).

马

人高马大的难看女人 (БКРС)

Перевод: Незаурядная женщина с высоким статным мужчиной.

那些像马一样辛劳工作的人, 也没有多少钱 (CCL)

Перевод: Даже те, которые работают, как *лошади*, тоже не имеют много денег.

Медведь

Ермишин на пляже — это монстр с огромными ручищами, *медведь*. (Д. Куличка. Нет больше сил смотреть на солнце. Раскрыт секрет успеха отечественных «пляжников» // «Известия» [ruscorpора]).

熊

我明白了! 他像熊一样卑鄙 (CCL)

Перевод: Я понял! Он подлый, как *медведь*.

Морж

А может, зря бабушка меня так кутает, может, я тоже, как *морж*, смогу? (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом // «Известия» [ruscorpора]).

Мышь

Свекровь явилась как снег на голову и вместо того, чтобы сидеть тихо, как *мышь*, — командует, устанавливает свои порядки на чужой территории (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир» [ruscorpора]).

Навозник

И как въехал в это время в ворота *навозник* Филипп, я и говорю ему... (Н. С. Лесков «Тупейный художник» [ruscorpора]).

Обезьяна

Выражает примитивные инстинкты: я свободен и хочу жить на дереве, как *обезьяна*, то есть как хочу — так и буду жить. (А. Маринина «Последний рассвет» [ruscorpора]).

猴子

她长得像猴子 (БКРС)

Перевод: Она похожа на обезьяну.

她瘦的像个猴子 (БКРС)

Перевод: Она худая, как обезьяна.

他和猴子一样顽皮 (БКРС)

Перевод: Он непослушный, как обезьяна

Овца

Эта овца, оказалось, все терпела — от свекрови и от мужа, пока Люда не решила положить этому конец (Н. Катерли. На два голоса // «Звезда» [ruscorpore]).

绵羊

这可真是个温驯的绵羊, 还算个学者呢! (БКРС)

Перевод: Вот это действительно овца, а еще ученым себя считает!

像羔羊般天真、温顺而柔弱的人 (在线词典)

Перевод: Невинный, нежный и слабый человек, как ягненок.

Олень

Был еще Леонид Семенов — этот как олень (А. М. Ремизов. «Кухня. Розановы письма» [ruscorpore]).

Орел

Вот тут к ней и подкатил этот орёл — их там в это время до чёрта, — подошёл, посмотрел и с ходу: «Мадам, что с вами?» (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей» ч. 2 [ruscorpore]).

老鹰

已经积蓄了如鹰展翅上腾的力量 (БКРС)

Перевод: Накопил природную силу, как орел, для того чтобы расправить крылья.

Осел

Я дал не ей по шее, а сыну, потому что он не учил уроки, а сидел перед телевизором, как осёл! (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь» [ruscorpore]).

驴

在某些方面他简直是匹笨驴 (在线词典)

Перевод: В некотором смысле он просто глупый осел.

蠢驴是骂情人的口语 (在线词典)

Перевод: Глупый как осел, к тому же ругается матом.

Павлин

Они там костями ложатся, а я здесь, как *павлин*, в погонах и медалях красуюсь (А. Степанов «В последнюю очередь» ч. 2 [ruscorpора]).

孔雀

孔雀喻煞费苦心把自己装扮成有地位或有学识等人物的人 (在线词典)

Перевод: Вел себя как *павлин*, старательно одеваясь, чтобы подчеркнуть свой светский статус и знакомства с людьми.

他像一只孔雀一样，在地板上昂首阔步，趾高气扬，不肯坐下 (CCL)

Перевод: Он, как *павлин*, качнулся на полу, нагло отказался сесть.

将像一只孔雀那样旋转着开屏，把那身绚丽多彩的羽毛尽情展现在肯欣赏他的那个人面前 (CCL)

Перевод: Поверните, как *павлин*, покажите разноцветные перья перед человеком, который его оценит.

Петух

Петух, тебе сколько билетов — один или два? (Е. Завершнева «Высотка» [ruscorpора]).

公鸡

像公鸡般好斗 (БКРС)

Перевод: Задиристый как *петух*.

Пес

Знал, что из-за худых слов пропадёшь, как *пёс*, — но этого в расчёт не брал (Д. Гранин «Зубр» [ruscorpора]).

走狗

当然他们没有必要这么做,在他们争夺国外市场的斗争中,他是一只可以利用而且俯首贴耳的走狗 (在线词典)

Перевод: Конечно, в борьбе за внешние рынки он может не рисковать, а воспользоваться случаем и поклониться *псу*.

他也许更堕落下去，做一个军阀派的走狗 (在线词典)

Перевод: Он может быть более униженным, чтобы быть подлым *псом* полковых командиров.

Пиявка

Она впивалась в нее, как *пиявка*, и не хотела отдавать (М. Трауб «Замочная скважина» [ruscorpора]).

水蛭

我的妻子就像水蛭一样吮吸我的力量 (在线词典)

Перевод: Моя жены высасывает из меня силы, как *пиявка*.

Попугай

Повторяю, как *попугай*: «Мой муж, мой муж, мой муж...» А ведь это все — про Сашку, про Сашеньку, родного и единственного, вместе с которым чего только не пережили за шесть совместных лет (А. Щеголев «Черная сторона зеркала» [ruscorpora]).

鸚鵡

鸚鵡学舌 (БКРС)

Перевод: Повторять как *попугай*.*Пустельга*

Доведенная до бешенства, она однажды бросила мне: «Ты пустышка, *пустельга*» (Е. Завершнева «Высотка» [ruscorpora]).

Рыба

Репетитор Саша тоже молчал как *рыба* — у него вообще такой характер. (Е. Белоусова «Второй выстрел» [ruscorpora]).

鱼

我只是条鱼!

Перевод: Я просто *рыба*! (БКРС)*Саранча*

На базаре хозяйки все с прилавков прятали, мы ж как *саранча*, одно слово: «детдомовские» ... Воровали, конечно! (Д. Рубина «Медная шкатулка» (сборник) [ruscorpora]).

蝗虫

然儒中邪僻贪婪者亦多, 今谓之蝗虫 (在线词典)

Перевод: В конфуцианстве сегодня много жадности, и называется это *саранчой*.*Сверчок*

Игорь же, в гордости презирая Владимировичев, рекл: «Скажи, чтоб он не шумел, за печью сидя как *сверчок*, а шел бы сюда (В. Татищев. История российская в семи томах, т. 2 [ruscorpora]).

蟋蟀

他是蟋蟀, 大家都叫他蟋蟀 (БКРС)

Перевод: Он был *сверчок*, так его все и называли.*Свинья*

Пришёл в чужой дом, а ведёт себя как *свинья*. (А. Геласимов «Фокс Малдер похож на свинью» [ruscorpora]).

猪

你怎么胖得跟猪似的? (БКРС)

Перевод: Ты почему такой жирный, как *свинья*?

Слизняк

Но этот *слизняк* Растрепин, готовый лизать что хочешь и без мыла влезть куда хочешь, лишь бы начальство им было довольным. (М. Божаткин «Флаг на гафеле» [ruscorpora]).

鼻涕虫

我倒是去跟那种鼻涕虫, 过几天试试看 (在线词典)

Перевод: Я собираюсь пойти с этим *слизняком* и попробовать через несколько дней.

Слон

Лёвка рассказывал несколько удивлённо: «Этот *слон* навалился на меня в туалете, стал орать: мы тебя предупреждали, скот, ты нас не послушал! Какой-то бред, ну, я срубил его приёмом самбо» (Ю. Трифонов «Дом на набережной» [ruscorpora]).

大象

他就像是一头大象, 大, 笨重的男人 (БКРС)

Перевод: он человек большой и громоздкий, как *слон*.

Собака

Вытягивай ещё! Накаливай ещё, *собака* ты этакая, пёс! Погуби Ирод твою душу!» и пр. Николай Иванович из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево (И. Тургенев «Певцы» [ruscorpora]).

走狗

当然他们没有必要这么做, 在他们争夺国外市场的斗争中, 他是一只可以利用而且俯首贴耳的走狗 (在线词典)

Перевод: Конечно, в борьбе за внешние рынки он может не рисковать, а воспользоваться случаем и поклониться *псу*.

Сова

Автор гастрономического бестселлера «Кухня холостяка» Аркадий Спичка определяет себя таким образом: «...я «*сова*» и «чайник», т.е. человек, предпочитающий работать по ночам и стимулироваться при этом крепким чаем» (О. Николаев. Чаепитие // «Знание — сила» [ruscorpora]).

夜猫子

他是个夜猫子晚上不想睡觉有些亢奋 (在线词典)

Перевод: Он *сова*, но не хочет спать ночью и испытывает волнение.

我是个夜猫子, 晚上十一, 二点钟都不想睡 (在线词典)

Перевод: Я *сова*, я не хочу спать в 11 часов вечера или в 2 часа ночи.

Сокол

Единовластный правитель „«Советского писателя» Николай Васильевич Лесючевский — сталинский *сокол*, Малюта Скуратов, всех женщин, включая

уборщиц, принимал на работу самолично” (С. Каледин. Аллея Руж // «Огонек» [ruscorpора]).

鷹

啊! 勇敢的雄鹰 (БКРС)

Перевод: Ах! Какой храбрый, как *сокол*.

Сорока

«Ты привык с чужих слов, как *сорока*, болтать, а ты сам подумай» (Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова).

喜鹊

室妇嘆鸣鸛, 家人祝喜鹊 (БКРС)

Перевод: В комнате женщина вздыхает, а семья желает, чтобы *сорока* счастье принесла.

Страус

Он от страха выроет в песке нору и спрячет голову, как *страус*! (Д. Емец «Таня Гроттер и колодец Посейдона» [ruscorpора]).

鸵鸟

二战开始期间, 个别发达国家实行鸵鸟政策, 结果反而被动挨打 (在线词典)

Перевод: В начале Второй мировой войны отдельные развитые страны проводили *страусину* политику, что привело к плачевным последствиям.

Стрекоза

Ты и в шестьдесят лет... будешь такая же *стрекоза-егоза*. (А. Куприн «Гранатовый браслет» [ruscorpора]).

蜻蜓

轻浮的女人像蜻蜓 (在线词典)

Перевод: Легкомысленная девушка, похожая на *стрекозу*.

Сука

Гадина поганая! Сука гребаная! Приспустив печальные веки, Мур с тихой укоризной обратилась к внучке (Л. Улицкая «Пиковая дама» [ruscorpора]).

狗

第二天这些狗警察就发现了我们的踪迹,就像狗闻着味追上来一样 (БКРС)

Перевод: На следующий день полиция нашла наши следы и, как *сука* на запах, спешила догнать нас.

毫无疑问, 城市警察就是狗娘养的 (在线词典)

Перевод: Нет сомнений, что городской полицейский оказался *сукой*.

Сурок

Смотри, утро уже, а я же сплю как *сурок* — не проснусь вовремя. (А. Берсенева «Полет над разлукой» [ruscorpора]).

Тетерев

А что, если я глух как *тетерев*, вот и справка имеется! (Е. Завершнева «Высотка» [ruscorpора]).

琴鸡

你为甚么不叫你的女朋友儿去当琴鸡? (在线词典)

Перевод: Почему бы тебе не назвать свою девушку *тетеревом*?

Тигр

При виде внезапно появившейся всклокоченной одичалой фигуры своего «благодетеля» жид, стоявший за спиною Перфишки, хотел было дать стрелка; но Чертопханов в два прыжка настиг его и, как *тигр*, вцепился ему в горло (И. Тургенев «Конец Чертопханова» [ruscorpора]).

虎

英勇无畏的战士们, 在冲锋号吹响的刹那间, 如猛虎般跃起, 端着机枪冲向敌营 (在线词典)

Перевод: Храбрые и бесстрашные воины прыгнули, как *тигр* в момент нападения, и бросились к врагу с пулеметом.

Трутень

Я собиратель и нравоучитель, я пчела, а ты *трутень* разврата — вон! (В. Аксенов «Таинственная страсть» [ruscorpора]).

寄生虫

她是寄生虫 (БКРС)

Перевод: Она была *трутнем*

Тюлень

Этот надутый *тюлень* Иван Иванович в пиджаке от «Версаче», мой сокамерник, он — кто? (В. Скворцов «Каникулы вне закона» [ruscorpора]).

Удав (змея)

Уставившись, как *удав*, он медленно стал приближаться ко мне (В. Слипенчук «Зинзивер» [ruscorpора]).

蛇

他吃了你女人就像一条蛇 (БКРС)

Перевод: Он заел твою женщину, как *удав*.

Уж (змея)

Я кручусь, как *уж* на сковороде, но кто я для него? (А. Маринина «Ангелы на льду не выживают» т. 1 [ruscorpора]).

条蛇

觉人心险恶，甚于蛇蝎！（在线词典）

Перевод: Чувствую внутри зловещую злость, больше чем *змея*.

Улитка

Короче, вот он всю дорогу вот так вот ерзал как *улитка* и вот знаешь вот это вот... (Разговоры коллег // Из коллекции НКРЯ [ruscorpора]).

蜗牛

他走路比蜗牛还慢 (БКРС)

Перевод: Она ходит очень медленно, как *улитка*.

他写作业象蜗牛一样 (БКРС)

Перевод: Она пишет домашнее задание, как *улитка*.

Хамелеон

Что за *хамелеон* эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра (И. Тургенев «Ася» [ruscorpора]).

变色龙

他是一条变色龙,你绝不能轻信他的话 (在线词典)

Перевод: Он *хамелеон*, вы не должны верить его словам.

Чайка

Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как *чайка*, и счастлива, и свободна, как *чайка* (А. Чехов «Чайка» [ruscorpора]).

Червяк

Что ж ты, судиться что ли, со мной будешь? Так ты знай, что ты *червяк*. Захочу — помилую, захочу — раздавлю (А. Островский «Гроза» [ruscorpора]).

蠕虫

爱有蠕虫，厥状似螟（在线词典）

Перевод: Незначительный, мелкий человек как *червяк*.

Черепаха

Гость выполз медленно, как *черепаха*, и сел, кривясь от боли (М. Петросян «Дом, в котором...» [ruscorpора]).

乌龟

你怎么象乌龟爬似的！（БКРС）

Перевод: Что ты ползешь как *черепаха*!

Шавка

Ишь ты, какой взъерошенный, точно *шавка*! (А. Островский, П. Невежин «Блажь» [ruscorpора]).

Шакал

Я гаишник, а не *шакал*, не мародер и не насильник! (Д. Корецкий «Менты не ангелы, но..» [ruscorpора]).

胡狼

你是说把小胡狼送去游戏公园吗? — 他问 (在线词典)

Перевод: Вы говорили, что хотите отправить маленького шакала в игровой парк? — спросил он.

Шатун

Блудня!.. *Шатун*!.. Словами-то хоть какими, хоть сколько Поливай! (В. Астафьев «Последний поклон» [ruscorpора]).

Щенок

У Гоши задрожал от обиды голос, а Артур дал ему пинка и закричал: — Води, *щенок*! — Сам води! (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир» [ruscorpора]).

狗崽子

赫得豪士奇怪这狗崽子为什么显得如此有气无力.(在线词典)

Перевод: Какой странный этот *щенок*, почему он выглядит таким слабым?

Ягнёнок

Надо думать, что Вар-равван стал теперь безопасен, как *ягнёнок*, — заговорил гость, и морщинки появились на круглом лице (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», ч. 2 [ruscorpора]).

小羔羊

她究竟是可怜的小羔羊 (在线词典)

Перевод: Она бедный маленький *ягнёнок*

Ястреб

Только мама была не курица, а *ястреб*, в семье её все боялись, и дядя Иосиф боялся (А. Рыбаков «Тяжелый песок» [ruscorpора]).

鹞鹰

比赛时,他从不作记录,但球场上发生的每一细节,逃不过他老鹰般犀利的眼睛(CCL)

Перевод: Во время игры он никогда не делал записи в тетрадь, но каждая деталь на площадке не могла не попасть ему в глаза, зоркие, как у *ястреба*.

他像老鹰一样攻击他的下属(CCL)

Перевод: Он набросился на своих подчиненных, как *ястреб*.

Учет прагматического и синтаксического аспектов дает нам возможность более детально разобраться в психологических, ментальных и социальных особенностях, присущих определённому языковому сообществу. Достаточно часто выбор уподобления человека животному делается с целью выделения для его описания какого-либо присущего ему положительного или отрицательного признака, содержащего эмотивный эффект. В повседневной жизни зоонимы-эмотивы являются разновидностью экспрессивной лексики. Обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение уровня речевой культуры и обладают яркой пейоративной окраской.

Следующий этап анализа заключается в сравнении каждого вторичного значения в обоих языках с точки зрения соответствия по ЛСГ, оценочной семантике и гендерной семантике. Для более детального анализа был выбран аналитический метод оценки полученных результатов.

В формальной лингвистике применяется метод преобразования и пересчета данных, для этого мы посчитали целесообразным воспользоваться кодом Грея, который поможет определить различия во всех категориях по отношению к каждой лексеме.

Исходное значение	Вторичное значение	ЛСГ	Гендерная семантика	Оценочная семантика
Аспид	–	–	–	–
Бабочка	–	–	+	+
Буйвол	–	–	+	–
Верблюд	–	–	–	–
Волк	–	+	+	+
Воробей	+	+	+	+
Ворона	–	+	+	–
Выдра	–	–	–	–
Гад	+	+	+	+
Гадюка	–	–	–	+
Гиена	–	–	–	–
Гнида	+	+	+	+
Гусь	–	+	+	+
Динозавр	–	–	–	+
Дятел	–	–	–	–
Ехидна	+	+	+	+
Жаворонок	–	+	+	

Исходное значение	Вторичное значение	ЛСГ	Гендерная семантика	Оценочная семантика
Жеребец	–	+	+	+
Животное	+	+	+	+
Жук	–	–	–	–
Заяц	–	–	+	–
Зверь	–	+	+	+
Змей	+	+	+	+
Зубр	–	–	–	–
Индюк	–	–	+	–
Ишак	–	+	+	–
Кабан	–	+	+	+
Каракатица	+	+	+	+
Кит	–	–	+	–
Клещ	+	+	+	+
Клоп	–	–	+	+
Клуша	–	–	–	–
Кобыла	–	–	+	+
Кобылка	–	–	–	–
Козел	+	+	+	+
Корова	–	–	+	–
Коршун	+	+	+	+
Кот	–	+	–	+
Кошка	–	+	–	+
Крот	–	–	–	–
Крыса	+	+	+	+
Курица	+	+	+	+
Ласточка	–	–	–	+
Лебедь	–	–	+	–
Лев	–	+	–	+
Лиса	+	+	+	+
Лошадь	+	+	+	+
Медведь	–	–	+	+
Мышь	–	–	–	–

Исходное значение	Вторичное значение	ЛСГ	Гендерная семантика	Оценочная семантика
Навозник	–	–	–	–
Обезьяна	+	+	+	+
Овца	+	+	+	+
Олень	–	–	–	–
Орел	+	+	+	+
Осел	+	+	+	+
Павлин	+	+	+	+
Петух	–	+	+	–
Пес	–	+	+	+
Пиявка	–	–	+	+
Попугай	+	+	+	+
Пустельга	–	–	–	–
Рыба	–	+	+	–
Саранча	+	+	+	+
Сверчок	–	–	–	+
Свинья	+	+	+	+
Слизняк	–	+	+	+
Слон	+	+	+	+
Собака	+	+	+	+
Сова	–	–	+	–
Сокол	+	+	+	+
Сорока	–	+	+	–
Страус	+	+	+	+
Стрекоза	+	+	+	+
Сука	+	+	+	+
Сурок	–	–	–	–
Тетерев	–	–	–	+
Тигр	–	+	+	+
Трутень	–	–	–	–
Тюлень	+	+	+	+
Удав	–	+	+	+
Улитка	+	+	+	+

Исходное значение	Вторичное значение	ЛСГ	Гендерная семантика	Оценочная семантика
Хамелеон	–	+	+	+
Чайка	–	–	–	–
Червяк	–	+	+	+
Черепаша	–	+	–	+
Шавка	–	–	–	–
Шакал	+	+	+	+
Шатун	–	–	–	–
Щенок	–	–	+	–
Ягненок	–	–	+	–
Ястреб	+	+	+	+

На основании данных, приведенных в таблице, сделаны следующие выводы. Вторичные значения у следующих слов полностью совпадают по ЛСГ, гендерной и оценочной семантике (+ + +): волк, воробей, гад, гнида, гусь, ехидна, жеребец, животное, зверь, змей, каракатица, клещ, козел, курица, лиса, лошадь, обезьяна, овца, орел, осел, павлин, пес, попугай, саранча, свинья, слизняк, слон, собака, сокол, страус, стрекоза, сука, тигр, удав, улитка, тюлень, хамелеон, червяк, шакал, ястреб. Всего в эту категорию включены 40 значений. В данной категории наибольшее количество слов, это подтверждает, что часть вторичных значений в русском и китайском языках имеют одинаковые оценочные характеристики при номинации человека.

Схожие значения по ЛСГ и гендерной семантике, но различные в оценочной семантике в лексемах: ворона, жаворонок, ишак, петух, рыба, сойка (+ + –). Всего — 6 слов.

Одинаковые значения по ЛСГ и оценочной семантике, но различные по гендерной семантике имеют слова: кот, кошка, лев, черепаха (+ – +). В данной категории — 4 слова.

В категорию с полным несовпадением значений по ЛСГ, гендерной и оценочной семантике попали следующие лексемы: аспид, верблюд, выдра, гиена, дятел, жук, зубр, клуша, кобылка, крот, лебедь, мышь, навозник, олень, пустельга, сурок, трутень, чайка, шавка, шатун (– – –). Всего — 20 слово.

Вторичные значения, не совпадающие по ЛСГ, гендерной семантике, но одинаковые в оценке у слов: гадюка, динозавр, ласточка, сверчок, тетерев (– – +). Всего — 4 слова.

Лексемы, различные во вторичном значении по ЛСГ и оценочной семантике, но одинаковые по гендерному признаку: буйвол, заяц, индюк, кабан, кит, корова, сова, щенок, ягненок (– + –). Всего — 9 слов.

Вторичные значения, схожие по гендерной и оценочной семантике, но различные по АСГ: *бабочка, клоп, кобыла, медведь, пиявка* (– + +). Всего — 5 слов.

Переносные значения, схожие по АСГ, но различные по гендерной и оценочной семантике (+ – –) не были найдены. Из этого можно сделать предположение, что нет вторичных значений в русском и китайском языках, которые были бы схожи по АСГ, но различны по гендерной и оценочной семантике.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что в китайском и русском языках вторичные значения либо имеют одинаковые признаки по АСГ, гендерной и оценочной семантике (39 лексем), либо имеют различия по одному или нескольким признакам (53 лексемы).

Также вторичные значения были проанализированы с точки зрения сходства вторичного значения в русском и китайском языках.

Сходное переносное значение	воробей, гад, ехидна, животное, змей, карака-тица, клещ, крыса, козел, коршун, курица, лиса, лошадь, обезьяна, овца, орёл, осел, павлин, попу-гай, саранча, свинья, слон, собака, сокол, страус, стрекоза, сука, тюлень, шакал, ястреб.	30
Разное переносное значение	аспид, бабочка, буйвол, верблюд, волк, ворона, выдра, гадюка, гиена, гусь, динозавр, дятел, жаворонок, жеребец, жук, заяц, зверь, зубр, индюк, ишак, кабан, кит, клоп, клуша, кобыла, кобылка, корова, кот, крот, кошка, ласточка, ле-бедь, лев, медведь, мышь, навозник, олень, петух, пес, пиявка, пустельга, рыба, сверчок, слизняк, сова, сорока, сурок, тетерев, тигр, трутень, удав, улитка, хамелеон, чайка, черепаха, червяк, шавка, шатун, щенок, ягненок.	62

Анализ вышеперечисленных примеров показал, что большинство слов в китайском и русском языках имеют различия в переносном значении, это 64%, а одинаковое значение выявлено в 35% примеров. Это дает нам основание полагать, что большинство метафорических значений в китайском и русском языках либо имеют сходное коннотативно-культурное значение, либо совсем разнятся с нашими представлениями об этих значениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой главе монографии представлены теоретические основы изучения метафоры, показан исторический путь изучения метафоры с древних времен до наших дней. В работе приведены основные направления изучения метафоры. Сделан обзор работ ученых, работающих в этой области, таких, как М. Блек, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гасет, Дж. Лакофф, Э. Маккормак, Г. Н. Скляревская, Н. Д. Арутюнова, Н. Д. Шмелев и др. Метафоре посвящено много научных трудов. Ее изучают лингвисты, ее используют писатели, поэты, художники, журналисты. Изучение метафоры становится более интенсивным, охватывая различные сферы лингвистики, литературы, философии, психологии, кибернетики. Современные исследователи рассматривают метафорические выражения как одно из важнейших средств конструирования языка, его расширения, как способ связи естественного языка и языка науки, а также выявляют и другие стороны употребления метафор. Будучи «повсеместной» и «все пронизывающей», метафора встречается в различных сферах жизнедеятельности человека. На современном этапе развития лингвистической науки метафору исследуют в языкознании (Г. Н. Скляревская, Е. М. Вольф, О. И. Глазунова) в языке экономики (Е. В. Колотнина), психиатрии (Д. Гордон, Д. Трунов), военной области (А. Г. Гучин), философии (Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет). Существует большое количество работ, посвященных метафоре научного текста (Н. Д. Арутюнова, Г. С. Баранов, Г. Г. Кулиев, С. С. Гусев), метафоре научно-популярного текста (Л. С. Билоус, В. Ф. Крюкова, Н. В. Позднякова), а также метафоре текстов средств массовой информации (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, М. Р. Желтухина, Е. И. Чепанова, Т. А. Ширяева и др.).

Во второй главе монографии дается типологическая классификация языков, история зарождения типологии языков как отдельного направления в языкознании. Лингвистическая типология занимается классификацией языков независимо от того, как они устроены, описывает внутреннее устройство языка в целом. Мы постарались дать представление о наиболее важных трудах в области типологии языков таких ученых, как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, А. А. Реформатский, В. М. Солнцев, В. И. Горелов и др. Отдельным разделом в книге были представлены генетическая, структурная, ареальная и сравнительная типологии. Во второй части мы постарались отразить каждую категорию. Сравнивая структуры русского и китайского языков, приходим к заключению о полном различии грамматических средств

и словообразования. Анализ по типологическим особенностям показал, что в китайском языке сохраняются аналитические тенденции, а в русском — черты синтетического строя.

В третьей главе проведен сопоставительный анализ вторичных значений русского и китайского языков. В работе использована методика сопоставления оригинальных метафор на русском языке и их переводов на китайский язык. Эта методика является традиционной: при ее использовании сопоставляются метафоры оригинального текста и их перевод на другой язык. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафорические значения не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях, существующих в данных языках метафорических моделей. В ходе исследования был выявлен набор наиболее существенных характеристик исходных и вторичных значений: оценочная характеристика вторичных значений по гендерной принадлежности, по особенностям характера, по поведению и повадкам, по физическим свойствам, и мы пришли к следующим выводам:

1) сопоставление значений по АСГ показало, что в русском и китайском языках большинство метафор передают тонкости характера, внутреннее состояние человека, особенности его поведения в социуме, второстепенным же является учет его внешних качеств;

2) анализ с точки зрения гендерной семантики показал, что большая часть метафорических номинаций имеет амбивалентный характер, т.е. могут применяться и к мужчине, и к женщине;

3) при сопоставлении значений по оценочной семантике выявлено, что метафорические названия человека, образованные от названия животного, и в русском, и в китайском языках в большинстве имеют негативное оценочное значение;

4) большинство слов в китайском и русском языках имеют различия в переносном значении – 64%, а одинаковое значение выявлено у 35% примеров. Это дает нам основание полагать, что большинство метафорических значений в китайском и русском языках либо имеют сходное коннотативно-культурное значение, либо совсем разнятся с нашими представлениями об этих значениях;

5) сопоставление значений по трем параметрам: оценочной, гендерной семантике и АСГ показало, что из 93 первичных значений полное совпадение выявлено у 40 лексем, это подтверждает, что часть вторичных значений в русском и китайском языках имеют одинаковые оценочные характеристики при номинации человека;

6) не были найдены переносные значения, схожие по АСГ, но различные по гендерной и оценочной семантике. Из этого можно сделать предположение, что нет вторичных значений в русском и китайском языках, которые были бы схожи по АСГ, но различны по гендерной и оценочной семантике.

7) лексико-синтаксический подход показал различия в использовании зооморфизмов при построении предложений. Данный метод анализа в полной мере отражает процесс того, как человек использует лексемы в языке при построении структурированного предложения.

8) статистические данные позволили прояснить, какие названия животных наиболее часто используются в русском языке. Чем больше различий в природной среде обитания, культуре, традициях, бытовом укладе каких-либо этносов, тем больше в их национальных языках пластов лексики, которые можно отнести к категории обозначений национально-специфических реалий.

Выделенные нами характеристики позволили наиболее адекватно описать то или иное значение с точки зрения его положения в системе русского языка и сопоставить его с единицами данного порядка китайского языка. Сопоставительный анализ метафорических номинаций показал, как отражаются в исследуемых языках различия в эмоционально-оценочной номинации, и позволил увидеть, как в них реализуется национально-культурная коннотация.

Рассматривая в когнитивном аспекте процесс формирования метафорического значения у зооморфизмов, можно сделать вывод, что русскому и китайскому языку присущи общие антропологические черты в создании переносных значений у метафор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анохина, С. П., Кострова, О. А. (2012), *Сравнительная типология немецкого и русского языков*. Москва.
- Аракин, В. Д. (2005), *Сравнительная типология английского и русского языков*. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (1990), *Метафора и дискурс*. Москва.
- Баранова, З. И., Котов, А. В. (ред.) (2006), *Большой русско-китайский словарь: Около 120 000 слов и словосочетаний*. Москва.
- Бирасли, М. (1990), *Метафорическое сплетение*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 201–218.
- Блэк, М. (1990), *Метафора*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 153–172.
- Буров, В. Г., Семенас, А. Л. (ред.) (2007), *Китайско-русский словарь новых слов и выражений: Более 15 000 слов*. Москва.
- Войцехович, И. В. (2007), *Практическая фразеология современного китайского языка*. Москва.
- Вольф, Е. М. (1988), *Метафора и оценка*. Москва.
- Гидденс, Э. (1999), *Социология*. Москва.
- Глазунова, О. И. (2000), *Логика метафорических преобразований*. Санкт-Петербург.
- Горбачевич, К. С. (ред.) (2004), *Большой академический словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Горелов, В. И. (1984), *Лексикология китайского языка*. Москва.
- Григорян, А. А. (2004), *Состояние и перспективы тендерной лингвистики на западе в конце XX начале XXI веков*. Иваново.
- Гудмен, Н. (1990), *Метафора — работа по совместительству*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 194–200.
- Гумбольдт, В. (2000), *О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества*. Москва.
- Гусев, С. С. (1984), *Наука и метафора*. Ленинград.
- Денисова, А. А. (ред.) (2002), *Словарь гендерных терминов*. Москва.
- Драгунов, А. А. (1952), *Исследования по грамматике современного китайского языка*. Т. 1. Москва–Ленинград, 40.
- Дэвидсон, Д. (1990), *Что означают метафоры*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 173–192.
- Евгеньева, А. П. (ред.) (1999), *Словарь русского языка*. Москва.
- Захаренко, И. В. (ред.) (2004), *Лингвокультурологический словарь*, вып. 1. Москва.
- И Бинъюн (2007), *100 китайских идиом и устойчивых выражений*. Санкт-Петербург.
- Имин, Ч. (ред.) (2003), *Китайско-русский словарь*. Москва.
- Карапетьянц, А. М., Тань Аошуан (2007), *Ключи к учебнику китайского языка*. Москва.

- Караулов, Ю. Н. (ред.) (2003), *Русский язык: Энциклопедия*. Москва.
- Кассирер, Э. (1990), *Сила метафоры*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 33–43.
- Киклевич, А. К. (2007), *Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика*. Olsztyn.
- Киклевич, А. (2017), *Языковая картина мира как проблема антропологического языка. „Филологические науки”* (1), 9–17, Москва.
- Кирилина, А., Томская, М. (2005). Лингвистические гендерные исследования. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата доступа май 16, 2017).
- Корнилов, О. А. (2005), *Жемчужины китайской фразеологии*. Москва.
- Котов, А. В. (ред.) (1994), *Китайско-русский словарь-минимум: Около 4000 иероглифов*. Москва.
- Котов, А. В. (ред.) (2007), *Новый китайско-русский словарь: Около 4100 иероглифов и свыше 26 000 слов и лексических словосочетаний*. Москва.
- Крейдлин, Г. (2005), *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*. Москва.
- Кузнецов, С. А. (ред.) (2003), *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Курленин, С. Н. (ред.) (2005), *Этимологический словарь иероглифов: Пособие для тех, кто изучает китайский и японский языки*. Санкт-Петербург.
- Лакофф, Д., Джонсон, М. (1990), *Метафоры, которыми мы живем*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 387–415.
- Левина, О. В. (ред.) (2010), *Новейший китайско-русский и русско-китайский словарь: 100 000 слов, словосочетаний и значений*. Москва.
- Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009), *Частотный словарь современного русского языка*. Москва.
- Маккормак, Э. (1990), *Когнитивная теория метафоры*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 358–386.
- Малявин, В. В. (2001), *Китайская цивилизация*. Москва.
- Маслова, В. А. (2001), *Лингвокультурология*. Москва.
- Мечковская, Н. Б. (2001), *Структурная и социальная типология языков*. Москва.
- Мудров, Б. Г. (ред.) (1988), *Китайско-русский словарь*. Москва.
- Ортега-и-Гассет, Х. (1990), *Две великие метафоры*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 68–81.
- Ошанин, И. М. (ред.) (1983–1984), *Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырёх томах*. Москва.
- Пешуров, Д. А. (ред.) (2016), *Китайско-русский словарь: по графической системе*. Москва.
- Прядохин, М. Г., Прядохина, Л. И. (ред.) (1992), *Краткий словарь трудностей китайского языка*. Москва.
- Реформатский, А. А. (1998), *Введение в языковедение*. Москва.
- Ричардс, А. (1990), *Философия риторики*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 44–65.
- Рубец, М. В. (2009), *История философии*. „Институт Философии Русской Академии Наук” (14), 111–122, Москва.

- Серль, Дж. (1990), *Метафора*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 307–341.
- Сизов, С. Ю. (ред.) (2005), *Китайско-русский словарь идиом: Более 6000 словосочетаний*. Москва.
- Склярская, Г. Н. (1993), *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург.
- Солнцев, В. М. (1971), *Язык как системно-структурное образование*. Москва.
- Солнцев, В. М. (1995), *Введение в теорию изолирующих языков*. Москва.
- Суханов, В. Ф. (ред.) (2001), *Китайско-русский тематический словарь: 3000 наиболее употребительных слов*. Москва.
- Сэпир, Э. (1993), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва.
- Сяо, Гоучжэн. (1997), *Исследование грамматики современного китайского языка*. Нанкин.
- Уилрайт, Ф. (1990), *Метафора и реальность*. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 82–110.
- Уолцер, М. (2000), *О терпимости*. Москва.
- Фан, Юйцин (1996), *Практическая грамматика китайского языка*. Пекин.
- Фань, Сяо (1998), *Типология предложений в китайском языке*. Шухай.
- Фрейденберг, О. М. (ред.) (1936), *Античные теории языка и стиля*. Ленинград.
- Цзинь, Тао (2007), *Концептуальная система пространства*. Владивосток.
- Цзян, Сипин (2002), *Безэквивалентная лексика и фразеология в русском и китайском языках*. Москва.
- Шарафутдинова, Н. С. (2009), *Лингвистическая типология и языковые ареалы*. Ульяновск.
- Шведова, Н. Д. (ред.) (1998), *Русский семантический словарь*. Т. 1. Москва.
- Шведова, Н. Д. (ред.) (2006), *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Chen, Guanzhong (2009). *Zhongguo 2013 nian*. Hong Kong: Oxford University Press.
- Cheung, Candice Chi-Hang (2016), *Parts of Speech in Mandarin: The State of the Art*. Heidelberg: Springer.
- Hu, Chirui (2016), *New aspects of classical Chinese grammar*. (ed.) by Barbara Meisterernst. Germany: Wiesbaden.
- Huan, Chu-Ren, Dingxu Shi (2016), *A reference grammar of Chinese*. United Kingdom: Cambridge University Press.
- Peeverelli, P. (2015), *The History of Modern Chinese Grammar Studies*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg.
- Shi, Yuzhi (2002), *The establishment of modern Chinese grammar: the formation of the resultative construction and its effects*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wen, Shaoxian (2013), *An active modern Chinese grammar & translation*. Hong Kong: Overflow Publications.
- Xing, Fuyi (2016), *Modern Chinese Grammar: A Clause-Pivot Approach*. Routledge: Studies in Chinese Linguistics.
- Xu, Dan (2010), *Initiation à la syntaxe chinoise: Des repères et des analyses pour écrire et parler juste. Préface de Claude Hagège*. Paris: L'Asiathèque.
- Yuan, Yulin (2016), *Cognition-Based Studies on Chinese Grammar*. Routledge: Studies in Chinese Linguistics

- 卜纯英译 (1988), 牛津-杜登英汉图解词典. 北京.
羅竹風 (1994), 汉语大词典. 上海.
吴月梅 (2012), 汉语图解小词典. 北京.
施光 (主编) (2012), 汉语口语词词典..北京.
王剑 (主编) (2006), 中国成语大辞典. 上海.
吴岷 (主编) (2008), 英汉动物学词典..北京.
李成家 (1983), 国谚语选. 兰州.
尹世超 (主编) (2010), 东方方言概念词典. 哈尔滨.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
аспид	—	злой человек	—
бабочка	蝴蝶 (húdié)	легкий на подъем человек	красивый человек; легкомысленная девушка
буйвол	牛 (niú)	грузный, толстый человек	трудолюбивый, выносливый человек
верблюд	骆驼 (luòtuó)	человек, который может носить тяжелый груз.	—
волк	狼 (hěn)	злой, коварный человек	человек, который выглядит статочно добрым, но внутри у него кипит злоба
воробей	麻雀 (máquè)	опытный, бывалый человек	—
ворона	渡乌 (dù wū)	человек не похожий на окружающих	человек, который раздражается и раздражает окружающих; мудрый, заботливый человек
выдра	水獭 (shuǐtǎ)	некрасивая и худая женщина	—
гадюка	毒蛇 (dúshé)	злая, язвительная женщина	злой, жестокий человек
гад	爬行动物 (pá xíng dòng wù)	мерзкий, отвратительный человек	—

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
гиена	鬣狗 (liègǒu)	жадный и коварный человек	—
гнида	虱卵 (shī luǎn)	ничтожный, подлый человек	ничтожный, подлый человек
гусь	雁 (yàn)	ловкий человек	амбициозный, решительный человек; человек, который приносит новости
динозавр	恐龙 (kǒnglóng)	человек, который придерживается ветхозаветных взглядов	человек устаревших взглядов; некрасивая девушка
дятел	斲木 (zhuó mù)	человек, который много раз повторяет одно и тоже	—
ехидна	针鼹 (shēxiē)	злой язвительный и коварный человек	бессердечный, злой, опасный человек
жаворонок	云雀 (yúnquè)	человек, который чувствует себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером.	жизнерадостный, оптимистичный человек; человек с хорошим голосом
жеребец -	公马 (gōng mǎ)	рослый, сильный мужчина	бескорыстный человек (мужчина)
животное	畜生 (chùshēng)	грубый, неразвитый и неумный человек	грубый, неразвитый и неумный человек
жук	甲虫 (jiǎchóng)	ловкий человек	—
заяц	兔子 (tùzi)	трусливый человек; быстрый человек	ловкий, стремительный человек; способный человек; трусливый человек
зверь	衣冠禽兽 (yīguān qínshòu)	жестокий, свирепый человек	коварный, злой человек
змея	蛇蝎 (shéxiē)	злой и язвительный человек	злой и язвительный человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
зубр	野牛 (yěniú)	косный, консервативно настроенный человек; опытный и ценный специалист	опытный и ценный специалист; сильный человек
индюк	公火鸡 (gōng huǒjī)	человек, который имеет гордый и глупый вид	высокомерный человек; обиженный человек
ишак	驴 (lǘ)	человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу	упрямый человек; глупый человек
кабан	野猪 (yězhū)	толстый, сильный человек	крупный человек; смиренный человек
каракатица	墨鱼 (mòyú)	коротконогий, неуклюжий человек	неуклюжий человек
кит	鲸 (jīng)	человек, на котором держится все дело	огромный, большой человек
клоп	臭虫 (chòuchóng)	человек, с мнением которого ни кто не считается	грудной ребенок, младенец
клещ	蜱 (pí)	назойливый человек	—
клуша	—	медлительная, нерасторопная женщина	—
кобыла	—	рослая, нескладная женщина	—
кобылка	—	безответный и трудолюбивый работник	—
козел	山羊 (shānyáng)	человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое; грубый, нечестный человек	человек, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое; нечестный человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
корова	牛 (niú)	толстая, неуклюжая женщина; неумная женщина	трудолюбивая, покорная женщина; глупый человек
коршун	鸢 (yuān)	быстрый стремительный человек	быстрый, стремительный человек
кот	公猫 (gōng māo)	похотливый, сластолюбивый мужчина	похотливый мужчина; человек, которого, наконец, приструнили, взяли в руки
кошка	猫 (māo)	человек особенный и независимый, действующий в одиночку; тот, кто может приспособиться и выжить в любых условиях;	похотливая женщина
крот	痣 (zhì)	человек, который плохо видит	—
крыса	鼯鼠 (yǎn shǔ)	человек, вызывающий неприязнь	человек, вызывающий неприязнь
курица	鸡 (jī)	человек, который плохо видит; глупый человек	женщина легкого поведения; человек, который плохо видит
ласточка	燕子 (yànzi)	человек, который действует первым; ласковое обращение к женщине	счастливая, успешная в семье женщина
лебедь	天鹅 (tiān'é)	статный человек	одиноким мужчиной; статный человек
лев	狮子 (shīzi)	храбрый человек	справедливый человек; умный человек
лиса	狐狸 (húli)	хитрый, лживый человек	хитрый, лживый человек
лошадь	马 (mǎ)	трудолюбивый человек	трудолюбивый человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
медведь	熊 (xióng)	неуклюжий, неповоротливый человек	сильный и бестолковый человек
морж	海象 (hǎixiàng)	человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах	—
мышь	鼠标 (shǔbiāo)	тихий человек	—
навозник	—	человек, собирающий хлам и мусор	—
обезьяна	猴子 (hóuzi)	человек, склонный к подражанию других	человек, склонный к подражанию других; худой человек; некрасивый человек
овца	绵羊 (miányáng)	молчаливый покорный человек; глупый человек	покорный человек; глупый человек
олень	鹿 (lù)	дурной человек	—
орел	老鹰 (lǎoyīng)	гордый, смелый человек	гордый, смелый человек
осел	驴 (lú)	тупой, упрямый, глупый человек	тупой, упрямый, глупый человек
павлин	孔雀 (kǒngquè)	человек, который хочет казаться важнее и значительнее, чем он есть на самом деле	человек, который хочет казаться важнее и значительнее, чем он есть на самом деле
петух	公鸡 (gōngjī)	задиристый человек	задиристый человек; осторожный человек
пес	走狗 (zǒugǒu)	человек, готовый на любые низкие поступки, дела	человек, готовый на любые низкие поступки, дела
пиявка	水蛭 (shuǐzhì)	человек, живущий за счет других	ничтожный человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
попугай	鸚鵡 (yīngwǔ)	человек, который повторяет чужие слова, не имея собственного мнения	человек, который повторяет чужие слова, не имея собственного мнения; человек в яркой одежде
пустельга	茶隼 (chá zhǔn)	легкомысленный человек	—
рыба	鱼 (yú)	вялый, холодный человек	человек, который добивается своей цели
саранча	蝗虫 (huángc-hóng)	человек, который с жадность ест все подряд	человек, который с жадность ест все подряд; жадный человек
сверчок	促织 (cùzhī)	малозначимый человек	задиристый человек, драчун
свинья	猪 (zhū)	человек, который поступает подло, а также грубый ;грязный человек, неряха	грязный человек, неряха; толстый человек
слизняк	鼻涕虫 (bítì chóng)	безвольный, ничтожный человек	слабовольный человек
слон	大象 (dàxiàng)	большой и нескладный человек	большой и нескладный человек
собака	走狗 (zǒugǒu)	злой, грубый человек	злой, грубый человек
сова	鸱鸺 (chī xiū)	человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром	человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром; несовременный, недалекий человек;
сокол	鹰 (yīng)	храбрый и смелый человек	храбрый и смелый человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
сорока	喜鹊 (xǐquè)	человек, который говорит быстро и громко	человек, который приносит хорошие новости; удачливый человек
страус	鸵鸟 (tuóniǎo)	человек, который уходит от принятия решений	человек, который уходит от принятия решений
стрекоза	蜻蜓 (qīngtíng)	живой, подвижный ребенок (девочка)	легкомысленная девушка; живой, подвижный ребенок (девочка); красивая девушка.
сука	狗 (gǒu)	подлый человек	подлый человек
сурок	旱獭 (hàntǎ)	человек, который крепко спит	—
тетерев	琴鸡 (qínjī)	глухой человек	девушка легкого поведения
тигр	虎 (hǔ)	человек, который набрасывается на кого-то с претензиями	жестокый человек; зажиточный человек
трутень	寄生虫 (jìshēngc-hóng)	человек, живущий за счёт чужого труда	—
тюлень	海豹 (hǎibào)	неуклюжий, неповоротливый человек	неуклюжий, неповоротливый человек
удав	蛇 (shé)	человек, заставляющий взглядом оцепенеть, замереть; очень спокойный человек	голодный человек
уж	条蛇 (tiáo shé)	человек, который хитрит и пытается выкручиваться из неловкой ситуации	человек, который хитрит и пытается выкручиваться из неловкой ситуации; злой, подлый человек

Лексема		Лексическое значение	
русский язык	китайский язык	русский язык	китайский язык
улитка	蜗牛 (wōniú)	медлительный человек	медлительный человек; ребенок
хамелеон	变色龙 (biànsèlóng)	человек, который, приспосабливается к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды	изворотливый, хитрый человек
чайка	海鸥 (hǎi'ōu)	человек, любящий свободную жизнь	—
червяк	蠕虫 (rúchóng)	жалкий, ничтожный человек	подлый человек; жалкий, ничтожный человек
черепаха	乌龟 (wūguī)	медлительный человек	медлительный человек; муж, которому изменяет жена
шавка	小狗 (xiǎo gǒu)	злобный, крикливый человек	—
шакал	胡狼 (hú láng)	низкий, подлый и жестокий человек	подлый и жестокий человек
шатун	—	человек, который любит шататься, ходить без дела	—
щенок	狗崽子 (gǒu zǎizi)	мальчишка, молокосос	непочтительный сын
ягненок	羔羊 (yánggāo)	человек, который притворяется кротким, незлобным	человек безупречного поведения
ястреб	鸱鹰 (yàoyīng)	быстрый, решительный человек	быстрый, решительный человек

2

1. Аспид, -а, м. 1. Ядовитая змея, родственная кобре, ехидне (во 2 знач.). *Семейство аспидов.* 2. Злой, злобный человек (прост. бран.).

2. Бабочка, -и, ж. 1. Насекомое отряда чешуекрылых, мотылёк. 2. *перен.* О женщине легкого поведения. О легком на подъем человеке.

3. Буйвол, -а, м. Крупное жвачное животное, родственное быку, с большой головой на короткой толстой шее и короткими ногами. *Ну и б. этот мужик!* (перен.; о грузном, толстом человеке; прост.).

4. Верблюд, -а, м. 1. Жвачное парнокопытное млекопитающее с одним или двумя жировыми горбами. Одногогорбый в. Двугорбый в. Караван верблюдов. 2. *перен.* Человек, который может носить тяжелый груз. *Нагрузиться верблюдом, нагрузиться как верблюд.*

5. Волк, -а, мн. -и, -ов, м. 1. Хищное животное сем. псовых. *Голоден как в.* (очень голоден). *К волку в пасть лезть* (перен.: общаясь с кем-н., подвергать себя явной опасности, неприятности; разг. неодобр.).

6. Воробей, -бья, м. Маленькая птичка с серо-черным оперением. *Старый* или *стреляный в.* (перен.: опытный, бывалый человек; разг. шутл.).

7. Ворона, -ы, ж. 1. Всеядная птица сем. вороновых, серая с черным или черная. *Белая в.* (о том, кто резко отличается от других, не похож на окружающих). 2. *перен.* Зевака, ротозей (разг.).

8. Выдра, -ы, ж. 1. Хищное, хорошо плавающее животное сем. куньих, а также мех его. 2. О некрасивой и худой женщине (прост.).

9. Гадюка, -и, ж. Ядовитая змея с плоской треугольной головой. *Не женщина, а г.* (о злой, язвительной женщине; разг.).

10. Гад, -а, м. 1. обычно мн. Пресмыкающееся или земноводное (устар. и прост.). 2. *перен.* Мерзкий, отвратительный человек, гадина (прост. презр.).

11. Гиена, -ы, ж. 1. Хищное млекопитающее южных стран, питающееся падалью. 2. *перен.* разг.-сниж. жадный и коварный человек.

12. Гнида, -ы, ж. 1. Яйцо вши. 2. *перен.* Ничтожный, подлый человек (прост. бран.).

13. Гусь, -я, м. 1. Родственная утке крупная дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей. 2. В нек-рых сочетаниях: о ловкаче или мошеннике, пройдохе (прост). *Хорош или каков г.!* (выражение удивления по поводу чьей-н. проделки, плутовства).

14. Динозавр, -а, м. 1. Вымершее крупное пресмыкающееся. 2. *перен.* Человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями о долге, чести, морали (разг. шутл.).

15. Дятел, -тля, м. Лесная лазящая птица с сильным клювом. 2. *Долбит как дятел* (много раз повторяет одно и то же; неодобр.).

16. Ехидна, -ы, 1. ж. Небольшое австралийское яйцекладущее млекопитающее отряда клоачных с вытянутой вперед мордой, покрытое иглами

и шерстью. 2. *ж.* Ядовитая австралийская змея сем. аспидов. 3. *м. и ж., перен.* Злой язвительный и коварный человек (разг.).

17. Жаба, *-ы, ж.* 1. Сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей. 2. *перен.* пренеб. о полной женщине.

18. Жаворонок, *-нка, м.* 1. Певчая птичка отряда воробьиных. 2. *перен.* Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером.

19. Жеребец, *-бца, м.* 1. Самец лошади, достигший половой зрелости. *Вон ты ж. какой стал!* (перен.: о рослом, сильном мужчине (прост.)).

20. Животное, *-ого, ср.* 1. Живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями. 2. Такое живое существо в противоп. человеку. *Дикое животное.* 3. *перен.* О грубом, неразвитом и неумном человеке (разг. презр.).

21. Жук, *-а, м.* 1. Насекомое с жесткими надкрыльями. *Отряд жуков. Майский жук.* 2. *перен.* Ловкий человек, плут (прост, неодобр.).

22. Заяц, *зайца, м.* 1. Зверек отряда грызунов, с длинными ушами и сильными задними ногами, а также мех его. 2. *перен.* Безбилетный пассажир, а также зритель, проникший куда-н. без билета (разг.). *Ехать зайцем. Заячья натура* (перен.: трусливая).

23. Зверь, *-я, м.* 1. Дикое животное. *Хищный з.* 2. *перен.* Жестокий, свирепый человек.

24. Змей, *-я, м.* 1. То же, что змея (устар. и обл.). Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти. *Как лютый змей кто-н.* (очень зол). 2. Сказочное чудовище с туловищем змеи. *Не человек - з.* (о злом и язвительном человеке).

25. Зубр, *-а, м.* 1. Крупный дикий лесной бык, сходный с бизоном. 2. *перен.* О косном, консервативно настроенном человеке. 3. *перен.* Об опытном и ценном специалисте (разг. шутл.). *Редакционный з.*

26. Индюк, *-а, м.* 1. Самец индейки, индейский петух. *Надулся, как и. кто-н.* (о том, кто имеет гордый и глупый вид).

27. Ишак, *-а, м.* 1. Осел и (обл.) лошак или мул. 2. *перен.* Человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу (прост.). *Сделали из парня ишака.*

28. Ищейка, *-и, ж.* Служебная собака с тонким чутьем, используемая для поисков кого-чего-н. *Полицейская и.* (также перен.: о сыщиках, полицейских шпионах; презр.).

29. Кабан, *-а, м.* 1. Дикая свинья, а также самец дикой свиньи. 2. *перен., прост.* толстый, сильный человек, здоровяк.

30. Каракатица, *-ы.* 1. *ж.* Головоногий морской моллюск, выделяющий коричневое красящее вещество — сепию. 2. *перен. м. и ж.* О коротконогом, неуклюжем человеке (разг.).

31. Лебедь, *-я, мн. и, ж.* 1. Большая водоплавающая птица сем. утиных с длинной, красиво изогнутой шеей. 2. Белый л., жен. Ласкательное обраще-

ние к женщине (обл., нар.-поэт.). «Сядь, лебедь, сюда ближе.» Лесков. 3. *перен.* О статном человеке

32. Кит, -а, м. 1. Крупное морское млекопитающее с рыбообразным телом. *Зубатые киты.* 2. *перен.* Человек, на котором держится все дело.

33. Клоп, -а, м. 1. Насекомое с колющим хоботком, питающееся кровью людей, животных или соком растений. 2. *перен.* Малыш, кнопка (разг. шутил.). *Совсем еще к., а уже рассуждает.*

34. Клещ, -а, м. 1. Мелкое членистоногое животное отряда паукообразных. 2. *перен.* Назойливый человек.

35. Клуша, -и, ж. 1. Курица-наседка (обл.). 2. *перен.* Медлительная, нерасторопная женщина (разг. неодобр.).

36. Кобыла, -ы, ж. 1. Самка лошади. 2. *перен.* О рослой, нескладной женщине (прост. пренебр.). *Экая ты к.!*

37. Кобылка, -и, ж. 1. см. кобыла. Самка лошади. 2. *перен.* Безответный и трудолюбивый работник, трудяга (прост.). *Всю жизнь был серой кобылкой.*

38. Козел, -а, м. 1. Жвачное парнокопытное животное сем. полорогих с длинной шерстью. 2. *перен.* Козел отпущения (разг.) — о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое (по древнееврейскому обряду, когда в день отпущения грехов первосвященник, кладя руки на голову козла, тем самым возлагал на него грехи всего народа).

39. Корова, -ы, ж. 1. Самка крупных жвачных парнокопытных животных сем. полорогих (быков), а также нек-рых других парнокопытных (напр., лося, оленя). 2. Домашнее молочное животное, самка домашнего быка. *Породистая к.* 3. *перен.* Толстая, неуклюжая женщина (прост. пренебр.). *Этакая к.*

40. Коршун, -а, м. 1. Крупная хищная птица сем. ястребиных. Коршуном налететь на когон. (стремительно и злобно) 2. *перен.* Быстрый, стремительный человек.

41. Кот, -а, м. 1. Самец кошки. *Сибирский к.* 2. *перен.* О похотливом, сластолюбивом мужчине (прост. пренебр.). *Как к. на сметану облизывается кто-н.*

42. Кошка, -и, ж. 1. Хищное млекопитающее сем. кошачьих. 2. Домашний вид такого животного, а также мех его. Самка домашнего кота. 3. Род железных шипов (или иных приспособлений), надеваемых на обувь для лазанья на столбы, по отвесным склонам. 4. Небольшой якорь (спец.) 5. Ременная плетть с несколькими хвостами. 6. *перен.* О человеке особенном и независимом, действующим в одиночку, по собственному усмотрению, не так как все. 7. *перен.* О том, кто может приспособиться к лишениям, выжить в любых условиях; разг. *Живуч как к.* 8. *перен.* О худом болезненном человеке (прост.). *Как дохлая к.*

43. Крот, -а, м. 1. Млекопитающее отряда насекомоядных, живущее в норах под землей, а также мех его. 2. *перен.* О слепом человеке. жарг. шпион, агент, работающий под прикрытием.

44. Крыса, *-ы, ж.* 1. Вредный грызун сем. мышей. 2. Крысы бегут с тонущего корабля (также перен.: о тех, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент; неодобр.). 3. *перен.* человек, вызывающий неприязнь.

45. Курица, *-ы, ж.* 1. Одомашненный вид птиц отряда куриных, с кожным выростом на голове (гребнем) и под клювом (сережками) 2. Самка фазана, цесарки, перепелки и нек-рых других куриных. 3. Самка домашних кур. 4. *перен.* Жалкий на вид человек (разг.). *Мокрая курица.* 5. *перен.* О том, кто плохо видит, кто не разглядел что-н. *Слепая к.*

46. Ласточка, *-и, ж.* 1. Маленькая, быстро летающая птица отряда воробьиных с длинными острыми крыльями. 2. Упражнение в гимнастике, фигурном катании. 3. Ласковое обращение к девочке, женщине. 4. *перен.* Первый признак проявления чего-н. хорошего. *Первая л.*

47. Лев, *-а, м.* 1. Крупное хищное животное сем. кошачьих с короткой желтоватой шерстью и с длинной гривой у самцов. 2. Морской лев — ластоногое животное сем. ушастых тюленей. 3. *перен.* Человек высшего света, пользующийся в нем большим успехом. Светский лев (устар.). Сражается как лев кто-н. (храбро).

48. Лиса, *-ы, ж.* 1. То же, что лисица. Хищное млекопитающее сем. совых с длинным пушистым хвостом, а также мех его. 2. *перен.* Хитрый, льстивый человек (разг.). *Опять эта л. ко мне подъезжает с уговорами.*

49. Лошадь, *-и, ж.* 1. Крупное непарнокопытное животное сем. лошадиных. 2. *перен.* Крупная, нескладная женщина (разг. неодобр.). *Ну и л. эта баба.* 3. *перен.* Темная лошадка (разг.) — о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны. 4. *перен.* Рабочая лошадка (разг.) — о трудолюбивом человеке, безотказном работнике.

50. Медведь, *-я, м.* 1. Крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами, а также мех его. *Бурый м.* 2. *перен.* О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.).

51. Морж, *-а, м.* 1. Крупное ластоногое морское северное млекопитающее с длинными клыками и усатой мордой. 2. *перен.* Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах. *Секция моржей.*

52. Мышь, *-и, мн. и, ей, ж.* 1. Небольшой грызун с острой мордочкой, усами и длинным хвостом. 2. *перен.* Очень тихий человек.

53. Навозник, *-а, м.* 1. Общее название жуков, питающихся навозом (зоол.) 2. Человек, собирающий хлам и мусор.

54. Обезьяна, *-ы, ж.* 1. Млекопитающее отряда приматов. *Широконосые о.* 2. *перен.* Человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.).

55. Овца, *-ы, ж.* 1. Жвачное парнокопытное домашнее млекопитающее сем. полорогих с густой волнистой шерстью. 2. *перен.* Бессловесный, чересчур покорный человек (разг.). *Не будь овцой.* 3. *перен.* Заблудшая овца. (о сбившемся с правильного пути человеке; книжн. и ирон.).

56. Олень, -я, м. 1. Крупное парнокопытное животное с ветвистыми рогами. 2. перен. разг. — дурной человек.

57. Орел, -а, м. 1. Крупная сильная хищная птица сем. ястребиных с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях. 2. перен. Гордый, смелый, сильный человек.

58. Осел, -а, м. 1. Животное сем. лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами. Дикий о. 2. перен. О тупом упрямце, глупце (прост. бран.). *Этому ослу ничего не докажешь.*

59. Павлин, -а, м. 1. Птица сем. фазановых с нарядным оперением надхвостья у самцов. прил. павлиний, ья, ье. 2. Ворона в павлиньих перьях (о том, кто хочет казаться важнее и значительнее, чем он есть на самом деле).

60. Петух, -а, м. 1. Самец домашних кур и нек-рых куриных. *Индийский п. (индюк).* 2. перен. О зазорном человеке, забияке. Петухом налететь на кого-н. (бойко и задиристо; разг.).

61. Пес, -пса, м. 1. То же, что собака, а также самец собаки, кобель. *Цепной п.* (посаженный на цепь; также перен.: чей-н. злой прислужник; презр.). 2. перен. О человеке, готовом на любые низкие поступки, дела (презр. бран.).

62. Пиявка, -и, ж. 1. Пресноводный кольчатый червь-кровосос. *Медицинская п.* 2. перен. О жадном и жестоком человеке, живущем за счет других.

63. Попугай, -я, м. 1. Птица тропических стран с ярким оперением. *Волнистый п.* 2. перен. О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (разг. неодобр.).

64. Пустельга, -и, ж. 1. Хищная птица сем. соколиных. 2. м. и ж. перен. Легкомысленный, пустой человек (разг. неодобр.).

65. Рыба, -ы, ж. 1. Позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами. *Хрящевые рыбы.* 2. Часть туши (тушки) такого животного, употр. в пищу. *Сырая р.* 3. перен. Вялый, холодный человек (разг.). 4. перен. О ком-чем-н. безличном, невыразительном (разг.). *Ни р. ни мясо.*

66. Саранча, -и, ж., также собир. 1. Стадное насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами. 2. Наброситься (налететь) как с. (с жадностью, опустошая всё; разг.). 3. Человек, который с жадность ест все подряд.

67. Сверчок, -чка, м. 1. Прямокрылое насекомое, издающее стрекочущие звуки. 2. перен. мало значимый человек. Правда, ее сразу же поставили на место — определили в детский театр. (Мол, всяк сверчок знай свой шесток.)

68. Свинья, -и, ж. 1. Парнокопытное нежвачное животное с крупным телом и короткими ногами. *Семейство свиней.* 2. Домашнее животное такого семейства, разводимое для получения мяса, сала, щетины. *С. под дубом.* 3. Самка такого животного. *Супоросая с.* 4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.). *Ну и с. же ты!*

69. Слон, -а, м. 1. Крупное с двумя большими бивнями хоботное млекопитающее тропических стран. *Африканский с.* 2. В шахматах: фигура, пере-

двигающаяся на любое число клеток по диагонали, офицер. 3. *перен.* О большом и нескладном человеке. *С. в посудной лавке.* Как с. кто-н. (неуклюж, громоздок, неповоротлив; разг.).

70. Собака, -и, ж. 1. Домашнее животное сем. псовых. *Служебные собаки.* 2. *перен.* О злом, грубом человеке (разг.). 3. *на то, в чем и с неопр.* Знаток, ловкий в каком-н. деле человек (прост). *Хорошо поет, с., заслушаешься.* 4. В нек-рых сочетаниях: название хищных млекопитающих сем. псовых. *Дикая с. Динго.* Собаку съел на чем и в чем (разг.) — приобрел большой навык в чем-н., знания.

71. Сова, -ы, ж. 1. Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом. *Отряд сов.* 2. *перен.* Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром.

72. Сокол, -а, м. 1. Хищная птица, отличающаяся быстрым парящим полетом. *Благородный с. (кречет). С. ясный.* 2. *перен.* В народной словесности: о молодце. Гол как сокол (разг.) — беден, ничего не имеет.

73. Сорока, -и, ж. 1. Птица сем. вороновых с белыми перьями в крыльях. *С. — воровка* (по свойственной сорокам повадке прятать в своем гнезде блестящие предметы). 2. *перен.* *Трещит как с.* (говорит быстро и громко; разг. неодобр.). 3. *перен.* *Как с. на колу* (о том, кто сидит, находится на торчке, а также о неустроенном, неприкаянном человеке; разг.).

74. Страус, -а, м. 1. Самая крупная бегающая (не летающая) птица жарких стран с красивым оперением. *Страус прячет голову под крыло.* 2. *перен.* Трусливое стремление уйти от решений. *С. политика.*

75. Стрекоза, -ы, ж. 1. Перепончатокрылое насекомое с длинным тонким телом. *Стрекозы вьются над водой.* 2. *перен.* О живом, подвижном ребенке, непоседе (обычно о девочке) (разг.). 3. О вертолете (прост. шут.).

76. Сука, -и, ж. 1. Самка домашней собаки, а также вообще животного сем. собачьих. 2. *перен.* Негодяй, мерзавец (прост. бран.). Сукин сын (сукины дети) (прост. бран.).

77. Сурок, -а, м. 1. Небольшое животное сем. беличьих, зимой впадающее в спячку. Спит как с. кто-нибудь (крепко, не просыпаясь; разг.).

78. Тетерев, -а, м. 1. Крупная птица отряда куриных. *Глухой т.* 2. *перен.* О глухом человеке (разг. шут.).

79. Тигр, -а, м. 1. Самая крупная из больших кошек с короткой рыжей (темными поперечными полосами) шерстью, обитающая в Индии и нек-рых районах Азии. *Уссурийский т.* Наброситься на кого-н. как т. (яростно). 2. *перен.* Тигр снегов — почетное звание шерпа-восходителя на горные вершины и проводника.

80. Трутень, -тня, м. 1. Самец в пчелиной семье. 2. *перен.* Человек, живущий за счёт чужого труда. 3. *Жить трутнем.*

81. Тюлень, -я, м. 1. Морское ластоногое млекопитающее. 2. *перен.* О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг. шут.). *Поворачивайся живее, т. ты такой!*

82. Удав, -а, м. 1. Большая хищная змея тропических стран, обычно обвивающая свою жертву при нападении. Семейство удавов. 2. *перен.* Человек, заставляющий взглядом оцепенеть, замереть. Очень спокойный человек.

83. Уж, -а, м. 1. Змея (обычно не ядовитая). Семейство ужей. 2. *Извиваться (крутиться) ужом* (хитрить, выкручиваться; разг.).

84. Улитка, -и, ж. 1. Медленно передвигающийся моллюск, обычно имеющий раковину. 2. Часть внутреннего уха — спиральная трубка, в которой находится орган, воспринимающий звуки (спец.). 3. *перен.* Медлительный человек.

85. Хамелеон, -а, м. 1. Пресмыкающееся теплых стран отряда ящериц, меняющее свою окраску при цветовых изменениях в окружающей среде. 2. *перен.* Человек, который, приспосабливаясь к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды, симпатии (неодобр.).

86. Чайка, -и, ж. 1. Живущая по берегам морей, рек, озёр птица с короткими ногами, длинными крыльями и густым оперением. 2. Морская ч. Белая ч. 3. *перен.* Человек, любящий свободную жизнь.

87. Червяк, -а, м. 1. Бескостное ползающее животное с вытянутым телом. *Ловить рыбу на червяка.* 2. *перен.* О жалком, ничтожном человеке (презр.). 3. зубчатое колесо в форме винта для передачи движения в некоторых механизмах (спец.). Червячка заморить — поев немного, слегка утолить голод.

88. Черепаха, -и, ж. 1. Медленно двигающееся на коротких конечностях пресмыкающееся, покрытое (исключая кожистую черепаху) костным панцирем. Морская ч. Изделия из черепахи (из роговых пластинок панциря). 2. *перен.* Тащиться (ползти) как ч. (очень медленно; разг. неодобр.).

89. Шакал, -а, м. 1. Хищное животное сем. псовых, питающееся падалью. 2. Как ш. ктон. (хищен, злобен). 3. *перен.,* бранн. низкий, подлый и жестокий человек.

90. Шатун, -а, м. 1. Дикое или одичавшее животное, которое, отбившись от других, живет в одиночку. *Медведь-ш.* (не залегший в спячку). 2. Человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизни (устар. и прост.).

91. Щенок, -нка, м. 1. Детеныш собаки, а также лисы, волчицы, соболя, котика и некоторых других животных. *Маленькая собачка до старости щ.* (посл.). 2. *перен.* Мальчишка, молокосос прост. бран.).

92. Ягненок, -нка, м. 1. Детеныш овцы. 2. *перен.* Кто-н. прикинулся ягненком (притворился кротким, незлобивым).

93. Ястреб, -а, м. 1. Хищная птица с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями. *Как я. налетел кто-н.* (стремительно и неожиданно). 2. *перен.,* обычно *мн.* Об агрессивно настроенных сторонниках войны, гонки вооружений.

